

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1 (20) 2018

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).
Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
д-р юрид. наук, профессор С. И. Архипов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
канд. техн. наук, доцент А. А. Мецгер
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р юрид. наук, профессор З. А. Незнамова
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юрид. наук А. П. Семитко
д-р юрид. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
академик РАН, проф. С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
проф. Ма Цзяньшэ (Гуаньчжоу, КНР)
д-р экон. наук В. И. Маршев (Москва)
д-р политологии Ж.-Р. Равьо (Франция)
д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р юрид. наук, проф. С. А. Степанов
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

1 (20) 2018

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(*Deputy Editor-in-Chief*)

Doctor of Law S. I. Arkhipov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva

Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt

Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. A. Metzger

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek

Doctor of Law Sciences Z. A. Neznamova

Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina

Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya

Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko

Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev

Prof. Ives Hamant (France)

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)

Member of the Russian Academy of Arts, Prof. S. V. Golynets

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy

E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)

Prof. Ma Jianshe (Guangzhou, China)

Doctor of Economics V. I. Marshev (Moscow)

Doctor of Political Science J.-R. Ravier (France)

Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)

Doctor of Law, Prof. S. A. Stepanov

Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Содержание

Экономика	5
<i>Шлегель Е. В.</i>	
Стабильный экономический рост для России – это реальность! <i>Интервью с Сергеем Мицеком</i>	6
<i>Мецгер А. А.</i>	
Типизация форм оппортунизма управляющих компаний инвестиционных фондов	15
<i>Кузнецова О. С.</i>	
Инвестиционная деятельность российских банков и проблемы ее осуществления	22
<i>Сорокина Н. Е.</i>	
Обучение на рабочем месте как фактор формирования лояльности сотрудников компании	26
<i>Паньков В. А., Мокеева Н. Н.</i>	
«Студенческая» дебетовая карта на 2018 год	29
<i>Мокеева Н. Н., Родичев И. А.</i>	
Предотвращение банкротства коммерческих банков методом санации с привлечением управляющей компании фонда консолидации банковского сектора	35
<i>Костерин Е. В.</i>	
Особенности разработки и внедрения корпоративной системы управления проектами	39
 Юриспруденция	 47
<i>Султанов А. Р.</i>	
Упрощение или уничтожение правосудия	48
<i>Семякин М. Н.</i>	
Частноправовое конструирование социальной реальности	54
<i>Эльзенбах Ю. Ю., Глушкова С. И.</i>	
Роль национальных правозащитных институтов в защите прав ребенка в России	68
<i>Семитко А. П.</i>	
Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаренко «Правовое освоение в системе категорий теории права»	75
 Философия	 87
<i>Гудова М. Ю.</i>	
Метод культурной практики и проблема культурологической интерпретации актуального искусства в современной эстетике	88
<i>Голомидова О. Ю.</i>	
Культурно-исторические начала городской культуры	98
<i>Крутеева О. В.</i>	
Социально-культурные практики как способ сохранения и развития народного искусства: философско-культурологический анализ	104
<i>Трушина Т. Л.</i>	
Феномен моды: роль классических концепций в современности	109
 <i>Закс Л. А.</i>	
Памяти Сергея Васильевича Голынца	115
 Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	 117

Contents

Economics	5
<i>Shlegel E. V.</i>	
"Steady economic growth in Russia is a reality" : Sergey Mitsek's interview	6
<i>Metzger A. A.</i>	
Typification of Opportunism of Investment Funds Management Companies	15
<i>Kuznetsova O. S.</i>	
Investment Activities and Implementation Problems of Russian Banks	22
<i>Sorokina N. E.</i>	
On-the-Job Training as a Factor Creating the Company Staff Loyalty	26
<i>Pankov V. A., Mokeeva N. N.</i>	
"Student" Debit Card of 2018	29
<i>Mokeeva N. N., Rodichev I. A.</i>	
Commercial Banks' Bankruptcy Prevention with Rehabilitation Involving the Managing Company of the Bank Consolidation Fund	35
<i>Kosterin E. V.</i>	
Features of Development and Implementation of Corporate Project Management System	39
 Law	 47
<i>Sultanov A. R.</i>	
Should the Justice Be Oversimplified or Eliminated?	48
<i>Semyakin M. N.</i>	
The Construction of Social Reality in Private Law	54
<i>Elzenbakh Y. Y., Glushkova S. I.</i>	
The Role of National Human Rights Institutes in Protection of Child Rights in Russia	68
<i>Semitko A. P.</i>	
Academic Review on E. V. Ponomarenko's Doctoral Thesis for Doctor of Jurisprudence Degree "Legal Development in Categories of the Theory of Law"	75
 Philosophy	 87
<i>Gudova M. Y.</i>	
Method of Cultural Practice and the Problem of Cultural Interpretation of the Actual Art in Contemporary Aesthetics	88
<i>Golomidova O. Y.</i>	
Cultural and Historical Sources of Urban Culture	98
<i>Kruteyeva O. V.</i>	
Sociocultural Practices as a Way to Preserve and Stimulate the Folk Arts: Philosophical and Cultural Analysis	104
<i>Trushina T. L.</i>	
The Phenomenon of Fashion: the Role of Classical Concepts in Modern Times	109
 <i>Zaks L. A.</i>	
To the memory of Sergey Vasil'yevich Golynets.....	115
 Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	 117

|| ЭКОНОМИКА

Стабильный экономический рост для России – это реальность! Интервью с Сергеем Мицеком

Мы поговорили с одним из известных российских экономистов, доктором экономических наук, деканом факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета, обладателем диплома Мирового банка в области финансового и банковского менеджмента (Вашингтон, США), участником международного научного проекта «Развитие, экономический рост и международная торговля (DEGIT)» Сергеем Александровичем Мицеком¹ – о вы-

боре профессии, о мировой научной экономической мысли, о происходящих экономических процессах в стране и о прогнозах на будущее.

О мотивации, семье и выборе профессии

1. Сергей Александрович, с чего начинался Ваш научный путь? Чем Вас привлекала именно экономическая мысль?

Почему именно экономика? Меня всегда тянуло к цифрам, к фундаментальным знаниям. Эта тяга досталась мне по наследству от моего прадеда – Петра Абрамовича Виленского, который более известен в нашей стране под псевдонимом «Шубин». Еще в детстве, учеником школы, я изучал различные справочники (все, которые мог найти), интересовался численностью населения различных стран, городов и областей, поскольку экономических изданий тогда было мало, а демографические данные публиковали. Моему дедушке, Сергею Васильевичу Вонсовскому, – он был депутатом Верховного Совета Российской Федерации, членом Президиума Академии наук СССР, Председателем президиума Уральского отделения АН СССР – в соответствии с его статусом из Москвы регулярно присылали справочники «Народное хозяйство Советского Союза», и я их очень тщательно изучал. Много времени провел с Большой Советской Энциклопедией. Даже когда в школе занимались географией, я черпал из нее знания по экономике – там были атласы по экономической географии, я их всегда тщательно изучал, чем вызывал

* Елена Владимировна Шлегель, редактор сайта АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Сергей Александрович Мицек, д-р экон. наук, доцент, выпускник МГУ, профессор Гуманитарного университета (г. Екатеринбург). Обладатель диплома Мирового банка (Вашингтон, США) в области финансового и банковского менеджмента, диплома Йоркского университета (Торонто, Канада) в области корпоративного управления, участник программы «Динамические системы» Токийского технологического института и Международного института прикладного системного анализа в Лаксенбурге, Австрия. Участник международного научного проекта «Развитие, экономический рост и международная торговля (DEGIT)», участник итало-канадского научного семинара в центре экономического анализа (Rimini).

усмешки моих друзей, изучая, например, такие показатели, как поголовье скота или выплавка чугуна. Но оказалось, что все это не зря.

Наследственную любовь к экономике мне передал также брат моей бабушки Лазарь Абрамович Шацкин, один из основателей комсомола, который несколько лет возглавлял институт экономических исследований. Он был убит в 1937 году – его жизнь закончилась в Суздальском изоляторе, где он находился в заключении вместе с известным экономистом Николаем Дмитриевичем Кондратьевым. Я узнал об этом совершенно случайно: искал биографию Кондратьева и нашел в Википедии фотографию памятного обелиска в Суздальском изоляторе, на котором были написаны имена нескольких наиболее знаменитых узников, среди них Николай Дмитриевич Кондратьев и Лазарь Абрамович Шацкин, брат моей бабушки. Такой вот печальный памятный знак.

Среди других членов нашей семьи всегда очень интересовался экономикой мой дядя, брат моей мамы, Андрей Семенович Шубин. По образованию он был химик, но при этом не только занимался наукой, но и налаживал химическое производство в глубинках страны. За обширные знания в области химии и прекрасные человеческие качества его очень уважали заводчане. Благодаря поездкам в разные города нашей страны он многое понял относительно реалий нашей промышленности, знал нашу экономику не по книгам, а из жизни. Андрей Семенович Шубин мне тоже передал интерес и к экономике, и к фундаментальным знаниям в целом.

Наконец, из семейной тяги к экономике не могу не вспомнить еще одного члена нашей семьи, двоюродного брата моей бабушки, Леонарда Шацкина. Когда в 1914 году родители бабушки побежали от немцев из польской части России в глубь страны, брат ее отца эмигрировал в США. Так появилась американская ветвь нашей семьи. Леонард всю жизнь прожил в Нью-Йорке и много лет входил в руководство известной книгоиздательской компании McGrawHill, которая издает великолепные книги в разных сферах знаний, в том числе по экономике. Выйдя на пенсию, Леонард Шацкин консультировал книгоиздательские компании по всему миру, в том числе в России. Я присутствовал на его выступлении в известном книжном магазине «Глобус» в Москве, оно было очень успешным и посвящено издательскому делу. Леонард Шацкин очень любил Россию, гордился своими русскими родственниками, пользовался заслуженным уважением своих российских коллег – издателей книг. Беседы с ним о разных аспектах жизни и науки также оказали на меня большое влияние.

Вот так возникла моя мотивация выбрать свой профессиональный путь.

В 1976 году, закончив школу № 13 в Екатеринбурге, я решил поступать в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, так как считал, что лучшие знания в области экономики дают именно там. В то время это было именно так! В МГУ я познакомился с очень интересными людьми, и эти контакты помогают мне до сих пор. У меня были блистательные преподаватели, перед которыми я низко склоняю голову. Трое из них оказали на меня огромное влияние и как на ученого, и как на преподавателя, и как на человека. Это Юрий Николаевич Черемных – преподаватель математического анализа, Александр Иванович Анчишкин – преподавал курс «планирование и прогнозирование» (по сути, это была макроэкономика – то, чем я сейчас занимаюсь), а также Сергей Артемьевич Айвазян – преподавал дисциплины «Математическая статистика» и «Эконометрика». Это специалисты мирового класса, люди выдающихся моральных качеств, ученые с большой буквы и просто мои Учителя – те учителя, у которых я учился не по книгам, а по реальному жизненному опыту.

Научным руководителем у меня был Ефрем Залманович Майминас – он был для меня, скорее, некой опекой. Его большая заслуга состояла в том, что он орга-

низовал на экономическом факультете МГУ научный семинар – то, что я пытаюсь делать на факультете бизнеса и управления Гуманитарного университета. Ефрем Залманович приглашал в качестве докладчиков интересных людей, и мы обсуждали животрепещущие проблемы, причем обсуждали достаточно свободно. Дух свободы, открытая дискуссия – в этом я вижу большую заслугу Майминаса как педагога и ученого.

Почему Вы выбрали путь ученого, профессора, преподавателя, а не путь бизнесмена?

Тут вопрос двоякий. Я бы не сказал, что пошел исключительно по пути ученого, ведь деятельность Гуманитарного университета – это тоже бизнес. Работать в Гуманитарном университете мне гораздо интереснее, чем в вузе государственном. Причина в том, что нам все время приходится бороться за то, чтобы удержаться на рынке. А для этого нам надо хорошо работать, давать нашим студентам отличные знания, что мы и делаем.

К сожалению, экономика нашей страны пока еще не достигла уровня, при котором научные знания могли бы использоваться в других сферах, помимо образования и собственно науки. Это тем более обидно, что, используя науку, мы могли бы быстро наверстать наше отставание во многих сферах, благо в России всегда было и есть много талантливых и энергичных людей. Но мне, к сожалению, постоянно приходится сталкиваться с консерватизмом мышления многих наших руководителей. Это серьезно замедляет развитие экономики и нашей страны в целом.

Немного об основах современной экономической мысли

Сергей Александрович, какие научные события мирового масштаба Вы считаете наиболее значимыми в области экономической мысли?

Я могу назвать несколько. Во-первых, это издание в 1848 году книги Джона Стюарта Милля «Основы политической экономии», где он заложил основу современной экономической мысли. Считается общепринятым, что экономическая наука идет от книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», изданной в 1776 году. Но я считаю, что основы современного экономического анализа заложил все-таки Милль, величайший экономист.

Второе великое событие – это издание в 1936 году книги Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». В ней Кейнс заложил основы современного макроэкономического анализа.

Эпохальным событием было возникновение линейного программирования, которое создал великий русский математик Леонид Витальевич Канторович в 1939 году, а затем вновь открыл в 1947-м американский экономист голландского происхождения Тьяллинг Купманс. Оба они получили в 1975 году Нобелевскую премию за это открытие. Отметим, что Купманс, будучи очень благородным человеком, всегда признавал приоритет Канторовича как первооткрывателя. Благодаря созданию линейного программирования были, во-первых, созданы методы оптимизации, которые применяются сегодня при решении многих экономических задач. Во-вторых, они помогли обобщить разработанные ранее принципы экономического анализа, взглянуть на них совершенно по-новому.

Ну, и еще одно эпохальное событие, это, конечно, развитие эконометрики. Я считаю ее первооткрывателями таких русских экономистов, как Павел Ильич Попов и Лев Николаевич Литошенко. Еще в 20-х годах прошлого века они создали модель межотраслевого баланса, которую потом существенно доработал другой

русский экономист, Василий Васильевич Леонтьев. На мой взгляд, именно модели межотраслевого баланса дали толчок развитию современной эконометрики.

Леонтьев получил Нобелевскую премию в 1973 году за разработку модели межотраслевого баланса. Он всегда подчеркивал важность пионерного исследования Попова и Литошенко.

Вот эти фундаментальные события, которые, по моему мнению, составили славу экономической науке. И мы видим с вами довольно большой вклад русской экономической мысли!

А если брать последнее столетие, то кого Вы посчитаете самым выдающимся экономистом (ученым и практикующим)? Чье мнение авторитетно для Вас сейчас?

На мой взгляд, самый выдающийся экономист в истории науки – это, конечно, Кейнс. Кроме огромного вклада в развитие науки, он входил в различные правительственные комиссии, был членом Совета директоров Банка Англии, т. е. фактически являлся членом правительства. Для меня это выдающееся сочетание теории и практика. Если говорить о России, то самым выдающимся среди русских экономистов я считаю Михаила Ивановича Туган-Барановского – тоже, кстати, и теоретика и практика (кроме его многочисленных научных трудов, он также работал в органах власти).

Если говорить о людях сегодняшнего дня – то это Бен Бернанке, который несколько лет возглавлял Федеральную резервную систему США; безусловно, Джозеф Стиглиц, который был долгие годы главным экономистом Всемирного банка; Стэнли Фишер, бывший заместителем директора Международного валютного фонда, а затем руководителем Центрального банка Израиля. Все эти люди умели сочетать глубокие экономические исследования и с практикой, и с педагогической работой. Так, Бернанке и Фишер – авторы известных учебников по макроэкономике.

Экономика России сегодня

Вы серьезно занимаетесь моделированием российской экономики. Скажите, а при планировании экономической жизни страны, при выстраивании реальных стратегий и планов – учитываются ли мнения и разработки ученых-экономистов?

Учитываются, но, к сожалению, очень мало, недостаточно. Для меня это совершенно непонятно: почему не воспользоваться научными результатами, особенно если они опубликованы в книгах и журналах (и потому их применение не требует денежных затрат)?

Каким Вы видите место России в мировой экономике через десять, двадцать лет? Стабильный экономический рост для современной России – это реальность? Скептики говорят о «сырьевом проклятии», «дефектах социально-политической памяти», «специфике демографической ситуации», гигантских, слабообжитых территориях, особой миссии России в сложной геополитической обстановке и т. д.

Стабильный экономический рост России – это, конечно, реальность! Все это зависит только от нас самих.

Если мы будем уповать только на то, чтобы продавать нефть за рубеж, получать деньги и за счет этого жить, – этот путь считаю тупиковым. Вполне в наших

силах развивать другие отрасли экономики, механизм вполне известен: налоговые и прочие льготы секторам, которые мы хотим развивать.

Например, в последние годы хорошо развивается сельское хозяйство – это перспективная отрасль, потому что у нас много земли и других природных ресурсов. Мировой рынок сейчас требует продовольствия – быстро растут развивающиеся страны, где повышается удельный вес среднего класса. Он богатеет и предъявляет все больший спрос на продукты питания. В целом в мире спрос на продукты питания очень большой, и Россия здесь может занять очень достойную нишу и зарабатывать хорошие деньги. Особое внимание следует обратить на животноводство, которое у нас пока отстает.

Далее, я считаю, что у нас неплохо может развиваться авиастроение: и успехи, как известно, есть. Мы можем добиться дополнительных успехов и на наших традиционных рынках, таких, например, как химическая промышленность, в том числе удобрения. Рост спроса на продовольствие будет повышать спрос на удобрения.

Наши экспортные отрасли, черная и цветная металлургия, также могут усилить свои позиции на мировых рынках, но для этого нам нужно проводить реконструкцию заводов, многие из них отстали в технологическом плане. Конечно, это требует больших вложений, поэтому инвестиции надо поощрять налоговыми льготами.

Еще одна перспективная сфера – рынок программных услуг и Интернета, который очень быстро развивается. Для этого у нас есть очень сильные программисты и математики, прекрасно подготовленные инженерные кадры.

Так что перспективы стабильного роста у России вполне очевидны, но нужно вести продуманную политику, как поощрять несырьевые отрасли.

Какие реформы Вы бы предложили в нынешних условиях нашей стране?

Реформы нужно разделить на несколько направлений. Как специалисту в области экономики, экономические реформы мне вполне очевидны. Но для нас очень важны и политические реформы, и культурные изменения.

Если начать с политических реформ, то очень важно защитить частную собственность. Человек должен быть спокоен, что его собственность не отберут, а такое словосочетание, как «отжать бизнес», должно уйти в историю. Должны быть равные стартовые позиции, равные права и равная ответственность. Здесь же, на мой взгляд, необходима реформа судов. Чтобы суд был беспристрастен, профессионален, неангажирован и т. д. Чтобы решать свои проблемы и споры бизнес мог, в первую очередь, в суде. Все эти вопросы, исключительно важные для нашей страны, я затронул очень кратко, так как не считаю себя в них специалистом. Мои коллеги-юристы могут дать им серьезное научное обоснование.

Если говорить о собственно экономических реформах, в первую очередь реформа налоговая. Общее направление такой реформы можно сформулировать так: **«Меньше налогов на производство, больше налогов на потребление!»** Так, надо отменить налог на имущество предприятий, он очень мешает, так как наказывает бизнес, который инвестирует в развитие производства. Этот налог был уместен в годы приватизации, но сейчас он просто устарел.

Нужно ввести льготы для инвесторов. В качестве радикальной меры я бы предложил 100%-ную амортизационную премию. Это позволило бы сразу списывать на издержки стоимость купленного оборудования и тем самым снизило бы налог на прибыль. Также следует минимизировать импортные пошлины на оборудование, которое остро необходимо производству, но пока не имеет отечественных аналогов. Следует помнить, что **главный стимул экономического роста и прогресса – это инвестиции!**

Что еще нужно сделать из экономических мер? Нужно вернуть малому бизнесу старые льготы и дать новые. Здесь среди возможных мер надо расширить область применения упрощенных систем налогообложения; там, где налоги уплачиваются как процент с выручки, – уменьшить этот процент; повысить объемы оборотов, при которых разрешена упрощенная система налогообложения; расширить сферы применения патентной системы. Все это очень непростые решения, так как налоги с малого бизнеса получают в первую очередь субфедеральные бюджеты. Но неужели лучше, когда бизнес уходит в тень или разоряется? Тогда он уже точно никаких налогов не заплатит!

Есть еще одна интересная мера, применяемая в США для поощрения малого бизнеса. Там налог на прибыль вообще не берется с первых 100 тысяч долларов прибыли. Почему бы нам не использовать подобный опыт – не брать налога на прибыль, например, с первого миллиона рублей прибыли? Это решило бы многие проблемы: существенно облегчило бы жизнь начинающим предпринимателям, помогло бы тем, кто попал в трудное положение, меньше было бы стимулов уклоняться от уплаты налогов.

Следует помнить, что развитие малого бизнеса – это не только экономическая, но и политическая цель. Когда человек имеет бизнес, он не висит на шее у государства и в целом ведет себя гораздо более ответственно. Мер, которые сегодня принимаются для поощрения бизнеса, совершенно недостаточно.

У нас малый бизнес, насколько я помню, занимает от силы 20 % ВВП, а в развитых странах – 50–70 %, в Китае 80 %. Чем же мы хуже?

Наконец, надо вернуть прежний уровень социальных взносов. Сейчас он составляет 30 % с зарплаты, причем льготы по ним каждый год неуклонно сокращаются. Надо вернуть прежний уровень – 25,6 %, а может быть, сделать еще меньше. Дело в том, что, по мнению многих экспертов, эти «взносы» по своей сути – один из самых тяжелых видов налога на наш бизнес. Поэтому многие предприятия уходят в тень, платят «серую» зарплату, из-за чего страдают и бюджет, и граждане, и пенсионный фонд, и прочие социальные фонды.

Конечно, от предлагаемых мною мер поступления казны, особенно субфедеральных бюджетов, уменьшатся, по крайней мере на первое время. Следовательно, эти потери надо компенсировать. В качестве мер компенсации я бы предложил, во-первых, налог с розничных продаж. Это, конечно, приведет к повышению цен, это понятно, но эта мера неизбежна, чтобы компенсировать потери бюджета. Во-вторых, это расширение акцизного обложения. В-третьих, нужно вводить прогрессивный подоходный налог, но с оговоркой: только с людей высокого достатка. Я бы предложил начинать рост ставки с доходов свыше 1 миллиона рублей в месяц. В-четвертых, надо повышать налоги на роскошь, т. е. на очень дорогое имущество.

Всё это вкупе с другими мерами могло бы компенсировать те налоговые льготы, которые я предлагаю.

Наконец, нельзя не сказать и еще об одном важном вопросе, от которого зависят пути дальнейшего развития нашей страны. Я имею в виду моральный климат в нашем обществе.

Представим мысленно каркас общества в виде треугольника: «государство–бизнес–народ». Прочность его может быть обеспечена лишь на основе взаимного доверия, а сейчас такого доверия нет. Нужно нравственное самосовершенствование всех этих трех элементов нашего общества, а именно: не врать, честно работать, платить налоги, выполнять законы, научиться решать проблемы на основе компромисса.

Радикальных изменений требуют принципы кадровой политики, как власти, так и бизнеса. К сожалению, до сих пор при отборе кадров используется принцип

либо личного знакомства, либо родственных связей. Это не лучший способ. Работодатель должен сам искать кадры, а не ждать, когда нужный специалист сам найдет его компанию или ведомство. В противном случае у нас всегда будет дефицит квалифицированных кадров.

За рубежом есть хороший опыт – «Зеленая жатва», когда крупнейшие компании в период выпускных экзаменов объезжают вузы и отбирают себе лучших выпускников, предлагают им привлекательные условия. Нам надо использовать этот весьма ценный, на мой взгляд, опыт!

Поговорим о перспективах: несколько упрощенный взгляд на перспективы развития национальной экономики представляет дилемму между рыночным и распределительным механизмом («рынок» vs «плана», «Глазьев» vs «Кудрина» и т. д.). Ваши личные научные предпочтения, или Вы считаете, что данная система координат изначально ошибочна?

Она ошибочна, безусловно. Смотри какой рынок, смотри какой план. Безусловно, основой любого общества должна быть рыночная экономика. Сейчас в мире осталась лишь одна нерыночная экономика – это Северная Корея, хотя даже там заметны признаки движения в сторону рынка. Такое государство, как Куба, проводит реформы в сторону рынка, причем достаточно быстро.

В чем основной плюс рыночной экономики? В том, что рыночные цены дают сигнал производителю: что пользуется спросом. Когда спрос растет – растет цена, растет цена – растет прибыльность производства данного вида продукции или услуги – и она становится выгодна бизнесу, бизнес ориентируется на производство данного продукта. Поэтому если не будет рыночной экономики, то бизнес не будет ориентирован на то, чтобы производить именно то, что нужно потребителю. В экономике будет дефицит одних товаров и переизбыток других. И в этом аспекте лучше рынка человечество пока ничего не придумало.

Рыночная экономика вовсе не отрицает плана. Но принцип планирования должен отличаться от того, что был принят в СССР. Тогда это был очень детализированный план: заводу производить то-то, продавать по таким-то ценам, поставлять тому-то. А вот план, например, как ускорить темпы экономического роста, как стабилизировать курс валюты, как стабилизировать инфляцию, как расширить кредиты – эти макроэкономические вещи можно и нужно планировать. Именно такой тип планирования предлагал в 1920-х годах Николай Дмитриевич Кондратьев. Жаль, что с ним не согласились. Поэтому его идеи так важны и сегодня, популярны и используются не только в России, но и за рубежом. Если говорить о вкладе русской экономической мысли, повторю еще раз: вклад Кондратьева очень важен! Такое планирование вполне нормально, оно рынку никак не противоречит.

А как Вы оцениваете политику ЦБ РФ по таргетированию инфляции любой ценой?

Я бы не сказал, что это делается любой ценой, там работают достаточно квалифицированные люди. Я считаю, что Центральный банк многого добился за последнее время: если складывать плюсы и минусы его политики, то, конечно, все-таки это плюс. Я искренне поддерживаю ту политику, которую они проводят: инфляцию все-таки удалось снизить. В нашей стране, которая долгое время переживала достаточно высокую инфляцию, это очень важно. Причем важны не только сами показатели инфляции, но и инфляционные ожидания, т. е. поведение бизнеса, поведение инвесторов, поведение граждан по отношению к тому, какую инфляцию они ожидают. Если инфляционные ожидания низкие, тогда граждане больше вкладывают деньги в отечественные банки, в отечественную валюту, ценные бу-

маги; бизнес – в развитие нашего производства, а не за рубеж. Это очень важно! И здесь, я считаю, у ЦБ серьезные достижения! Но ограничительная денежная политика породила не только низкую инфляцию, но и высокие реальные процентные ставки. Их надо снижать, так как в результате кредиты бизнесу и гражданам становятся весьма дорогими. Поэтому ЦБ сейчас аккуратно снижает ключевую ставку, по которой сам дает кредиты банкам. Цель состоит в том, чтобы банки сами снизили проценты по кредитам – это может дать определенный стимул развитию бизнеса. Это правильное направление! Другое дело, что сейчас, на мой взгляд, препятствует экономическому росту не столько денежная, сколько налоговая политика. И вот здесь провести реформу было бы важно!

Ваше отношение к криптовалютам? Допускаете ли Вы возможность того, что «биткоин и Со», преодолев детские болезни становления, повторят историю золота как средства всеобщего эквивалента, расчетов, накопления и пр.?

Не думаю. Есть такое высказывание Гладстона: «Даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствования о сущности денег». Говорить о биткоине невозможно без подобного «мудрствования». Я считаю, что биткоин пока не может играть роль полноценных денег. Что такое полноценные деньги – это вопрос непростой. В мире сейчас есть понятие «фидуциарные деньги»: деньги, которыми мы с вами пользуемся, – это как раз и есть фидуциарные деньги. В старинные времена пользовались золотом, но золото не было фидуциарными деньгами, потому что оно само имеет некую ценность как металл. А фидуциарные деньги – это деньги, основанные только на доверии к тому, кто их выпустил. Бумажка у меня в кармане сама по себе ничего не стоит, про безнал и говорить нечего. И тем не менее, это деньги. Почему? Во-первых, потому, что их принимают в оплату товаров и услуг. И заставляет так делать именно государство, орган принуждения. Во-вторых, само государство принимает эти деньги в уплату налогов и других обязательных платежей в пользу государства. В этом смысле, это полноценные деньги. А биткоин? Его принимают в уплату? Я приду в магазин, скажу «Дайте палку колбасы, вот вам биткоин». Мне колбасы не дадут. У меня и налоги не примут в уплату биткоином. Биткоины, по сути, применяются в некоем закрытом клубе. Это как расписки в книгах о Шерлоке Холмсе: пришел в закрытый клуб, оплатил услугу распиской, по расписке выпил бокал портвейна, уплатил карточный долг. И все внутри клуба эти расписки принимают. Этакая частичная, ограниченная валюта. В старинные времена роль такой частичной валюты играл вексель. Биткоин сможет играть такую же роль, как наши с вами деньги, когда я смогу прийти в магазин и расплатиться биткоином, когда государство налоги возьмет у меня биткоином и т. д. Сейчас он полноценными деньгами пока стать не может, он – полуденьги. Чтобы он стал полноценными деньгами, нужно будет принять ряд определенных условий. И главный вопрос: кто их будет выпускать и контролировать? Так что про биткоин как полноценный эквивалент денег говорить пока рано.

Сергей Александрович, у Вас такая прекрасная семейная экономическая история, Вы закончили самый большой вуз страны, а насколько Вы чувствуете себя реализованным ученым, работая в небольшом Гуманитарном университете?

В нашем Гуманитарном университете я себя полностью реализовал, как ни в каком другом месте. Объясню почему: потому что традиции Гуманитарного университета – это прежде всего свобода. Именно дух свободы я больше всего ценю в нашем университете. Свобода творчества, атмосфера доброжелательности – вот главные черты, отличающие наш университет. Мне очень хотелось бы, чтобы на-

ши студенты все это ценили, а став специалистами, вспоминали родной университет с теплотой и благодарностью.

Вторая важная особенность состоит в том, что Гуманитарный университет – это элитарное учебное заведение. Почему? Потому что я и все мои коллеги стремимся к самым высоким стандартам: учить студентов и делать науку на мировом уровне. Поэтому и учиться у нас так трудно. Но все эти трудности будут вознаграждены сторицей в большой, взрослой жизни.

Elena Vladimirovna Shlegel,

Content Manager of Site, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**"Steady economic growth in Russia is a reality" :
Sergey Mitsek's interview**

Типизация форм оппортунизма управляющих компаний инвестиционных фондов

Рассматриваются методологические аспекты проявления оппортунизма управляющих компаний инвестиционных фондов как частного случая проблемы взаимодействия агентов (менеджеры фонда) и принципалов (инвесторы фонда). Выделены системообразующие факторы, позволяющие сформулировать оптимальную стратегию управления активами фонда в интересах его инвесторов: 1) для фондов, предназначенных для неквалифицированных инвесторов – пассивный вариант стратегии широкой диверсификации активов на эффективных рынках, 2) для фондов, предназначенных для квалифицированных инвесторов, – стратегия активного управления активами на рынках с низким уровнем информационной эффективности. В рамках данной системы целеполагания оппортунизм управляющих компаний можно представить как один из вариантов искажения оптимальной стратегии управления инвестиционным фондом, при котором обеспечивается сохранение или даже увеличение выгод управляющей компании за счет ухудшения положения инвесторов. Для фондов широкой диверсификации на эффективных рынках таким искажением становится переход к стратегии активных операций и/или переход на рынок с более низкой информационной эффективностью (неоправданное повышение риска). Для фондов квалифицированных инвесторов, напротив, искажение оптимальной стратегии проявляется в снижении активности операций и/или переходе к операциям на эффективных рынках (неоправданное снижение риска). Во всех указанных случаях оппортунизм менеджмента инвестиционных фондов представляет собой проявление «морального риска» (*moral hazard*) и перераспределение остаточного дохода на основе информационной асимметрии. Предложенная типизация форм проявления оппортунизма позволяет систематизировать существующие практики снижения агентских издержек в инвестиционных фондах, сформировать направления их совершенствования и обеспечить их более эффективное применение в конкретных условиях.

Ключевые слова: инвестиционный фонд; управляющая компания; эффективность рынка; стратегия инвестиционного фонда; пассивное управление; активное управление; бенчмарк; индексное инвестирование; индексный фонд; Exchange Traded Fund (ETF); менеджеры; инвесторы; агентская проблема; оппортунизм менеджеров; вознаграждение управляющей компании; корпоративное управление; моральный риск; квалифицированные инвесторы; неквалифицированные инвесторы.

Итоги 2017 года для мировой индустрии инвестиционных фондов в очередной раз подтвердили тенденцию последних лет – сокращение притока средств в активно управляемые фонды и практически эквивалентное увеличение средств, аккумулированных в фондах с пассивными стратегиями управления (в первую очередь в биржевых индексных фондах – *Exchange Traded Funds*, или *ETF*)¹. Вместе с тем события уже нового, 2018 года вновь активизировали дискуссию о преимуществах «активного» или «пассивного» стиля управления инвестиционными активами. Толчком послужили достаточно драматические события 5 февраля 2018 года, когда старейший фондовый индекс *Dow Jones Industrial Average* продемонст-

*Александр Альбертович Мецгер, канд. техн. наук, доцент, генеральный директор ЗАО «Управляющая компания» (г. Екатеринбург).

¹ Например, общий приток средств в немецкие фонды акций в 2017 году составил 18,2 млрд евро, при этом доля средств в индексные фонды составила 14 млрд. евро, а в активно управляемые фонды всего 4,2 млрд евро. Впрочем, на данном рынке по-прежнему сохраняется суммарное преобладание объема средств в активно управляемых фондах (283 млрд евро) над объемом средств в фондах ETF-акций (111 млрд евро) [19].

рировал рекордное за свою более чем столетнюю историю дневное падение, снизившись на 4,6 % (-1 179 пунктов). Одновременная реакция других американских индексов (*S&P 500* минус 4,1 %, *Nasdaq* минус 3,8 %) спровоцировала аналогичные снижения и на других мировых фондовых площадках. Не углубляясь в локальные причины столь стремительной негативной динамики рынков², нельзя не признать, что в целом на рынке акций уже сформировался определенный «перегрев», который или, 1), может быть снят серией коррекций, или, 2), приведет к долгосрочному изменению рынка, например в пользу рынка корпоративного долга. Объективные предпосылки для второго сценария более чем очевидны, и в первую очередь это сокращение политики «дешевых денег» на рынке США, а на горизонте ближайшего года – и в Еврозоне.

Таким образом, сценарий долгосрочной стагнации фондовых рынков акций по-прежнему остается лишь вероятностным, но его вероятность повысилась. Это, по мнению сторонников активного управления инвестиционными фондами, должно неизбежно положить конец экспансии пассивной стратегии управления, которая не способна генерировать положительные доходности на стагнирующем и тем более падающем рынке.

На первый взгляд данные аргументы представляются вполне оправданными, поскольку идеология тех же индексных фондов сводится лишь к повторению соответствующего рынка или бенчмарка (*benchmark*). Однако из этого отнюдь не следует вывод о неизбежном превосходстве активных стратегий, допускающих извлечение дохода и на падающем рынке – за счет открытия коротких позиций, продаж без обеспечения, использования деривативов и т. д. Активный тайминг (*timing*) подобных операций по своей природе ничем не отличается от зеркальных операций открытия длинных позиций, которые актуальны на растущем рынке. При этом надо помнить, что история последних лет (растущий тренд акций) не подтверждает способность управляющих компаний генерировать положительную относительно бенмарка доходность [1; 2; 3; 5; 7; 20; 22].

Конечно, не стоит исключать уже упомянутый и возможный сдвиг инвестиционных предпочтений в пользу долгового рынка на фоне роста доходностей рынка облигаций по отношению к рынку акций. Тем не менее этот сценарий, а главное, связанное с ним долгосрочное изменение целевого рынка для инвесторов отнюдь не требуют перевода средств в фонды с активным и дорогостоящим профессиональным управлением. Смена направления инвестирования массовых инвесторов вполне возможна, но можно прогнозировать, что она произойдет по направлению «из *ETF* акций в *ETF* облигаций», а отнюдь не по направлению «из *ETF* акций в фонды акций с активным управлением»!

Все сказанное выше отнюдь не должно создавать впечатление о некой глобальной борьбе «добра» (пассивное управление) со «злом» (активное управление). Картина инвестиционного рынка, и в том числе рынка инвестиционных фондов, не может быть сведена лишь к характеру реализуемой стратегии управления активами. Оптимальность данной стратегии может быть оценена лишь в контексте таких факторов, как 1) характер инвестиционного рынка и 2) характеристика инвесторов соответствующего фонда. В первом случае речь идет о степени информационной эффективности рынка, а во втором – о степени квалифицированности или искушенности инвесторов фондов. Анализ транзакционных издержек реализации активной или пассивной стратегии управления активами позволяет объективно выделить границы оптимального применения того или иного ее варианта [9].

² Например, активное развитие алгоритмической торговли и/или эмоциональная реакция участников рынка на заявления представителей Федеральной резервной системы США об ускорении сворачивания политики количественного смягчения.

Активная стратегия обеспечивает минимизацию суммарных транзакционных издержек для инвестиционных фондов, ориентированных на рынки с низкой степенью эффективности и предназначенных для квалифицированных инвесторов (венчурные и хедж-фонды, фонды прямых инвестиций и т. д.). Именно это сочетание позволяет рассчитывать на получение сверхрыночной доходности за счет профессионализма управляющих фондами, хотя и с повышенным уровнем риска и относительно низкой ликвидностью вложений.

Пассивная стратегия, напротив, позволяет минимизировать совокупные транзакционные издержки на рынках с высокой степенью информационной эффективности, которые в сочетании с относительно низким уровнем риска (за счет широкой диверсификации) и высоким уровнем ликвидности (как правило, рынки биржевых активов) отвечают интересам рядовых, неквалифицированных инвесторов.

Тем не менее не надо забывать, что конструкция инвестиционного фонда представляет собой пример классического разделения функций управления и собственности. Менеджеры фонда или ее управляющая компания в данном случае обеспечивают реализацию функции управления активами и выступают **агентами** по отношению к инвесторам фонда (**принципалам**). За последними остается функция владения, которая может быть дополнена функцией контроля, механизмы которого будут отличаться в зависимости от степени квалификации инвесторов. Как следствие, актуальность приобретает т. н. **агентская проблема**. Указанная проблема основана на различных оценках полезности принимаемых решений агентами и принципалами (конфликт интересов) и атрибутивной для такой ситуации асимметрии информации в пользу агентов. Минимизация агентских издержек составляет основу классического корпоративного управления (*corporate governance*) и активно развивается в рамках индустрии инвестиционных фондов в странах с развитыми финансовыми рынками (*fund governance*) [8].

С точки зрения институционального подхода ключевой проблемой корпоративного управления в инвестиционных фондах становится **оппортунизм менеджеров фонда**. По мнению автора данной категории О. Уильямсона, под ним следует понимать «преследование личного интереса с использованием коварства (обмана). В более общем случае оппортунизм означает предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины или других методах запутывания партнера. Он лежит в основе действительной или мнимой информационной асимметрии»³. В работе [15] приводится ряд других определений оппортунизма, акцентирующих внимание на тех или иных аспектах его проявления:

- «действия экономических агентов по максимизации их собственной полезности в ущерб другим... Оппортунистическое поведение является “перераспределением богатства”» [10];
- «способ действия экономического агента в соответствии с собственными интересами, не ограниченный соображениями морали и противоречащий интересам других агентов» [16];
- «использование асимметричной информации для своей выгоды и в ущерб интересам контрагентов» [11];
- «преднамеренное скрытое действие агента, основанное на использовании информационного преимущества и направленное на достижение личного интереса в ущерб интересам других участников имплицитного соглашения» [13].

Рассматривая проблему оппортунизма применительно к менеджерам инвестиционных фондов, стоит отметить, что она уже давно стала предметом рас-

³ Цитируется по: [12].

смотрения в зарубежной теории и практике инвестиционного рынка. В отечественной литературе указанная проблема также находит свое отражение в контексте вопросов корпоративного управления в инвестиционных фондах, снижения соответствующих агентских издержек [4; 6; 14; 17]. К сожалению, в большинстве указанных работ рассматриваются лишь отдельные примеры проявления оппортунизма управляющих компаний фондов, формулируются верные, но локальные направления по его практическому снижению. Как следствие, из поля зрения исследователей ускользает специфика проявления оппортунизма в случае инвестиционных фондов, обусловленная, как уже отмечалось выше, спецификой инвестиционного рынка и состава инвесторов.

В данной работе предпринимается попытка отчасти преодолеть указанный недостаток – сформировать наиболее общие тенденции оппортунистического поведения менеджмента фонда, но в зависимости от характера его «активов» и «пассивов». Отправной гипотезой является предположение об оппортунизме как сознательном искажении менеджерами фонда 1) оптимальной стратегии управления активами фонда и/или 2) изменении оптимального рынка инвестиционных активов. Еще раз напомним, что состав инвесторов, а точнее, уровень их инвестиционной квалификации достаточно уверенно позволяет выделить два базовых варианта: «фонд неквалифицированных инвесторов» и «фонд квалифицированных инвесторов» (рисунок). Для каждого из указанных вариантов минимизация трансакционных издержек, а следовательно, и итоговой остаточной доходности достигается лишь при определенном сочетании типа рынка инвестиционных активов и стиля инвестиционной стратегии. Можно предположить, что оппортунизм менеджеров фонда, связанный с «искажением» оптимального позиционирования фонда, обусловлен их стремлением перераспределить доходности и/или издержки фонда в наиболее благоприятном для себя направлении, неизбежно в ущерб инвесторам. Проанализируем это предположение.

1. Для фондов квалифицированных инвесторов (базовый вариант – активная стратегия на неэффективных рынках). Возможные проявления оппортунизма сводятся в итоге к снижению риска фонда, однако не оправданному по отношению к величине итоговой доходности инвесторов. Варианты:

- *искажение целевой стратегии* – реализация пассивной стратегии на неэффективных рынках. Переход к пассивной стратегии позволяет менеджменту фонда снизить собственные издержки⁴, что при сохранении уровня вознаграждения обеспечивает неоправданное повышение рентабельности управляющих компаний;
- *искажение целевого рынка* – реализация активной стратегии, но теперь уже на рынках с высокой степенью эффективности. В данном случае аналогичным образом снижаются фактические издержки управляющих компаний, но сохранение высокого уровня их вознаграждения («за активность») и в сочетании с неизбежным снижением итоговой доходности приводит к перераспределению благосостояния от инвесторов к менеджерам.

⁴ Как показано в работе [9], пассивная стратегия на неэффективных рынках формирует избыточный уровень трансакционных издержек (которые возлагаются на инвесторов), но при этом фактические издержки собственно управляющих компаний снижаются – нет необходимости в дорогостоящих аналитических процедурах, высококвалифицированных специалистах и т. д.

Рис. Формы искажения оптимального позиционирования фондов для неквалифицированных и квалифицированных инвесторов⁵

2. Для фондов неквалифицированных инвесторов (базовый вариант – пассивная стратегия на эффективных рынках). Как видно из рисунка, основные варианты оппортунистического поведения менеджмента фондов остаются теми же, но теперь уже приводят к неадекватному повышению риска относительно возможного роста итоговой доходности. Варианты:

- *искажение целевой стратегии* – реализация активной стратегии на эффективных рынках. В настоящее время это классический вариант, который позволяет управляющим компаниям извлекать своеобразную ренту повышенного вознаграждения «за активность» [7], сопровождаемую, как показывает практика, повышением риска, но не реальным повышением доходности для инвесторов;
- *искажение целевого рынка* – реализация пассивной стратегии на неэффективных рынках. Реализация пассивной стратегии в данном случае отнюдь не означает снижения фактических издержек, перекладываемых на инвесторов. Напротив, можно отметить рост этих издержек, особенно если пассивная стратегия предполагает широкую диверсификацию активов на низколиквидных рынках.

Понимая определенную схематичность предложенной классификации форм оппортунизма менеджмента, отметим тем не менее, что ряд рассмотренных форм уже сейчас признаются факторами, отрицательно сказывающимися на доверии к индустрии инвестиционных фондов. К их числу относится т. н. «смена стиля управления» (англ. *style drift*, нем. *Stilverschiebung*). Значительное число исследований (см. напр.: [18; 21; 23]) рассматривают данную форму оппортунизма менеджеров как одну из наиболее актуальных проблем хедж-фондов, фондов прямых инвестиций и т. д. Аналогичные проблемы характерны и для фондов, ориентированных на рядовых инвесторов. В данном случае оппортунизм менеджеров, напротив, может подталкивать их к повышению совокупного риска за счет избы-

⁵ Составлено автором.

точной активности или смены целевого рынка на менее ликвидный. Здесь расчет, как правило, строится на попытке извлечь дополнительное (зависимое от результата) вознаграждение (*success fee*⁶) при благоприятном, даже случайном, стечении рыночных обстоятельств. Поскольку стечение обстоятельств может быть неблагоприятным, то в данном случае мы имеем дело с классическим следствием или проявлением морального риска – «приватизацией доходности и национализацией (передачей инвесторам) убыточности».

Рассмотренная классификация оппортунизма менеджмента управляющих компаний позволяет, на наш взгляд, систематизировать существующие формы и практики снижения соответствующих агентских издержек, повысить их реальную эффективность в зависимости от системообразующих условий, а в конечном счете – доверие к самой индустрии инвестиционных фондов.

Литература

1. Богл Д. Инвесторы против спекулянтов. Кто на самом деле управляет фондовым рынком : пер. с англ. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
2. Богл Д. Не верьте цифрам! Размышления о заблуждениях инвесторов, капитализме, «взаимных» фондах, индексном инвестировании, предпринимательстве, идеализме и героях : пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2013.
3. Богл Д. Руководство разумного инвестора. Надежный способ получения прибыли на фондовом рынке : пер. с англ. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
4. Дегтярева И. В., Шалина О. И. Институциональные аспекты деятельности инвестиционных фондов в России // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д : Изд-во Южный федеральный университет. – 2010. – № 1 ; 2010. – С. 60–69.
5. Крылов М. Преимущества консервативного подхода к управлению инвестиционным портфелем // Рынок ценных бумаг. – 2015. – № 5. – С. 47–49.
6. Мецгер А. А. Дружинина Е. И. Институт квалифицированного инвестора как элемент корпоративного управления инвестиционным фондом // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (6). – С. 10–19.
7. Мецгер А. А. Механизм формирования вознаграждений управляющих инвестиционными фондами как элемент корпоративного управления // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 3 (18). – С. 25–37.
8. Мецгер А. А. Модели корпоративного управления в инвестиционных фондах и требования к структуре их активов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 3 (71). – С. 53–65.
9. Мецгер А. А. Стратегии управления активами инвестиционных фондов с точки зрения теории трансакционных издержек и корпоративного управления // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19). – С. 6–15.
10. Одинцова М. И. Институциональная экономика. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – 386 с.
11. Олейник А. Н. Институциональная экономика : учеб. пособие. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 416 с.
12. Попов Е. В., Ерш Е. В. Институты управления оппортунизмом работников производственных предприятий // Вестник УрФУ. Сер. : Экономика и управление. – 2015. – Т. 14, № 4. – С. 518–535.
13. Попов Е. В. Эволюция институтов микроэкономики. – М. : Наука, 2007. – 542 с.
14. Харченко Л. П. Классификация механизмов, обеспечивающих функционирование и развитие инвестиционных фондов в России // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3 (39).
15. Чашин В. В. Управление эндогенным оппортунизмом с точки зрения возможностей маркетинга персонала // Вестник Уральского института фондового рынка. – 2011. – № 6, 7 (10, 11). – С. 75–96.
16. Шаститко А. Е. Новая теория фирмы. – М. : ТЕИС, 1996. – 134 с.

⁶ В практике управления используются два вида вознаграждения: постоянная комиссия за управление, как процент от объема средств управления (*management fee*) и процент от фактического результата (*success fee*).

17. Экономика инвестиционных фондов : монография / А. Е. Абрамов, К. С. Акшенцева, М. И. Чернова и др. ; под общ. ред. А. Д. Радыгина. – М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. – 720 с.
18. Kaiser D. G. Hedgefonds: Entmystifizierung einer Anlagekategorie. – Springer-Verlag, 2. Auflage. – 2009. – 336 S.
19. In Deutschland stecken jetzt 3 Billionen Euro in Fonds // Frankfurter allgemeine Zeitung. – URL: <http://www.faz.net/aktuell/finanzen/finanzmarkt/in-deutschland-stecken-jetzt-3-billionen-euro-in-fonds-15434082.html>
20. Kommer G. Souverän investieren mit Indexfonds und ETFs: Wie Privatanleger das Spiel gegen die Finanzbranche gewinnen. – Campus Verlag GmbH. – URL: http://www.campus.de/buecher-campus-verlag/finanzen/geld-bank-boerse/souveraen_investieren_mit_indexfonds_und_etfs-9976.html
21. Kurniawan M., How J., Verhoeven P. Fund governance and style drift // Pacific-Basin Finance Journal. – 2016. – December – Vol. 40, Part A. – P. 59–72. – URL: <http://eprints.qut.edu.au/98838/>
22. Ritzau M. Die große Fondslüge. Falsch beraten von Finanztest, Sparkasse, Banken und Co. – Tectum Verlag Marburg, 2016.
23. Cumming D., Fleming G., Schwienbacher A. Style Drift in Private Equity // Journal of Business Finance & Accounting. – 2009. – Vol. 36, issue 5–6. – P. 645–678.

Alexander Al'bertovich Metzger,

Candidate of Engineering, Associate Professor,
Director General of ZAO «Upravlyauschaya companya»
(Ekaterinburg)

Typification of Opportunism of Investment Funds Management Companies

The methodological aspects of the opportunism manifestation of investment fund management companies are considered as a special case of the interaction between agents (fund managers) and principals (fund investors). The system-forming factors that allow to formulate the optimal strategy of fund's asset management in the interests of its investors are signed out: 1) for funds intended for unqualified investors – passive asset management strategy of wide assets diversification in efficient markets, 2) for funds intended for qualified investors – active assets management strategy in markets with a low level of information efficiency. Within a framework of this goal-setting system, opportunism of management companies can be presented as one of the variants of distortion of optimal investment fund management strategies at which the management company is procuring the same or even increased level of profit by the worsening of investors' situation. For funds of wide diversification in efficient markets, this distortion becomes the transition to an active asset management strategy and/or transition to a market with lower information efficiency (unjustified risk increase). For funds of qualified investors, on the contrary, the distortion of optimal strategy is manifested in a decrease in the activity of operations and/or transition to operations in efficient markets (unjustified risk reduction). In all these cases, the opportunism of investment fund management is a manifestation of "moral hazard" and redistribution of residual income on the basis of information asymmetry. The proposed typification of forms of manifestation of opportunism allows to systematize existing practices of reducing agency costs in investment funds and to formulate directions for their improvement and to apply them more effectively in specific conditions.

Key words: Investment fund; Management Company; market efficiency; investment fund strategy; passive management; active management; benchmark; index investment; index fund; Exchange Traded Fund (ETF); managers; investors; agency problem; opportunism of managers; management company remuneration; corporate governance; moral hazard; qualified investors; unqualified investors.

Инвестиционная деятельность российских банков и проблемы ее осуществления

Осуществление эффективной инвестиционной деятельности коммерческими банками обеспечивает успешное долгосрочное их функционирование, эффективное использование активов, укрепление финансовой устойчивости и ликвидности, регулирование финансовых рисков, а также повышение конкурентоспособности, что в современной экономике является актуальной проблемой для банков в сфере предоставления клиентам услуг. Кроме того, в статье рассматривается суть банковской инвестиционной деятельности, а также выделены различные классификации доходов и рисков, возникающих при осуществлении данного вида деятельности.

Ключевые слова: коммерческий банк; банковские услуги; инвестиционная деятельность; банковские ресурсы; риски.

На сегодняшний день в России преобладает смешанная инфраструктурная модель фондового рынка, т. е. компании и банки в равных условиях предоставляют инвестиционно-банковские услуги. Однако в настоящее время в экономике сложилась такая ситуация, что наибольший инвестиционный потенциал имеет банковский сектор. Преимуществом является, прежде всего, исключительное положение, а также уникальные возможности в использовании денежных средств в виде кредитной эмиссии и направления этих средств по имеющимся каналам кредитной системы.

Под инвестиционной деятельностью в банковской сфере понимается деятельность по осуществлению инвестиций, необходимая для того, чтобы получать прибыль, поддерживать достаточный уровень ликвидности и диверсифицировать активы. К таким инвестициям можно отнести вложения денежных средств банка в ценные бумаги для получения явного (прямого) или косвенного дохода. Прямые доходы – это прибыль банка в виде процентов, дивидендов и т. д. Косвенные доходы выражаются в укреплении и улучшении позиции банка, его имиджа. Проявляется это во владении контрольным пакетом акций организации, что влечет за собой контроль над ее управлением со стороны банка.

К основным направлениям данной деятельности относят кредитование, которое основано на инвестиционных целях, вложение денежных средств в ценные бумаги, паи и т. п., а также анализ структуры активов банка и выделение свободных средств (банковские ресурсы, ресурсы вкладчиков) в целях использования их в дальнейшем инвестировании.

Осуществляющим инвестиционную деятельность банком оказывается 2 вида услуг:

- эмиссия ценных бумаг, которые размещаются на фондовом рынке, т. е. происходит пополнение объема собственной наличности;
- осуществление посреднических услуг, таких как поиск покупателя или продавца на конкретную ценную бумагу, т. е. выполнение функций дилера или брокера.

* **Ольга Сергеевна Кузнецова**, магистрант факультета бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: olya_kuznetsova-1994@mail.ru

Каждым коммерческим банком ставится определенный набор целей, как основных, так и второстепенных, регламентированных его инвестиционной стратегией.

Основные цели инвестиционной деятельности банков заключаются в том, чтобы:

- обеспечить безопасность собственных вложений;
- обеспечить приемлемый или запланированный уровень доходности собственных инвестиций;
- поддержать рост объема вложенных средств;
- поддержать достаточный уровень ликвидности.

Прежде всего, приоритетом обладает обеспечение безопасности собственных вложений перед доходностью и ростом общего объема, при этом грамотная диверсификация инвестиционного портфеля помогает достичь оптимального их сочетания.

Для достижения основных целей требуется выполнение косвенных целей и задач банка. Каждому банку необходимо:

- поддержать устойчивость и сохранность ресурсов банка;
- приумножить и расширить банковские ресурсы;
- диверсифицировать инвестиционный портфель;
- наблюдать и контролировать количество активов, которые приносят минимальный доход или не приносят его совсем. В краткосрочной перспективе приемлемо, если портфель банка будет содержать низкодоходные активы, это необходимо для поддержания ликвидности банка на требуемом уровне;
- получать дополнительный эффект от основных объектов инвестиций (расширить рынок сбыта, увеличить клиентскую базу и количество осуществляемых операций, снизить банковские издержки и т. п.).

Рассмотрим состав, структуру и динамику активов банков РФ по источникам вложений средств.

Таблица

**Структура активов кредитных организаций (2015–2017 гг.),
сгруппированных по направлениям вложений, млрд руб. [5]**

Активы	2015	2016	2017	Темп роста, %	Среднегодовой темп роста, %
Денежные средства, драгоценные металлы и камни	2754,2	1898,3	1591,5	57,8	76,0
Счета в Банке России и в уполномоченных органах других стран	3297,8	2464,4	3046,1	92,4	96,1
Корреспондентские счета в кредитных организациях	2675,2	2563,3	1734,4	64,8	80,5
Ценные бумаги, приобретенные кредитными организациями, – всего	9724,0	11777,4	11450,1	117,8	108,5
Прочее участие в уставных капиталах	427,6	568,0	877,5	205,2	143,3
Производные финансовые инструменты	2298,6	1261,0	704,4	30,6	55,4
Кредиты и прочие ссуды	52115,7	57511,4	55622,0	106,7	103,3
Основные средства, нематериальные активы и материальные запасы	1222,3	1277,6	1486,8	121,6	110,3
Использование прибыли	177,0	125,5	384,8	217,4	147,4
Прочие активы	2960,5	3579,8	3165,7	106,9	103,4
Всего	77 653,0	82999,7	80063,3	103,1	101,5

Согласно приведенным данным в таблице, наибольшую долю в структуре активов занимают кредиты (69,5 %). За исследуемый период прирост средств, размещенных в данный вид активов, изменился на 6,7 %, или 234,9 млрд руб., а среднегодовой прирост составил 3,3 %, что говорит о стабильном росте размещения средств в кредиты.

Кроме того, вложения в ценные бумаги также демонстрируют рост, значения увеличились с 9 724,0 млрд руб. до 1 1450,1 млрд руб., и их среднегодовой прирост составил 8,5 %. Удельный вес в структуре активов вырос в 2017 году по сравнению с 2015-м с 12,5 до 14,3 %.

В целом, рассматривая общую динамику активов, можно увидеть, что среднегодовой прирост составил 1,5 %, что свидетельствует об увеличении спроса населения и хозяйствующих субъектов на инвестиционные ресурсы.

Еще одним аспектом инвестиционной деятельности банка является то, что они осуществляют долгосрочное кредитование инвестиционных проектов, т. е. выступают в роли организаторов и финансовых инициаторов при формировании крупных инвестиционных проектов, а также влияют на мобилизацию финансовых инвестиционных ресурсов. К основным игрокам на отечественном рынке в сфере проектного финансирования можно отнести Газпромбанк, Сбербанк, Россельхозбанк и ВТБ.

При осуществлении вложений в любой актив банк сравнивает такие показатели, как доход и риск. Так, регулирование инвестиционной деятельности можно описать как максимизацию доходности при заданном уровне риска либо минимизацию рисков при существующем уровне доходности.

К доходам в данном случае можно отнести:

- уплаченные проценты;
- увеличение стоимости ценной бумаги, в которую осуществлялись инвестиции;
- уплаченную комиссию за предоставление банком услуг.

Риски, которые сопутствуют инвестиционной деятельности банков, почти не отличаются от общих инвестиционных рисков и подразделяются на риски:

- делового характера, появляющиеся при ухудшении общего экономического и финансового состояния экономики;
- досрочного отзыва банковского вклада;
- нестабильного уровня ликвидности;
- сопутствующие кредитованию, такие как невыполнение условий кредитования: неуплата процентов в назначенные сроки, невозврат кредита и т. п.;
- возникающие при изменении курса ценных бумаг, которые находятся в инвестиционном портфеле банка.

При осуществлении инвестиционной деятельности банки сталкиваются с рядом проблем, к которым можно отнести:

- высокий уровень инфляции и недостаточную степень ее регулирования, изменения цены на банковские активы, а также процентных ставок, чрезмерную кредитную экспансию, высокий риск при кредитовании реального сектора экономики;
- несовершенство нормативной базы, которая регулирует деятельность банков и возможность контроля за их действиями, нерешенные ключевые проблемы в налоговом законодательстве;
- недоверие населения кредитным организациям;
- проблему для мелкого и среднего инвесторов, которая выражается в том, что на сегодняшний день для них закрыт рынок государственных ценных бумаг, а это, в свою очередь, несет проблемы для самого рынка и порождает более широкий спектр финансовых проблем;

– неэффективность налоговых ставок, ограниченный и жесткий режим льготирования.

Для решения данных проблем, связанных с инвестиционной деятельностью коммерческих банков, можно предпринять комплекс мер по их устранению. К ним относят:

- введение процедуры обучения специалистов, которые анализируют инвестиционные вложения коммерческих банков;
- формирование сотрудничества между банками более высокого уровня для осуществления кредитования крупных проектов;
- осуществление тщательного анализа на эффективность вложенных средств в малые проекты;
- создание льготных условий для привлечения инвестиций.

Итак, данные методы способствуют увеличению инвестиционной активности коммерческих банков, повышают их конкурентоспособность, ликвидность и финансовую устойчивость. Благоприятной инвестиционной деятельностью банков можно назвать такую, при которой произведенные затраты улучшают финансовое состояние банка. А возможность увеличить активность инвесторов и инвестиционную привлекательность банковского сектора обеспечит только стабильное состояние экономики.

Литература

1. Жуков Е. Ф. Банки и небанковские кредитные организации и их операции : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика» / под ред. Е. Ф. Жукова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 559 с.
2. Звонова Е. А. Деньги, кредит, банки : учебник / Е. А. Звонова, М. Ю. Богачева, А. И. Болвачев ; под ред. Е. А. Звоновой. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 592 с.
3. Казимагомедов А. А. Банковское дело: организация деятельности центрального банка и коммерческого банка, небанковских организаций : учебник. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 502 с.
4. Маркова О. М. Организация деятельности коммерческого банка : учебник. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 496 с.
5. Официальный сайт Банка России. – URL: <http://www.cbr.ru/>

Olga Sergeevna Kuznetsova,

Master Student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Investment Activities and Implementation Problems of Russian Banks

Commercial banks, effectively realizing their investment activities, succeed in long-term operation, efficient use of assets, strengthening of financial stability and liquidity, regulation of financial risks, as well as increasing competitiveness, which is an urgent problem for banks providing services to customers in modern economy. In addition, the article examines the essence of banking investment activity, as well as different classifications of income and risks arising from the implementation of this type of activity.

Key words : commercial bank; banking services; investment activity; bank resources; risks.

Обучение на рабочем месте как фактор формирования лояльности сотрудников компании

В статье идет речь о плюсах обучения на рабочем месте. Даны рекомендации по формированию лояльности у сотрудников компании. Упоминается также, что необходимо изменить в деятельности компании с целью повышения лояльности сотрудников.

Ключевые слова: компания; лояльность; обучение на рабочем месте; сотрудники; приемы.

Введение. Обучение на рабочем месте в современных реалиях организации практикуют довольно часто. В научной литературе упоминается о том, что роль обучения в компании, где работает сотрудник, невозможно уменьшить [1–3].

Достоинства обучения на своем рабочем месте. Да и действительно, сотрудник, «воспитанный и обученный» в своей компании, оказывается наиболее лояльным к месту, где работает [4]. Благодаря тому что, обучая его, наставники старались только в хорошем ключе упоминать о компании, позитивном опыте руководства, компетентных сотрудников.

Такой сотрудник лоялен потому, что ему не следует куда-то уходить, посещая образовательные организации. Все, что необходимо для плодотворной работы в компании, его непременно обучит прикрепленный к нему наставник.

Именно наставник учит его всему, что должен знать сотрудник, дает необходимые советы. Наставник, параллельно непосредственно с самим процессом обучения, посвящает стажера в историю компании, знакомит с правилами, принятыми в компании, с самой корпоративной культурой компании.

Также затраты на обучение сотрудника на своем рабочем месте ничтожно малы по сравнению с таким же обучением, но на чужих рабочих местах.

Проблемы обучения на своем рабочем месте. Процесс обучения на рабочем месте требует организовать взаимодействие между квалифицированным и вновь прибывшим сотрудником [5]. Как правило, это не всегда удается, так как зависит от многих факторов: насколько амбициозен тот или иной сотрудник, насколько менее опытный сотрудник готов слушать другого и насколько способен быстро усваивать передаваемые ему знания и формировать требуемые навыки.

Также есть риск, что обучение будет немного затянутым в связи с чрезмерной загруженностью наставника или самого стажера. В этом деле представляется возможной замена данного наставника на более свободного сотрудника.

Необходимо, чтобы стажер уважал своего наставника, ценил его знания. Если между ними нет должного уважения, то становится труднее организовать удобный обоим сторонам учебный процесс и передать требуемые знания.

Рекомендации по обучению. Каждому неопытному сотруднику должен быть назначен наставник из числа сотрудников компании, давно и успешно работающих в компании. Наставник должен поддерживать корпоративную культуру компании и быть активным работником.

Помимо самого обучения, наставник должен оказывать свое благотворное влияние на своего подопечного, помогая ему стать успешным членом коллектива. Необходимо, чтобы наставник ценил и любил свою компанию, а также важно,

* **Наталья Евгеньевна Сорокина**, заместитель директора, МБУ «Информационно-методический центр Железнодорожного района» (г. Екатеринбург).

чтобы он был компетентен в своей работе и мог оказать новичку соответствующую помощь.

Немаловажно также поддерживать наставников и новичков, возможно проведение конкурса так называемых «стажерских пар», о лучшей из них непременно следует написать в корпоративной газете или, если нет такой возможности, проинформировать на информационном стенде. Необходимо ценить успехи как наставников, так и самых стажеров.

Рассмотрим несколько примеров эффективного обучения на рабочем месте сотрудников в нескольких компаниях.

Пример 1. Так, например, в компании «Связной», после прохождения собеседования, только что оформленные сотрудники начинают обучаться в Учебном центре, где они могут познакомиться с требованиями компании, освоить азы общения с клиентами [6]. После прохождения обучения в учебном центре они поступают на стажировку в магазин сети, где стажерам помогают тренеры. После успешной сдачи экзамена стажер устраивается в компанию на испытательный срок.

Этот способ организации обучения оказывает максимальное влияние на развитие лояльности сотрудников. Данная компания воспитывает сотрудника, который соответствует ее требованиям. Благодаря обучению на своем рабочем месте (и только там!) стажер становится лояльным к компании и становится важным сотрудником.

Пример 2. Рассмотрим пример компании «СКБ Контур». В данной компании сотрудник постоянно обучается. Компания применяет различные тренинги, конференции, книги, вебинары [7]. Также в компании всегда проводится обучение, сотрудники компании постоянно повышают и подтверждают свою квалификацию. У каждого сотрудника есть свой наставник, который несет ответственность за его обучение. Благодаря этому каждый сотрудник хочет и дальше работать и развиваться в компании – повышение и подтверждение их квалификации оказывает влияние и на заработную плату.

В связи с этим мы можем сказать, что данный пример также подтверждает, что обучение на рабочем месте является важнейшим фактором формирования лояльности сотрудников.

Пример 3. Крупная сеть предприятий быстрого питания PIZZA MIA. Компания предлагает своим работникам возможность бесплатного обучения на своих рабочих местах, без отрыва от работы. Также компания дает своим сотрудникам шанс получить профессию через организацию наставнической сети.

Можно только убедиться в том, что такая организация обучения позволяет данной компании успешно функционировать и развиваться дальше. Сотрудников компании максимально устраивает такое обучение.

Пример 4. Сеть магазинов «Красное и Белое». Компания практикует обучение в процессе работы. В данной компании наставники делятся своими знаниями с новыми сотрудниками.

Как мы видим, вышеназванные компании успешны. И во многом – благодаря обучению своих сотрудников на их рабочих местах. Все компании имеют в своем штате компетентных работников, которые способны (и успешно это делают) быть наставниками для сотрудников, которые нуждаются в прохождении обучения.

Заключение. Сотрудники компании, обучаясь на своем рабочем месте, наиболее полезны для компании и наиболее лояльны к ней. Наставники, обучая других сотрудников, вместе с необходимыми знаниями и рекомендациями по их применению, рассказывают об истории компании, о ее ценностях, побуждая обучающегося сотрудника заинтересоваться компанией, где он работает, и тем самым воспитать лояльность. Да и сами обучаемые сотрудники заинтересованы в своем

обучении именно на своем месте работы. Они получают все необходимые им знания вне отрыва от выполнения своих обычных обязанностей на работе, они не тратят дополнительного времени на свое обучение и повышение своей квалификации. Следовательно, максимально успешны именно те компании, где процесс обучения проходит на рабочем месте самого сотрудника.

Литература

1. Соловьева Н. А., Басарукина А. А. Обучение на рабочем месте как метод повышения квалификации и переподготовки кадров // Сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные технологии управления». – 2015. – С. 151–154.
2. Аверьянов А. Л. Обучение на рабочем месте: личный опыт // Управление развитием персонала. – 2013. – № 3. – С. 248–254.
3. Ахметова С. Г., Эсаулова И. А. Изменяющийся подход к обучению на рабочем месте // Кадровик. – 2015. – № 7. – С. 75–82.
4. Череповский А. П. Проблемы современного развития технического творчества специалистов производства и обучения принимать решения на каждом рабочем месте // Менеджмент в России и за рубежом. – 2014. – № 4. – С. 123–127.
5. Цимберова Е. А. Пути управления обучением на рабочем месте подчиненных сотрудников на основе повышения их личностного потенциала // Вестник научных конференций. – 2016. – № 12-2 (16). – С. 112–113.
6. URL: <https://job.svyaznoy.ru/about/news-and-articles/tag/article/obuchenie-v-svyaznom/>
7. URL: <https://kontur.ru/career/vacancies/conditions>

Nataliya Evgen'yevna Sorokina,

Deputy Director of Municipal Budget Institution

«Zheleznodorozhny District Centre for Information and Methodology»

(Ekaterinburg)

On-the-Job Training as a Factor Creating the Company Staff Loyalty

The article analyzes the advantages of work-based training. It also provides recommendations about formation the company staff loyalty. In addition, the author mentions that it is necessary to change the company activity to strengthen the loyalty of employees.

Key words: company; loyalty; on-the-job training; employees; examples.

«Студенческая» дебетовая карта на 2018 год

Расчеты при помощи карт все больше завоевывают мир, а значит, все слои населения все больше оплачивают свои покупки при помощи дебетовых карт. Студенты, конечно же, не являются исключением, поэтому автор решил провести исследование рынка карт, чтобы подобрать оптимальный вариант. Было проведено исследование, которое помогло выявить потребности современных студентов. На банковском рынке специализированных предложений именно для студентов мало, поэтому разобраться иногда очень сложно среди всех предложений. Именно для этого автор решил скомпоновать все предложения, отсеяв по основным параметрам лишние. Большинство студентов знают только о студенческих картах от Сбербанка, поэтому данное предложение и является самым популярным среди данной категории населения. Дебетовые карты также становятся доступным финансовым продуктом для всех людей, поэтому зачастую затраты на обслуживание карты можно покрыть при помощи cashback или бонусных программ. Это является важным фактором для студентов, у которых каждый рубль важен. Есть ли на данный момент в России достойные предложения? Автор считает, что если глубже разобраться в этой проблеме, то можно найти достойные предложения.

Ключевые слова: Сбербанк; «Открытие»; «Рокетбанк»; дебетовая карта; «МТС Банк»; «Кредит Европа Банк».

Банковские карты стали нормой в современном мире. Сейчас, придя в магазин, не нужно задумываться, примут ли к оплате этот волшебный пластик. Такое распространение этого банковского продукта заставило немного задуматься кредитным учреждениям о том, кто на данный момент может стать новым клиентом. Многие российские банки начинают активно продвигать свои продукты среди молодежи, что приводит к появлению «студенческих», или «молодежных», продуктов, которые отличаются не только оригинальным дизайном и рекламой от популярных личностей, но и условиями использования. Но нужны ли такие карты студентам? Есть ли предложения банков, которые полностью удовлетворяют потребностям молодежи? Подойдут ли дебетовые карты, которые специально не создавались для молодежи? На эти и многие другие вопросы собирается ответить автор.

Сегмент дебетовых карт в России является активно развивающимся, поэтому с каждым годом появляется множество интересных предложений, в которых можно потеряться и упустить что-то реально нужное, поэтому автор год назад уже исследовал лучшие предложения на тот момент. Много ли поменялось за этот период? Стоит сначала определить, насколько изменились потребности современного студента. В начале 2017 года они выглядели следующим образом:

- стоимость обслуживания карты не более 99 рублей в месяц или 1 200 рублей в год;
- наличие cashback по операциям;
- наличие дополнительных скидок и спецпредложений;
- доступность банкоматов;
- наличие удобного мобильного приложения.

* Валерий Алексеевич Паньков, студент группы ЭМ-443308 УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

** Наталья Николаевна Моисеева, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита (Высшая Школа Экономики и Менеджмента) УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

При данном исследовании критериев будет больше. К текущим добавятся еще:

- дополнительные льготы за неснижаемый остаток;
- наличие/отсутствие отделений;
- способы пополнения карты;
- мобильные переводы;
- многофункциональность приложения.

Опросы среди студентов Уральского федерального университета были выявлены следующие характерные черты, позволившие составить примерный образ среднего студента:

- тратит в месяц примерно 20 000 рублей;
- использует дебетовую карту Сбербанка;
- накопления свыше 30 000 рублей отсутствуют;
- готов тратить на обслуживание карты примерно 500–800 рублей;
- характерными адресатами его трат являются такие, как: Супермаркеты, Фастфуд, Аптеки, Такси и Все для дома;
- посещает отделения банка в среднем несколько раз за полгода, но при этом привык решать все появляющиеся вопросы, лично приходя в офис, реже звонком в call-центр или через чат в приложении банка;
- важным критерием при использовании приложения считает его удобство, чтобы все нужные функции были под рукой. Возможность отслеживать собственные траты за последний период времени также очень ценит его важный параметр, вместе с быстротой оплаты услуг и перевода средств;
- склонен к использованию различных мобильных платежных систем (AndroidPay, ApplePay, SamsungPay).

Опираясь на полученные данные, автор работы проанализировал текущие предложения по дебетовым картам, представленным в Свердловской области, и выделил несколько наиболее привлекательных вариантов.

Виртуальные банки становятся на территории России все популярнее в связи с тем, что акцент взаимодействия с клиентом делается на удаленном канале, а значит, мобильное приложение является краеугольным камнем. Первым представителем и по совместительству одной из самых популярных карт, которая уже давно известна практически всем и была представлена в предыдущей работе, – карта «Рокетбанка» с тарифом «уютный космос». Ее можно назвать идеальной картой для студентов без ограничения по уровню трат в месяц. Ее параметры таковы:

- плата за обслуживание – 0 руб/год;
- СМС-информирование 50 руб/мес;
- cashback в виде «Рокетрублей» – 1 % от любых покупок, до 10 % за покупки в «любимых» магазинах;
- начисление процентов на остаток – 6,5 % годовых;
- 5 первых снятий без комиссии в любых банкоматах (свыше – 1,5 % минимум – 50 руб.);
- комиссия на переводы на карты других банков 1,5 %, минимум – 50 руб.;
- в привязку к этой карте можно открыть только вклад, кредитные продукты отсутствуют;
- поддержка всех мобильных платежных систем.

В качестве рисков стоит указать на тот факт, что бренд «Рокетбанк» и все его наработки были проданы банку «QIWI», но ЦБ РФ пока не одобрил эту сделку. Если все-таки данную покупку признают легитимной, то клиентам придется снова менять свои карты, потому что они принадлежат «ФК Открытие».

Следующий банк, который может предложить для студентов интересные дебетовые карты, – «МТС Банк». Автор нашел сразу три варианта. Здесь сразу можно сказать, что данный банк заинтересован в привлечении клиентов, которые не хотят платить за обслуживание карты, но готовы тратить ощутимо. Первый из вариантов – «Студенческая карта»:

- плата за обслуживание 0 руб/год;
- СМС-информирование бесплатное;
- cashback начисляется в последний календарный день месяца, 3 % в первые 3 месяца, а начиная с 4-го – 1,5 %;
- комиссия на переводы на карты других банков 1 %, минимум – 60 руб.;
- снятие наличных бесплатно в банкоматах Сбербанка и ВТБ.

Данную карту могут использовать только студенты до 24 лет. Для получения данного продукта нужно будет представить не только паспорт, но и студенческий билет или зачетную книжку. Вполне реальный конкурент для карты «Рокетбанка», но минусом является отсутствие специальных категорий трат с повышенным cashback.

Вторая карта – «МТС Smart Деньги», она идеально подходит для клиентов МТС:

- плата за обслуживание 0 руб/год;
- плата за выпуск карты 199 руб.;
- СМС-информирование бесплатное;
- 100 % покрытие оплаты за мобильную связь при выполнении следующих условий:
 - неснижаемый остаток по счету за расчетный период не менее 50 000 / 70 000 / 100 000 руб. или сумма покупок за расчетный период не менее 10 000 / 20 000 / 30 000 руб. Суммы зависят от используемых тарифов;
- комиссия на переводы на карты других банков 1 %, минимум – 100 руб.;
- снятие наличных бесплатно в банкоматах МТС.

Единственным неудобством может послужить тот факт, что не у всех студентов связь именно данной компании, но если вы уверены в том, что будете полностью соблюдать вышеперечисленные условия, то можно экономить на мобильной связи.

Заключительный продукт от «МТС Банк» – карта «МТС Деньги Weekend»:

- плата за обслуживание 0 руб/год, если:
 - сумма трат за расчетный период превысила 15 000 руб. или неснижаемый остаток на счете составляет не менее 30 000 руб.
 - в иных случаях – 99 руб/ мес.;
- плата за выпуск карты 299 руб.;
- СМС-информирование бесплатное;
- еженедельное начисление Cashback по пятницам;
- 1 % cashback за любые покупки и 5 % по категориям «Рестораны и кафе», «Такси» и «Спортивные товары»;
- использование мобильных платежных систем;
- 7,5 % годовых начисляется по остатку на накопительном счете от 1 000 рублей;
- снятие наличных бесплатно в любых банкоматах по территории РФ.

Отличительной особенностью является неординарный подход к выплате cashback. Это довольно интересный подход, который позволит максимально быстро получать бонусы за покупки, а значит, позволит повысить траты по карте или простимулирует увеличить накопления.

В этот раз у Сбербанка можно выделить только одну карту – «Молодежную» или «#ЭтоМоё», со следующими параметрами:

- плата за обслуживание 150 руб/год;
- cashback в виде бонусов «Спасибо» – 0,5 %;
- дополнительные спецпредложения от партнеров;
- повышенный cashback от партнеров.

Главным достоинством этой карты является маленькая стоимость обслуживания карты, но при этом стоит заметить, что есть комиссия за переводы, а также сравнительно низкий cashback, и начисляется в виде бонусов «спасибо», которые не везде можно использовать и не при любой сумме. А в остальном вполне универсальная карта для студентов с любым месячным доходом. Другие же карты данного банка не были использованы в данном исследовании, потому что основные категории, по которым начисляется повышенный cashback, не удовлетворяют начальным требованиям студентов.

Первоначально автор предполагал, что две карты самых технологичных банков будут представлены в данном рейтинге (карта NEXT от «Альфа-банка» и Tinkoffblack от «Тинькофф-банка»), но по установленным условиям они не подходят из-за высокой стоимости обслуживания или завышенных для студентов сумм на счете, которые должны постоянно находиться для получения льгот. Также есть интересный вариант от Райффайзенбанка, но в нем установлено возрастное ограничение до 18 лет, что подходит только студентам первого курса.

Возвращаясь к тем картам, которые полностью удовлетворяют поставленным условиям, стоит упомянуть карту от популярного банка на территории России среди людей, любящих брать потребительские кредиты, – «ХоумКредитБанка». Карта «Космос» может подойти практически всем категориям студентов. Она предполагает:

- плату за обслуживание: 0–1 188 руб.:
 - по 99 руб. в месяц, плата не взимается при ежедневном остатке от 10 000 руб./сумме покупок от 5 000 руб. в месяц;
 - СМС-информирование – 59 руб/ мес.;
- начисление процентов на остаток по счету от 3 % (свыше 500 000 руб.) до 7 % (от 10 000 до 500 000 руб.) годовых;
- снятие наличных в банкоматах других банков бесплатно 5 раз в месяц, свыше – 100 руб.;
- бонусную программу «Польза», по которой можно возместить полностью или частично покупку по курсу 1 балл = 1 рубль, в том числе:
 - cashback – 3 % а операции в категориях «АЗС», «Кафе и рестораны», «Путешествия», максимум 3 000 баллов в месяц;
 - 1 % по всем остальным категориям, максимум 2 000 баллов в месяц.

Вариант является одним из самых нетребовательных, если говорить о требованиях к бесплатному обслуживанию карты, также заслуживают внимания категории cashback и то условие, что можно возмещать баллами даже траты по ЖКХ, в подавляющем большинстве банков такие операции вообще никак не участвуют в программах лояльности.

«Кредит Европа-Банк» является партнером торговых центров «МЕГА», большинство магазинов для эквайринга как раз используют услуги этого кредитного учреждения. Для студентов специальных предложений у них нет, но плодотворным решением для последних стало бы оформление карты «CardPlus», так как:

- стоимость обслуживания в первый год составляет 0 руб., а со второго – 499 руб. в год;
 - СМС-информирование бесплатно;
- начисление на остаток по счету – 5,9 % (минимум 10 000 руб.);

- снятие в других банкоматах до 5 000 руб. в месяц бесплатно, свыше 5 000 руб. – 0,5 %;
- cashback 5 % с покупок в ресторанах и АЗС, 1 % по остальным покупкам, максимум – 5 000 руб. в месяц.

Данное предложение сочетает популярные категории трат, поэтому студент может получить максимальную отдачу в виде cashback. Относительно низкая стоимость обслуживания также выгодно выделяется среди конкурентов.

Если подводить итоги всему вышесказанному, то студент с разными интересами может выбрать для себя идеальную карту, а значит, и получить максимальную выгоду. Если же рассуждать с точки зрения среднего студента, которого автор собрал из опросов, то ему больше всего подойдет предложение от ХоумКредитБанка и «Открытия», но тем, кто выберет карту «Рокетбанк», нужно будет готовиться к тому, что придется уже выпущенную карту менять, потому что возможна смена владельца «Рокетбанка». Преимущество в виде отлично работающего приложения и службы поддержки может сыграть как раз ключевую роль при конечном выборе студента. Остальные карты имеют какие-либо ограничения, которые связаны со специфическими условиями, которые не все студенты могут выполнить.

Литература

1. Аналитический ресурс «Банки.ру». – URL: <http://www.banki.ru/> (дата обращения: 25.01.2018).
2. Официальный сайт «МТС Банка». – URL: <http://www.mtsbank.ru/> (дата обращения: 7.01.2018).
3. Официальный сайт «Рокетбанка». – URL: <https://rocketbank.ru/> (дата обращения: 16.01.2018).
4. Официальный сайт Сбербанка. – URL: <http://www.sberbank.ru/ru/person> (дата обращения: 8.01.2018).
5. Официальный сайт «ХоумКредит Банка». – URL: <https://www.homecredit.ru/> (дата обращения: 7.01.2018).
6. Официальный сайт «Кредит Европа Банка». – URL: <https://www.crediteuro-pe.ru/> (дата обращения: 7.01.2018).

Valery Alekseyevich Pankov,

Student of Group EM-443308,

Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Natalia Nikolayevna Mokeeva,

Scientific Adviser, Candidate of Economics,

Associate Professor of Department of Finances,

Money Circulation and Credit, Higher School of Economics

and Management, Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

"Student" Debit Card of 2018

Payments using banking cards have become increasingly significant in the world, and, consequently, all segments of the population make their daily payments with debit cards. Students, of course, are no exception to the process, so the author decided to make a research of the credit card market to find the best option to use the cards. A study was conducted that helped to identify the needs of modern students. In the banking market, there are not enough special offers for students, so it is sometimes very difficult to understand all the offers presented by the banks. That is why the author decided to build up all the proposals, rejecting superfluous offers using some basic parameters. Most students know only Sberbank student cards, so this offer is the

most popular among this category of population. Debit cards are also available as a financial product for all people, so the card maintenance cost often can be covered using cashback or bonus programs. This is an important factor for students who have every ruble important. Are there any decent offers in Russia at the moment? The author believes that if we understand this problem more deeply, we can find worthy suggestions.

Key words: "Sberbank"; "Opening"; "Roketbank"; debit card; "MTS Bank"; "Credit Europe Bank".

Предотвращение банкротства коммерческих банков методом санации с привлечением управляющей компании фонда консолидации банковского сектора

Текущая ситуация по имеющемуся механизму санации банков потребовала дальнейшего развития с целью повышения эффективности при санации коммерческих банков. Созданный механизм позволил оперативно реагировать на возникающие проблемы в банковском секторе и оказался своевременным решением для спасения крупнейших банков от краха.

Ключевые слова: санация банков; УК ФКБС; докапитализация; финансовое оздоровление.

Введение

На сегодняшний день коммерческие банки составляют основу финансового рынка Российской Федерации, а совместно с Центральным банком России представляют более 94,5 % активов финансового сектора. При этом наблюдаются значительные негативные тенденции в банковском секторе, вызванные двумя волнами экономического кризиса: 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. Текущая динамика отзыва лицензий коммерческих банков показывает, что скорость отзыва банковских лицензий (генеральной лицензии на деятельность) увеличивается каждый год. Так, в 2012 году было отозвано более 435 лицензий.

Негативные тенденции отрицательным образом сказываются на физических и юридических лицах, являющихся пользователями банковских услуг по обслуживанию банковских счетов. В результате отзыва банковских лицензий или введения моратория на удовлетворение требований кредиторов кредитной организации физические лица в большинстве своем теряют суммы вкладов свыше застрахованной суммы, а юридические лица в условиях отсутствия счетов в нескольких кредитных организациях попадают в ситуацию невозможности осуществления хозяйственной деятельности. Таким образом, рассмотрение финансовых методов прекращения банкротства отвечает интересам различных сторон финансового сектора: государственных органов власти, ЦБ РФ, собственников банков и клиентов.

Имеющиеся предпосылки указывают на возможность дальнейшего сокращения числа коммерческих банков, в основе которого лежат три причины:

- отсутствие внутренних резервов экономического роста в стране, который мог привлечь дополнительную прибыль для устранения проблемных активов;
- отсутствие значительных мер неотвратимости наказания за коммерческие преступления в сфере банковской деятельности;
- огосударствление банковского сектора за счет укрупнения банков при санации частных банков, как следствие политики ЦБ РФ по повышению качества активов банковского сектора.

* **Наталья Николаевна Мокеева**, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург).

E-mail: natmokeeva@yandex.ru

** **Игорь Александрович Родичев**, студент группы ЭМЗМ-262007 кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург).

E-mail: Rodichev.Igor@bk.ru

Анализ

Принятый в мае 2017 года Федеральный закон наделил Центральный банк Российской Федерации полномочиями по учреждению ООО «Управляющая компания Фонда консолидации банковского сектора» (далее УК ФКБС). Размер уставного капитала УК ФКБС на момент создания в июне 2017 г. составил 1,5 млрд руб., единоличным владельцем 100 % доли УК ФКБС является Центральный банк Российской Федерации. Цель создания УК ФКБС – осуществление мероприятий по финансовому оздоровлению кредитных организаций с участием Банка России.

Основными видами деятельности УК ФКБС являются:

- участие в осуществлении мер по предупреждению банкротства банков с использованием денежных средств, составляющих УК ФКБС;
- доверительное управление акциями банков, передаваемыми в управление Банком России;
- доверительное управление паевыми инвестиционными фондами, учредителем доверительного управления которых при их формировании является только Банк России;
- доверительное управление правами (требованиями) по субординированным кредитам (депозитам, займам, облигационным займам), иным кредитам, депозитам, банковским гарантиям, денежными средствами, иным имуществом (имущественными правами), передаваемыми ей в управление Банком России, а также имуществом, полученным в процессе управления;
- учет и хранение имущества, составляющего паевые инвестиционные фонды, за исключением учета прав на ценные бумаги.

В июле 2017 года крупнейшему банку ПАО «ФК Открытие» рейтинговое агентство АКРА присвоило рейтинг «BBB-», сразу же за этим последовало исключение акций и облигаций из ломбардного списка Центрального банка Российской Федерации. С 1 июня по 1 сентября 2017 года клиенты вывели из банка не менее 630 млрд руб. Для восполнения средств банк привлек 330 млрд руб. у ЦБ по сделкам РЕПО и получил беззалоговый кредит; по состоянию на сентябрь 2017 года задолженность банка перед кредитором составила более 1 трлн руб. Основной причиной сложившейся ситуации явилась попытка приобретения убыточной СК «Росгосстрах» и затянувшаяся санация ПАО «Банк «Траст».

Центральный Банк Российской Федерации приказом от 29 августа 2017 года № ОД-2469 ввел в банке временную администрацию. Планируемое оздоровление ПАО «ФК Открытие» пройдет в два этапа, общим сроком от 6 до 8 месяцев.

На I этапе временная администрация проведет оценку реального состояния дел, при необходимости сформирует дополнительные резервы на возможные потери и сделает переоценку имущества. Будет уточнена величина капитала банка и потребность его увеличения за счет средств УК ФКБС. По итогам первого этапа ЦБ утвердит план своего участия в предупреждении банкротства «ФК Открытие».

На II этапе временной администрацией банка сроком до шести месяцев становится УК ФКБС. После окончания работы временной администрации УК ФКБС права действующих акционеров восстанавливаются, но доля обыкновенных акций банка, которыми они продолжают владеть, не может превышать 25 %. В период ее работы уставный капитал банка приводится в соответствие с размером собственных средств или уменьшается до 1 руб. (если окажется отрицательным). В последнем случае действующие акционеры полностью утрачивают свои права собственности на банк. Решение об уменьшении уставного капитала ПАО «ФК Открытие» будет принято Комитетом банковского надзора и оформлено приказом ЦБ. Новый размер уставного капитала должен позволить банку соблюдать нормативы достаточности собственных средств. Дополнительную эмиссию приобретет Банк России, в результате чего ЦБ получит не менее 75 % обыкновенных акций

банка. На завершающем этапе УК ФКБС созывает внеочередное собрание акционеров банка, на котором будет принято решение о создании новых органов управления. После этого работа временной администрации будет прекращена.

Параллельно с событиями вокруг ПАО «ФК Открытие» развивались события вокруг еще одного крупнейшего банка – ПАО «БИНБАНК», который занимал 12-е место по размеру активов. Резкое сокращение активов произошло на фоне санации проблемного банка АО «РОСТ БАНК» и объединения с ПАО «МДМ-Банк». В данном случае инициатива спасения банка с применением механизма санации через УК ФКБС исходила от собственника ПАО «БИНБАНК», который обратился в Центральный банк Российской Федерации с соответствующим ходатайством. Последним, в свою очередь, оно было удовлетворено, и приказами Банка России от 20.09.2017 № ОД-2723 и № ОД-2724 была назначена временная администрация в ПАО «БИНБАНК» и АО «РОСТ БАНК».

В декабре 2017 года Центральным банком РФ были выставлены требования к ПАО «Промсвязьбанк» о доначислении резервов на сумму около 100 млрд рублей. Для оказания поддержки и в целях дальнейшего развития деятельности банка приказом Банка России от 15.12.2017 № ОД-3525 функции временной администрации по управлению ПАО «Промсвязьбанк» возложены с 15.12.2017 на УК ФКБС, мораторий на удовлетворение требований кредиторов не вводится. ПАО «Промсвязьбанк» занимал девятое место по величине активов среди банков в РФ. По состоянию на 1 декабря 2017 года активы банка составили 1,3 трлн рублей. Банк входил в перечень системно значимых организаций.

Предварительная потребность в докапитализации ПАО «ФК Открытие», ПАО «БИНБАНК», ПАО «Промсвязьбанк» по состоянию на январь 2018 г. оценивалась Центральным банком Российской Федерации приблизительно в 1 трлн руб. По состоянию на январь 2018 г. в ПАО «ФК Открытие» были проведены все процедуры по докапитализации, уставный капитал был уменьшен до 1 рубля, и ЦБ РФ выкупил дополнительный выпуск обыкновенных акций ПАО «ФК Открытие» на 456 млрд руб., при этом капитал банка составил 222 млрд руб. В феврале 2018 года Центральный банк РФ объявил о принятии решения об объединении ПАО «ФК Открытие» и ПАО «БИНБАНК», что позволит снизить издержки на санацию и повысить стабильность объединенного банка.

Заключение

Таким образом, данный механизм является новым механизмом, эффективность мер по санации данных банков можно будет оценивать по результатам продажи данных банков частным инвесторам или по объему прибыли, которые принесут данные банки в активы УК ФКБС и в налоговые поступления. Стоит также отметить косвенный положительный эффект от сохранения данных банков, которые являлись системно значимыми для финансового сектора Российской Федерации. Механизм санации коммерческого банка с привлечением УК ФКБС незаменим в деле санации системно значимых банков, затраты на предотвращение краха которых значительно уступают расходам участников банковского сектора в случае банкротства таких банков.

Литература

1. О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. Федерального закона от 26.07.2017 № 205-ФЗ).
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке) : федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. Федерального закона от 01.05.2017 № 92-ФЗ).
3. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 360-ФЗ).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.05.2017 № 84-ФЗ.
5. Официальный сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cbr.ru/>
6. УК ФКБС [Электронный ресурс]. – URL: <http://amfbc.ru/>
7. Официальный сайт банка ПАО «Банк «ФК Открытие» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.open.ru/>
8. Официальный сайт банка ПАО «БИНБАНК» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.binbank.ru/>
9. Официальный сайт банка ПАО «Промсвязьбанк» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.psbank.ru/>

Natalia Nikalayevna Mokeeva,

Associate Professor, Department of Finance,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Igor Aleksandrovich Rodichev,

Student of Group EMZM-262007, Department of Finance,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Commercial Banks' Bankruptcy Prevention with Rehabilitation Involving the Managing Company of the Bank Consolidation Fund

The current situation concerning the existing mechanism of banks' rehabilitation required further development with the aim of increasing efficiency in the rehabilitation of commercial banks, the created mechanism allowed to react quickly to emerging problems in the banking sector and turned out to be a timely decision to save the largest banks from collapse.

Key words: rehabilitation of banks; MC BCF; capitalization; financial recovery.

Особенности разработки и внедрения корпоративной системы управления проектами

Объектом исследования в настоящей статье выступают корпоративные системы управления проектами. Предметом исследования являются особенности их разработки и внедрения. Целью исследования является выявление критически важных факторов и особенностей корпоративных систем управления проектами. Методология проведения работы состоит в системном анализе теоретических аспектов внедрения корпоративных систем управления проектами. Результатом работы является выявление сложных этапов и рисков во время реализации проекта внедрения КСУП. Областью применения результатов являются проектно-ориентированные и проектно-зависимые организации, проявляющие интерес к внедрению и развитию корпоративных систем управления проектами.

Ключевые слова: корпоративная система управления проектами; управление; планирование; проект; риски; особенности разработки и внедрения; мотивация.

Современный этап развития инновационной деятельности в России нуждается в создании в крупных, проектно-ориентированных холдингах объединения научно-технического и производственно-исследовательского комплекса в единый, тесно связанный процесс связи на всех этапах цикла «наука – производство». Это приведет к созданию эффективно работающих корпоративных систем управления проектами на уровне крупных корпораций [1, с. 295]. Основная цель внедрения систем управления проектами заключается в реализации проектов в соответствии со стратегией организации. Для достижения этой цели создается система, которая позволяет увязывать реализацию портфеля проектов и программ со стратегическими целями организации на всех этапах жизненного цикла от замысла до контроля и завершения [2, с. 45].

Разработка и внедрение корпоративной системы управления проектами – это организованный комплекс последовательных мероприятий, т. е. внутрикорпоративный проект, который требует создания стратегии и тактики его реализации. Это организационная система, которая вводит единые принципы и требования к управлению проектами. При инициации, планировании, реализации и завершении проектов, в организации необходимо использовать единые управленческие процедуры, определенные параметры, формы координации, мониторинга, контроля, отчетности и информационного обеспечения.

Внедрение системы управления проектами призвано повысить эффективность реализуемых в проектно-ориентированных организациях портфелей проектов, направленных на развитие инновационного и инвестиционного бизнеса.

Особенностями разработки и внедрения корпоративной системы управления проектами являются:

- сложное формулирование и согласование определенных целей, задач, критериев успешности планируемых результатов проекта, неопределенность изменений и уточнений требований к ожидаемым результатам в процессе реализации проекта;

* Евгений Владимирович Костерин, магистрант факультета бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: Kev_ural@bk.ru

- высокая формализация и зависимость от человеческого фактора в разработке и утверждении управленческих решений, из-за ненадлежащей квалификации и степени ответственности персонала;

- необходимость проведения организационных изменений, которые, как правило, приведут к конфликтам интересов отдельных подразделений и функциональных руководителей.

Результатами разработки и внедрения КСУП являются:

- эффективные, стандартные процессы инициации, планирования (разработки), организации, выполнения, мониторинга, контроля и завершения проектов и программ, образующих портфель организации;

- созданные организационно-проектные структуры, такие как проектный комитет, офис управления проектами и др.;

- согласованные роли и функции: заказчик, менеджер, администратор, куратор проекта и др.;

- информационная система управления проектами;

- квалифицированный проектный персонал;

- нормативная база показателей и архивирование управленческой документации по реализованным проектам.

Разработка стратегии обычно начинается с анализа предпосылок и задач внедрения, выбора приоритетных целей с учетом рисков и ограничений. Риски в проектах разработки и внедрения корпоративных систем управления проектами, как правило, связаны с организационными ошибками при:

- выборе стратегии;

- подборе и вовлечении персонала;

- позиционировании проекта в компании.

Также они связаны и с человеческим фактором и обусловлены:

- неэффективной мотивацией;

- низкой квалификацией персонала.

Опыт практиков разработки и внедрения корпоративных систем подтверждает, что наиболее распространенные риски вызваны:

- ошибками целеполагания и определения проекта, отсутствием сбалансированного подхода к стратегии внедрения;

- неадекватными ожиданиями участников проекта;

- недостаточностью поддержки проекта его ключевыми участниками;

- ошибками при создании команды проекта;

- недостаточной квалификацией проектного персонала [3, с. 46].

Начав внедрение системы управления проектами в компании, руководство может, к своему удивлению, столкнуться с сопротивлением собственных сотрудников. Менеджеры, считающие себя абсолютными лидерами в организации, как правило, исключают важность этого фактора. Однако он является достаточно серьезной причиной сбоев и затягивания сроков реализации проекта внедрения системы управления проектами и в самом худшем случае приводит и к отмене решения о внедрении КСУП.

Сопротивление сотрудников, как правило, сводится к нескольким основным опасениям.

Руководители среднего звена чаще всего провоцируют несоответствие новой системы их функциональной деятельности. В этом заключается их реакция на опасение потерять собственную значимость в результате внедрения корпоративной системы управления проектами. Действительно, внедрение проектного управления неизбежно ломает многие устоявшиеся стереотипы управленческой культуры организации, перераспределяет сферы ответственности, меняет политический ландшафт. Например, в организациях, построенных по функциональному

принципу, руководитель подразделения часто вынужден нести ответственность за конечный результат, имея ограниченное число рычагов воздействия лишь на отдельных этапах процесса получения этого результата. Для преодоления этого противоречия руководитель подразделения стремится захватить как можно больше смежных областей. При этом ему приходится решать непрофильные задачи, что усложняет управление и оттягивает ресурсы подразделения. На этой же почве возникают «пограничные» конфликты, ухудшающие климат в коллективе и порождающие конкуренцию подразделений. Но и отказываться от полномочий руководителю не хочется.

Внедрение проектного управления позволяет решить многие подобные проблемы, но с традиционными управленческими схемами придется расстаться.

Более пассивные сотрудники организации считают, что новая система вообще нереализуема, отмечая, что полномочия декларируются, но не делегируются, процедуры разрабатываются, но не используются, стимулы придумываются, но не применяются.

Учитывая это, необходимо добиться того, чтобы все стороны, вовлеченные в процесс преобразований, понимали, в чем состоит мотивация к этим изменениям – и общая для компании, и их личная. Мотивация играет особенно важную роль для той большой группы сотрудников компании, которых рассматривают как потенциальных руководителей проектов. Именно для них появляются возможности стремительного карьерного роста и повышения статуса внутри компании. В значительной степени успех внедрения системы управления проектами зависит от правильного выбора этих людей.

В России многие руководители как проектно-зависимых, так и проектно-ориентированных организаций при реализации проекта по разработке и внедрению корпоративных систем управления проектами прибегают к методу типовых решений. Такая ситуация чревата недоразумениями и проблемами, которые могут быть особенно серьезными при внедрении. В этом случае часто создаются только самые общие представления о системе управления проектами. Следует помнить, что типовые решения в области управления проектами преходящи, так как срок жизни этих решений ограничивается временем, в течение которого они адекватны уровню развития корпоративной культуры организации.

Если посмотреть на проблему типовых решений с точки зрения моделей зрелости проектно-ориентированных компаний, то такое положение покажется совершенно естественным: каждому новому уровню зрелости должно соответствовать иное решение. Например, типовое решение в области организации офиса управления проектами легко создать на основе рекомендаций консультантов, занимающихся разработкой корпоративных стандартов по управлению проектами.

Однако реальный эффект от работы такого офиса может появиться не раньше, чем компания займется интегрированным мультипроектным планированием и контролем, а также постоянным совершенствованием процессов управления проектами, т. е. достигнет четвертого-пятого уровня зрелости (рис. 1) [4, с. 298].

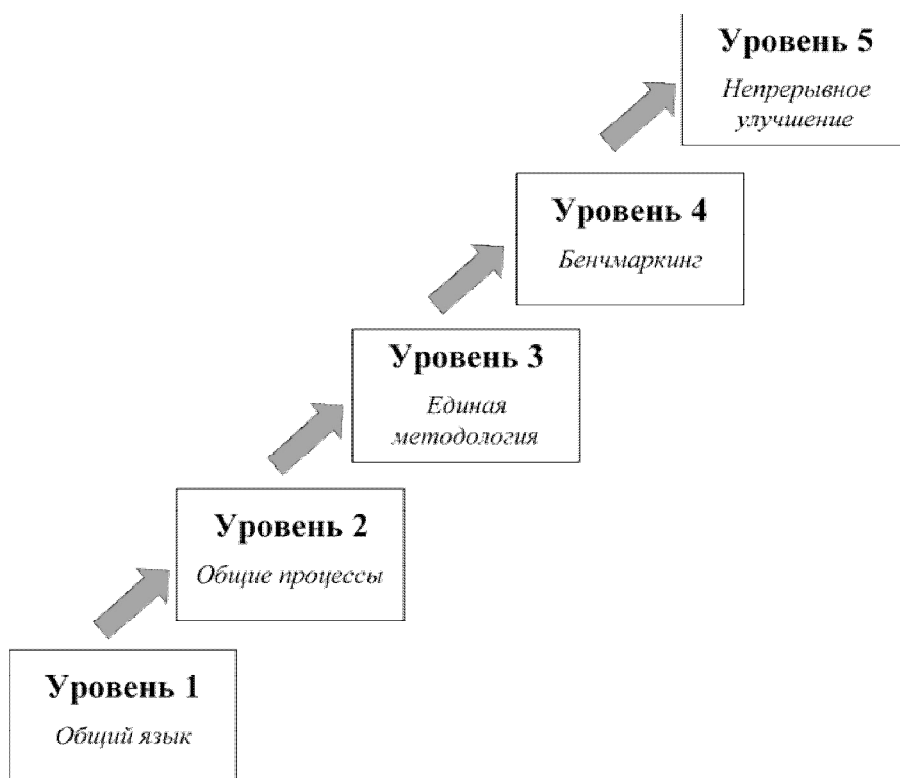

Рис. 1. Общая схема модели Г. Керцнера

Модель Г. Керцнера допускает перекрытие отдельных уровней, в то время как большинство других моделей зрелости предполагает, что переход от уровня к уровню должен осуществляться последовательно – от одного к другому, без совмещений, перекрытий, перескакивания. В модели РМММ также предполагается обратная связь между уровнями 5 «Непрерывное улучшение» и 4 «Бенчмаркинг», а также между уровнями 4 и 3 «Единая методология». Эти три уровня могут образовывать непрерывный цикл улучшения, и не исключена даже возможность перекрытия всех трех уровней [4, с. 300].

Для нижних уровней эффективными могут оказаться такие типовые решения, как стандартные обучающие курсы и настольные программные средства управления проектами. Однако долгая жизнь типового решения с этих позиций не является достоинством, а, скорее, тревожным симптомом, свидетельствующим о том, что компания задержалась на текущем витке развития. Для компании, внедряющей систему управления проектами, это означает, что она должна выбирать не типовые решения, а пути развития, т. е. не отдельно взятый продукт, а стратегию внедрения проектного подхода, подкрепленную на разных стадиях развития различными продуктами. Она может базироваться на одной из известных моделей зрелости или быть собственным ноу-хау. Важно только, чтобы философию развития компании, заложенную в этой стратегии, устанавливало высшее руководство [5, с. 49].

У высшего руководства компании наиболее часто встречается одна из самых распространенных иллюзий, связанных с разработкой и внедрением корпоративной системы управления проектами: ему кажется, что проект завершен, все процессы работают и дают ожидаемые результаты.

Даже если система спроектирована и сдана в эксплуатацию, надо быть готовым к тому, что первый же проект, реализованный в ее рамках, выявит множество недостатков, недоработок, неудобств, и это будет продолжаться бесконечно. Но по-другому и быть не может, поскольку совершенствование корпоративной системы управления проектами как инструмента необходимо для развития бизнеса компании и технологий проектного управления [6, с. 334].

Особенностью разработки и внедрения корпоративной системы управления проектами являются как внутренние организационные факторы, так и человеческий фактор, включающие все риски, такие как иллюзии высшего руководства, что проект завершен, все процессы работают и дают ожидаемые результаты [7, с. 115]. Но каким бы ни был сложным проект разработки и внедрения КСУП, необходимо идти вперед, периодически оценивая результаты проекта, и ни в коем случае не останавливаться, не завершать проект с недостигнутыми целями и задачами [8, с. 273].

Для организации этого процесса в соответствии с принципами мультипроектного (портфельного) менеджмента, в структуре организации необходимо провести структурные изменения, соответствующие проектному управлению [9, с. 116]. Организовать проектный офис, который, при наделении соответствующими полномочиями, способен организовать внедрение основных компонентов, составляющих систему управления проектами, а также процессы и инструменты управления экономической безопасностью. Основным процессом, влияющим на экономическую безопасность в организации, в соответствии с проектным менеджментом является управление бюджетом, соответственно основным инструментом – бюджет доходов и расходов (БДР). Этот документ разрабатывается командой проекта (рис. 2) и содержит все затраты на реализацию проекта. Затратная часть БДР формируется специалистами, привлеченными в проектную команду, в соответствии со своими ролевыми обязанностями. Каждый специалист несет ответственность за формирование, планирование, мониторинг и контроль той затратной части БДР, за которую он отвечает. Сформированный бюджет проверяется на соответствие командой управления проектами (КУП), согласовывается с куратором и утверждается заказчиком проекта.

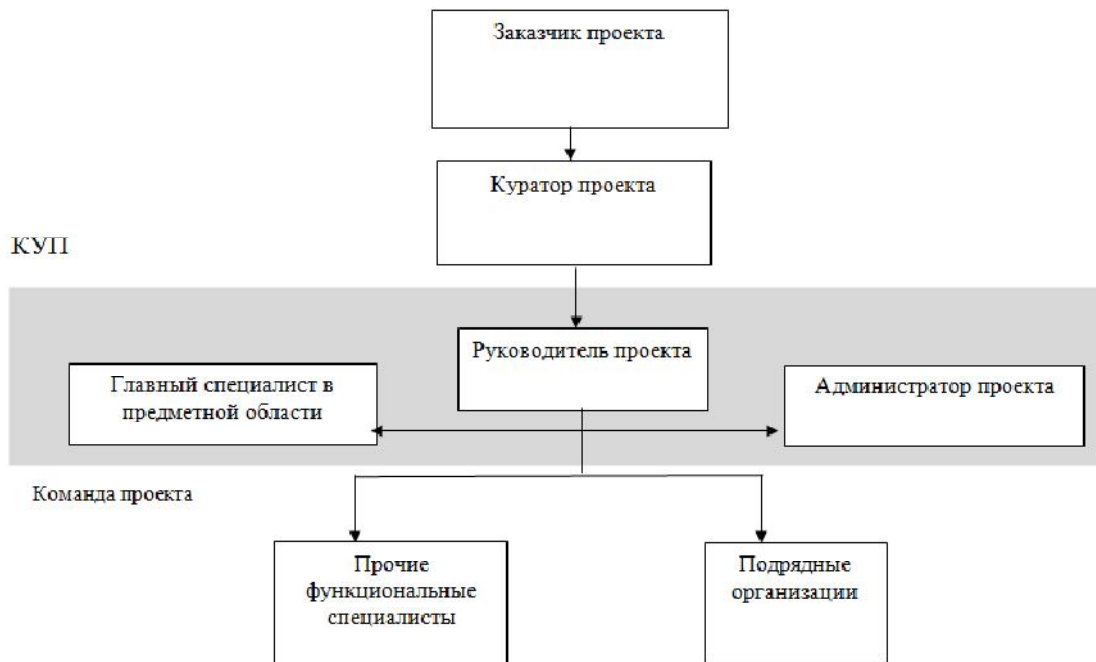

Рис. 2. Универсальная структура проектных команд

Заказчик проекта возглавляет команду, именно он считается владельцем продукта, который возникает на фазе завершения проекта. Роль заказчика проекта в проектно-ориентированной организации выполняет руководитель или его заместители, в зависимости от специфики проекта.

Заказчик рассматривает и утверждает:

- приказ о запуске проекта;

- устав проекта, который является внутренним договором между заказчиком и руководителем проекта;
- календарный план, в котором отражены сроки и ключевые вехи проекта;
- бюджет проекта, который определяет все ресурсы и планируемые затраты, выделяемые заказчиком, и план контроля качества реализуемого проекта;
- размер мотивационного фонда в материальном выражении, который зависит от чистой прибыли реализованного проекта, и при завершении проекта – приказ о выплате вознаграждения.

Куратор проекта играет важную роль в управлении проектами. Он является связующим звеном между заказчиком и командой проекта. Куратор отвечает за обеспечение того, чтобы выгоды, обозначенные в экономическом обосновании проекта, которое разрабатывается еще на фазе инициации, были действительно получены. Всю управленческую документацию проекта, утверждаемую заказчиком, согласовывает куратор [10, с. 38].

Команда управления проектом (КУП) несет ответственность за успешную реализацию проекта, т. е. своевременное выполнение целей и задач, в соответствии с критериями успешности, определенными утвержденным уставом проекта. Персональную ответственность перед заказчиком за всё вышеперечисленное несет руководитель проекта.

В зависимости от специфики и сложности проекта привлекаются различные функциональные специалисты и подрядные организации в количестве, необходимом для успешной реализации проекта.

Соответствие БДР заключается в актуальности и адекватности затрат на реализацию проекта. Вся затратная часть бюджета контролируется руководителем и командой управления проектом на каждой фазе. Реализация проекта состоит из четырех основных фаз:

1) инициации и 2) планирования – фаз, на которых формируются бюджетные затраты специалистами по соответствующей специфике. Затем все затраты объединяются в единый реестр и передаются команде управления проектом. КУП при проверке затрат на реализацию вправе уменьшить затраты, аргументируя фактами их завышенности и предложением их минимизации за счет привлечения более выгодных ресурсов, но не во вред качеству. После чего сформированный бюджет передается на согласование куратору и на утверждение заказчику проекта;

3) реализации – фазы, на которой осуществляются основные процессы мониторинга и контроля бюджетных средств. От эффективности этих процессов зависит успешная реализация проекта в соответствии с утвержденным бюджетом. Основной задачей команды управления проектом является недопущение превышения затрат на реализацию проекта в соответствии с утвержденным бюджетом;

4) завершения – фазы, на которой анализируются все результаты реализованного проекта в соответствии с его целями и задачами. При успешном завершении руководителем проекта распределяется мотивационный фонд.

Мотивация команды проекта имеет особенно важное значение в управлении проектами [11, с. 885]. Только эффективно мотивированная команда способна повлечь минимизацию затрат на всех фазах проекта [12, с. 184]. В случае отказа заказчика от инструмента мотивации обязательно сработает риск мотивации персонала заинтересованными в увеличении затрат участниками проекта [13, с. 130].

В заключение можно сделать вывод, что внедрение систем управления проектами в бизнесе играет важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности. Инструменты не являются целью, они являются вспомогательным звеном в работе, а именно помогают реализовать стратегию [14, с. 48]. Процессы управления бюджетом в проектном менеджменте и инструменты проектного управления

способны обеспечить эффективность процесса управления экономической безопасностью на каждой фазе реализуемого проекта.

Литература

1. Марков О. А. Понятие инноваций, структура, процесс и сущность инновационных проектов // Прикладные исследования и технологии ART2015 : сб. трудов второй Международной конференции. – 2015. – С. 291–295.
2. Марков О. А. Корпоративные системы управления проектами как инструмент проектного менеджмента // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 43–47.
3. Полковников А. В., Дубовик М. Ф. Внедрение корпоративной системы управления проектами: риски, факторы успеха, выбор стратегии // Управление проектами и программами. – 2006. – № 6. – С. 42–49.
4. Ципес Г. Л. Типовые решения в управлении проектами: принципы использования и проблемы внедрения // Управление проектами и программами. – 2009. – № 4. – С. 296–301.
5. Титов Е. В., Борисова С. А. Инновационная деятельность в России: лозунги и показатели // Cloud of Science. – 2013. – № 1. – С. 47–49.
6. Ципес Г. Л. Внедрение управления проектами: заблуждения, риски, иллюзии // Управление проектами и программами. – 2010. – № 4. – С. 334–335.
7. Логинов М. П., Муринович А. А. Принципы и методы управления межрегиональными проектами // Вопросы управления. – 2014. – № 5 (11). – С. 114–121.
8. Новосадов С. А. Экономическая безопасность – важный фактор стабильного социально-экономического развития региона (на примере Нарофоминского муниципального района) // Проблемы социальной экономики. – 2011. – № 3–1. – С. 268–274.
9. Марков О. А. Управление портфелем проектов в строительстве на стратегическом уровне // Синергия. – 2016. – № 5. – С. 115–126.
10. Марков О. А. Корпоративная система управления проектами и важность роли куратора в проектном менеджменте // Социально-экономические проблемы труда в современных условиях : материалы трудов Международной конференции молодых ученых. – М., 2016. – С. 35–39.
11. Марков О. А. Особенности внедрения корпоративной системы управления проектами и проектная мотивация как особый элемент управления проектами в строительной отрасли // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 4–2 (69) – С. 882–886.
12. Марков О. А., Логинов М. П. К вопросу об оценке эффективности внедрения систем управления проектами субъектами хозяйствования // Вопросы управления. – 2017. – № 1 (25). – С. 183–188.
13. Кузьмина А. Д. Планирование инструментов управления проектами // Аллея науки. – 2017. – Т. 3, № 9. – С. 129–133.
14. Марков О. А. Внедрение системы управления проектами в целях обеспечения экономической безопасности в органах муниципальной власти // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 2 (17). – С. 47–53.

Evgenii Vladimirovich Kosterin,

Master Student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Features of Development and Implementation of Corporate Project Management System

Corporate project management systems are the object of research in this article. The subject of the study is the features of their development and implementation. The purpose of the study is to identify critical factors in the features of corporate project management systems. The methodology of the work is a systematic analysis of the theoretical aspects of the corporate project management systems implementation. The result of the work is the identification of complex

stages and risks during the implementation of the CSUE project. The field of application of the results are project-oriented and project-dependent organizations showing interest in the implementation and development of corporate project management systems.

Key words: corporate project management system; management; planning; project; risks; development and implementation capabilities; motivation.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Упрощение или уничтожение правосудия?

В данной статье рассмотрен вопрос о необходимости мотивированности судебных актов, через призму принципов справедливого правосудия, необходимости обеспечить контроль со стороны гражданского общества.

Ключевые слова: справедливое правосудие; мотивированность судебных актов; верховенство права; публичность; произвол.

Строго соблюдая закон, граждане обретают личную безопасность, что справедливо, поскольку ради этого люди объединяются в общество, и полезно, поскольку в этом случае предоставляется возможность точно просчитать неудобства противоправного поведения. Правда, граждане приобретают дух независимости, но не для того, чтобы расшатывать законодательную основу и не повиноваться властям. Они скорее окажут неповиновение тем, кто осмеливается назвать священным именем добродетели потакание своим прихотям и корыстным интересам или взбалмошным мнениям. Эти принципы вызовут неудовольствие тех, кто считает себя вправе тиранить подчиненных столь же жестоко, как их, в свою очередь, тиранит вышестоящий деспот. И я должен был бы бояться всего на свете, если бы дух тирании мог заставить смириться дух просветительства.

Чезаре Беккария. О преступлениях и наказаниях.

Данная статья отчасти порождена ознакомлением с инициативой Верховного Суда РФ по освобождению судей от обязанности готовить мотивировочные части судебных актов, оставив обязанность мотивировать судебные акты только по некоторым категориям дел [18]. Впрочем, суды будут обязаны составить мотивированные судебные акты, в случае если сторона попросит об этом.

Однако в проекте Верховного Суда есть также уже ничем не ограниченное право суда апелляционной инстанции не составлять мотивированное определение, если решение суда первой инстанции оставлено им без изменения при условии, что в апелляционных жалобе, представлении отсутствуют доводы, которые не были предметом рассмотрения в суде первой инстанции, и при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции не были приняты новые доказательства. Это право суда не ограничено ни категорией дел, ни возможностью лиц, участвующих в деле, просить о мотивировании судебного акта.

Ранее, поднимая проблему мотивированности судебных актов, мы обращали внимание на ее актуальность, разделяя точку зрения, согласно которой «главной болезнью судебного контроля в России является игнорирование судами доводов жалоб» ([15], см. также [5]).

С учетом вынесенных, обязательных для России, постановлений ЕСПЧ мы надеялись – и поводы для этого были в виде некоторых судебных актов высших судебных инстанций, отменявших судебные акты в связи с нарушением требования мотивированности судебных актов, – что «российский правоприменитель сможет сделать свои акты более ясными для населения и не будет избегать обязанности аргументировать свои акты и уклоняться от дачи ответов на вопросы, поставленные заявителем в своем требовании...», что «...это сможет стать причиной возрождения веры в правосудие и веры в справедливость. Вера в справедли-

* Айдар Рустэмович Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (Нижнекамск).

вость имеет очень большую ценность в обществе, именно она дает силы в трудных ситуациях и дает силы для построения лучшего будущего для страны. Тот, кто потерял эту веру, смотрит в будущее без надежды. Но возрождение этой веры – дело ответственное, требующее постоянной работы, притом что результаты этой работы могут быть перечеркнуты легко даже небольшим отклонением от принятого курса, потому что слишком часто человек был обманут и пределы его способности доверять не безграничны», «...мотивированность всех судебных актов – достойная задача, которая должна быть разрешена в России» [26].

Конечно же, общество было вправе ожидать, что если столь скоро немотивированные судебные акты могут быть нарушением права на справедливый суд¹, то требование мотивированности [16] должно стать объектом пристального внимания всех судебных инстанций [2; 20; 10; 12; 29; 15; 1; 21; 4].

Немотивированность судебных актов иногда обращала на себя внимание в актах высших судебных инстанций. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» обращено внимание судов на то, что «судебные акты должны быть точными, понятными, убедительными и объективными по содержанию, не допускающими неясностей при исполнении. **Немотивированные и неубедительные, небрежно составленные судебные акты, содержащие искажения имеющих значение для дела обстоятельств, порождают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судей**» [19]. Таким образом, в Верховном Суде РФ уже давно существует абсолютно правильное понимание недопустимости немотивированных решений.

И это неудивительно, поскольку **«требование мотивированности юрисдикционных актов отнюдь не новое веяние в процессуальной науке, порожденное влиянием практики ЕСПЧ, не новое представление о справедливости, а общий принцип юридического процесса»** [25].

Хотя в постановлениях ЕСПЧ очень точно выражено значение мотивированности судебных актов: «Еще одна роль мотивированного решения состоит в том, что оно доказывает сторонам, что их позиции были заслушаны. Кроме того, мотивированное решение дает возможность какой-либо стороне обжаловать его, а апелляционной инстанции – возможность пересмотреть его»², но мы можем найти аналогичное понимание необходимости мотивированности в трудах российских правоведов.

Так, в начале XX века административист М. Д. Загряцков в своей работе «Право жалобы», написанной в 1923–1924 годах, обращал внимание на то, что **«отсутствие мотивировки противоречит самой идее права жалобы, лишая жалобщика основания для дальнейшего обжалования неправильного решения и чрезвычайно ослабляя и даже совершенно отнимая возможность жаловаться»** [11]³.

Подобную идею найдем у А. Г. Гойхбарга в его книге «Курс гражданского процесса», опубликованной также в 20-х годах прошлого века [8].

¹ Или свидетельствуют о его незаконности (см.: [6]).

² Постановление от 11 января 2007 г. по делу «Кузнецов и другие против РФ», п. 83, см. также п. 30 Постановления по делу «Хирвисаари против Финляндии» от 27.09.2001 ; Постановление ЕСПЧ по делу «Хаджианастасиу против Греции» от 16 декабря 1992 г. № 12945/87.

³ Пользуясь случаем, выражаем благодарность редакции журнала «Вопросы правоведения» за возможность ознакомиться с работой, которая по настоящее время сохранила свою актуальность, за новую жизнь глубоко продуманных идей о «праве жалобы».

Современные ученые также пишут об обязанности судов публично транслировать и разъяснять свои взгляды участникам судопроизводства посредством постановлений, ведь они обладают безусловным правом подвергнуть сомнению окончательные выводы органов правосудия, оспорив их в вышестоящих инстанциях [3].

Полагаем, что данные положения в полной мере применимы к судебным актам апелляционных инстанций, поскольку их судебные акты также подлежат обжалованию и на них в полной мере распространяются требования принципов справедливого правосудия, в том числе обеспечение публичности для обеспечения гражданского контроля [23; 24].

Безусловно, контроль апелляционных судов за законностью и справедливостью судебных решений повышает доверие общества к судебной системе, создает стимулы для судей первой инстанции, мотивирует ответственное отношение к исполнению их обязанностей [30], но контроль вышестоящей кассационной инстанции выполняет такие же функции, которые нельзя выполнить при отсутствии мотивированных актов апелляционной инстанции.

ЕСПЧ в своих постановлениях разъясняет, что «изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общественности проследить отправление правосудия»⁴, российские ученые также отмечают, что «немотивирование судебного акта противоречит принципу прозрачности судебной власти и правосудия, которые являются необходимыми условием осуществления за ними эффективного гражданского контроля» [22], «информация о судебной деятельности должна преследовать две главные цели: во-первых, держать судебную власть и судебную реформу под гражданским контролем, естественно, при гарантиях невмешательства в отправление собственно правосудия, а также защищать судебную власть и, во-вторых, помогать гражданам лучше ориентироваться в системе судебной защиты, дабы более эффективно отстаивать, защищать свои права и законные интересы» [14].

В Постановлении ЕСПЧ по делу «Рякиб Бирюков против РФ» [17] было установлено нарушение права на справедливое судебное разбирательство, где в качестве основания для установления нарушения ст. 6 Конвенции был указан факт неоглашения судебного акта в полном объеме публично. Возражения РФ о том, что резолютивная часть кассационного определения была оглашена в присутствии заявителя, были отклонены.

Полагаем, что данный вывод вполне актуален для оценки инициативы Верховного Суда РФ по упрощению судопроизводства в виде освобождения судов от мотивирования судебных актов по результатам рассмотрения апелляционных жалоб. Очевидно, что тот, кто готовил вышеизложенную инициативу, не учел уроков из данного Постановления ЕСПЧ [13].

В данном постановлении ЕСПЧ также напомнил, что публичный характер судебного разбирательства защищает стороны судебного процесса от отправления правосудия в режиме секретности и без общественного контроля, что также **является одним из средств, посредством которого поддерживается доверие к нижестоящим и вышестоящим судам**. Когда отправление правосудия осуществляется открыто, то гласность способствует достижению цели Статьи 6 § 1, а именно: справедливого судебного разбирательства, одного из фундаментальных принципов любого демократического общества по смыслу Конвенции⁵.

⁴ Постановление от 11 января 2007 г. по делу «Кузнецов и другие против РФ», п. 83; см. также п. 30 Постановления по делу «Хирвисаари против Финляндии» от 27.09.2001.

⁵ См. также: Постановление ЕСПЧ по делу «Pretto and Others v. Italy» от 8.12.1983, § 21 и Постановление ЕСПЧ по делу «Axen v. Germany» от 8.12.1983, § 25.

Мотивированность судебных актов – это также требование уважения достоинства личности. Именно мотивированность судебного акта является подтверждением, что государство в лице суда действительно выслушало и поняло человека в ходе судебного процесса, где суд не только надлежащим образом организовал коммуникацию в ходе судебного процесса, услышал стороны, но и дал им ответ в мотивированном судебном акте [27].

Как отмечают исследователи судебной коммуникации, эффективность судебной коммуникации оценивается через достижение цели коммуникации, т. е. понятного всем участникам процесса и закономерного, т. е. соответствующего логике состоявшегося судебного разбирательства, результата рассмотрения дела, отраженного в судебном акте [28].

Но результат судебного разбирательства важен не только лицам, участвующим в деле; порой тот, кто собирается в суд, изучает сложившуюся практику судов, для того чтобы понять возможный результат судебного разбирательства. Известность судебной практики судов также создает правовую определенность.

Те, кто исследовал апелляционное производство, предлагают не просто делать доступными судебные акты апелляционных инстанций, но и пишут, что «следует обязать делать ежеквартальные обзоры практики, тем самым обеспечивая единство применения права на территории, находящейся под юрисдикцией суда. При этом данные обзоры должны выкладываться в специальный раздел сайта и быть доступны для ознакомления широкого круга лиц. Это позволит лучше ориентироваться в практике апелляционных судов, тем самым повысить прозрачность и предсказуемость правосудия» [9].

Полагаем, что самое главное достоинство мотивированных судебных актов – это то, что они заменяют бездушную силу, силу произвола, силой логики и права.

«Освобождение» от мотивирования судебных актов – это не только освобождение от уважения личности, не только вывод судов из-под контроля гражданского общества, но и ключ к перерождению права в режим произвола и бесправия...

Не можем не процитировать российских правоведов, которые предостерегали: «Величайшая опасность, грозящая новыми потрясениями, заключается в перерождении ее неокрепшего еще права, в замене нового права старой бездушной силой... Остережемся от повторения роковых, непоправимых ошибок; будем помнить, что в господстве права – и только в нем – залог возрождения испытанной многими и великими бедствиями России» [7].

Надеемся, что законодатель с осторожностью подойдет к инициативе Верховного Суда РФ и не допустит превращения правосудия, основанного на уважении к личности, в систему бездушного произвола, которая не отправляет правосудие, а лишь издает приказы.

Литература

1. Афанасьев С. Ф. К проблеме реализации права быть выслушанным в суде при рассмотрении гражданских дел // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 28–45.
2. Афанасьев С. Ф. Право на получение мотивированного судебного решения по гражданскому делу (международный и национальный аспекты) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 12. – С. 13–16.
3. Афанасьев С. Ф., Борисова В. Ф. Право на получение мотивированного судебного решения в контексте доступности правосудия по гражданским делам // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2 (79). – С. 154–164.
4. Васяев А. А., Князькин С. А. Мотивированность судебных решений – стандарт Европейского суда по правам человека // Адвокат. – 2013. – № 6. – С. 27–32.
5. Верещагин А. Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 22.

6. Викут М. А. Законность и обоснованность актов социалистического правосудия как главное условие выполнения задач гражданского судопроизводства // Цивилистические проблемы правового статуса личности в социалистическом обществе. – Саратов, 1982. – С. 124.
7. Гессен В. М. Исключительное положение. – Харьков, 2004. – С. 194.
8. Гойхбарг А. Г. Курс гражданского процесса. – М., 1928. – С. 97.
9. Грибов Н. Д. Правовая природа апелляции в цивилистическом процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 50–51.
10. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2007. – С. 299–300.
11. Загряцков М. Д. Право жалобы // Вопросы правоведения. – 2012. – № 1. – С. 227–228. – URL: http://forum.yurclub.ru/index.php?app=core&module=attach§ion=attach&attach_id=79500 (дата обращения: 09.05.2013).
12. Зайцев И. М. Решение суда как процессуальный документ // Вестник СГАП. – 1995. – № 2. – С. 74.
13. Коллективное правовое заключение на законопроект ВС РФ о внесении изменений в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ. – URL: https://zakon.ru/blog/2017/12/17/kollektivnoe_pravovoe_zaklyuchenie_na_zakonoproekt_vs_rf_o_vnesenii_izmenenij_v_gpk_rf_apk_rf_kas_rf (дата обращения: 12.01.2018).
14. Краснов М. У судебной власти есть только один защитник – общество // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 3.
15. Поляков С. Б. К вопросу о независимости суда // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 85, 91.
16. Пономаренко В. А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе. – СПб., 2009. – С. 91.
17. Постановление ЕСПЧ от 17.01.2008 по делу «Рякиб Бирюков против РФ» // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 5 (26). – С. 38.
18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 года № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11612
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Российская газета. – 2007. – 8 июня (№ 122) ; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 8.
20. Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутрисударственное правовое регулирование. – М., 2005. – С. 136.
21. Ратушная Б. П. Проблемы мотивированности судебных решений в Украине // Право и политика. – 2013. – № 6. – С. 798–802.
22. Смирнов А. В. Публичность (открытость) судебной власти как условие демократии в России. – URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/smirnov2004.htm>
23. Султанов А. Р. Безусловное безобразие, или Является ли полное копирование текста возражений допустимым в качестве судебного решения? // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 5. – С. 264–282.
24. Султанов А. Р. Копипаст как отказ в правосудии // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 5. – С. 40–44.
25. Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // Закон. – 2014. – № 8. – С. 114–118.
26. Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов, через призму постановлений Европейского Суда по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 11–14.
27. Султанов А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! // Закон. – 2018. – № 1. – С. 38–49.

28. Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный процесс. – Воронеж, 2017. – С. 10.
29. Тузов Н. А. Мотивирование и преюдиция судебных актов. – М., 2006.
30. Barendrecht J. M., De Hoon M. W. and Bolt K. F. Appeal Procedures: Evaluation and Reform // Tilburg Law & Economics Center Discussion Paper No. – 2006. – № 031. – URL: <http://ssrn.com/abstract=942289> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.942289>

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of the Legal Department of PJSC «Nizhnekamskneftekhim»
(Nizhnekamsk)

Should the Justice Be Oversimplified or Eliminated?

This article discusses the need for motivation of judicial acts, through the prism of the principles of fair justice, the need to ensure control by civil society.

Key words: fair justice; motivation of judicial acts; rule of law; publicity; arbitrariness.

Частноправовое конструирование социальной реальности

В статье рассматриваются гражданское законодательство как важнейшая форма конструирования социальной реальности, понятие и особенности гражданско-правовой модели, их виды, а также проблемы гражданско-правового моделирования в некоторых отдельных сферах цивилистической реальности – моделирование конструкций юридического лица публичного права, института права собственности

Ключевые слова: гражданское законодательство, частноправовое регулирование, социальная реальность, социальное конструирование, правовое моделирование, гражданско-правовая модель, юридическая герменевтика, синергетический эффект.

Частное право регулирует имущественные, личные неимущественные и иные, относящиеся к его предмету, общественные отношения. Нормы частного права оказывают не только регулятивное воздействие на соответствующие общественные отношения, но и выполняют конструирующую функцию, что выражается в существенном преобразовании цивилистической социальной реальности.

В философской и юридической литературе в последнее время активно ведутся научные разработки в области социального конструирования [3; 5; 11; 12; 19]. Важное место в системе средств и методов преобразования социальной реальности принадлежит юридической герменевтике. В процессе толкования права возникает эффект синергического объединения потенциалов, заключенных в источнике права и в акте его интерпретации, в результате чего в социальную реальность привносится цивилистическая упорядоченность общественных отношений, для обеспечения которой используются различные инструменты – законотворческие, правоприменительные, интерпретационные и другие.

В связи с этим необходимо заметить, что хотя судебный прецедент официально не признан самостоятельным источником российского гражданского права, однако правовые позиции, сформулированные высшими судебными инстанциями, имеют, по сути, обязательный характер. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (подпункт «б» абзаца 2 пункта 4) указанная высшая судебная инстанция вправе давать разъяснения по вопросам судебной практики, носящие **обязательный характер**. Несколько позднее та же позиция была выражена и в Постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2005 г. № 25П В04, где отмечено, что единство судебного правоприменения основывается не только на нормах права, но также и на судебном толковании.

Правовая определенность, единство правовых позиций судов при рассмотрении однотипных гражданских дел имеют важнейшее значение для обеспечения цивилистического правопорядка. В этом направлении были произведены институциональные преобразования в судебной системе РФ: осуществлено объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Как отмечено в Послании на 2014 год Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ, «... в трактовке многих законов эти суды часто расходятся, иногда весьма существенно. Выносят разные решения по схожим делам, а то и по одним и тем же. В итоге возникает правовая неопределенность, а порой и несправедливость, кото-

* **Михаил Николаевич Семякин**, д-р юрид. наук, профессор, завкафедрой частного права Гуманитарного университета; автор около 150 научных трудов по цивилистическому правоведению, 10 из которых монографии; ученый секретарь одного из диссертационных советов на базе УрГЮУ, член двух редакционных советов научных журналов по правовой тематике.

рая отражается на людях... объединение судов направит судебную практику в единое русло, а значит, будет укреплять гарантии реализации важнейшего конституционного принципа – равенства всех перед законом» [18].

На сегодня идея судебного прецедента как источника российского гражданского права вряд ли может выступать в роли оперативно-адаптационного культурного кода, лежащего в основе законопроектной цивилистической деятельности, поскольку в правосознании значительной части ученых-цивилистов и практиков к ней продолжает существовать неоднозначное отношение [1, с. 231; 6, с. 50–51].

Обсуждаемая проблема может быть в настоящее время исследована на основе синергетической парадигмы, согласно которой источник права может «наращиваться» за счет прецедентной интерпретации закона, о чем много и достаточно убедительно писал в свое время классик юридической герменевтики Х.-Г. Гадамер. Взаимодействие двух таких подходов – догматического и прецедентного, – безусловно, может дать и дает, значительный синергетический эффект как в теоретическом познании правовой действительности, так и в области продуктивного «расширения» закона.

В цивилистической литературе исследователями высказаны различные соображения как по поводу совершенствования в целом гражданского права, так и по поводу его отдельных институтов, юридических конструкций и других средств правового регулирования общественных отношений. В течение длительного времени, а в значительной мере и сейчас, законодательство, в том числе гражданское, воспринимается как средство правового регулирования общественных отношений, причем нормативные правовые акты рассматриваются, главным образом, как важнейшая юридическая форма закрепления и обеспечения должного поведения субъектов.

Такой «нормативный» подход, наряду с положительными, содержит в себе и ряд негативных моментов, когда за его пределами остаются глубокий анализ проектов законодательства, возможность и последствия их реализации на практике, что нередко приводит к тому, что эффективность многих нормативных актов остается низкой; возникает немало коллизий и случаев несогласованности в законодательстве; постоянно вносятся изменения, дополнения и иные, порой бессистемные, поправки в законодательство, которые порождают немало дискуссий в научной и практической среде.

Гражданское законодательство является не только формой отражения и средством правового регулирования соответствующих общественных отношений, но и важным инструментом познания и преобразования цивилистической социальной реальности. Это обуславливает необходимость познания его состояния, современных тенденций гражданско-правового регулирования, исследования возможностей опережающего юридического воздействия, разработки моделей развития гражданского законодательства и т. д., что позволит адекватно учитывать роль экономических, социально-культурных, политических и иных факторов в процессе правового моделирования цивилистической действительности.

В последнее время в общетеоретическом правоведении появились труды в сфере моделирования; в частности, это касается обстоятельного научного исследования Ю. А. Тихомирова, посвященного моделированию правовых явлений [24, с. 1–18]. С учетом этого применительно к отраслевому цивилистическому моделированию можно высказать следующие соображения.

Гражданско-правовые модели – мощный инструмент, позволяющий оптимизировать цивилистическое правопонимание, законотворческую и правоприменительную деятельность и в целом правопорядок в данной сфере.

Что же представляет собой гражданско-правовая модель? Это прогнозируемый оптимальный вариант гражданско-правового регулирования соответствующих имущественных, личных неимущественных и иных гражданских отношений, предусматривающий цель, задачи и средства достижения определенного состояния общественных отношений в указанной сфере, а также позволяющий произвести расчет достижения желаемого социального эффекта. Гражданско-правовая модель должна отражать не только уровень существующего цивилистического правопорядка, но, главное, – перспективы его развития с учетом тенденций экономического, социально-культурного, политического и иного характера, а также его взаимодействие с иными (неюридическими) регуляторами общественных отношений в цивилистической сфере.

Как представляется, цивилистическая модель должна включать в себя ряд структурных элементов, к числу которых могут быть отнесены следующие.

Во-первых, это концептуальная основа, отражающая цель и задачи, гносеологические и онтологические характеристики моделирования гражданского законодательства, его принципы, основные этапы развития, желаемое в результате этого достижение социально-экономического, гражданско-правового и иного эффекта. В этом отношении серьезной критики заслуживает ныне действующая Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [7]. Так, например, в подразделе I «Гражданское законодательство» (п. 1.3) раздела II «Общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации» обращено внимание на то, что в ст. 5 ГК в качестве источника гражданского права назван обычай делового оборота, а поскольку обычай широко применяется не только в предпринимательской деятельности, но и в иных сферах, в частности в отношениях между гражданами в связи с определением порядка пользования общим имуществом, то в ст. 5 ГК необходимо внести соответствующие дополнения.

Здесь, равно как и в других разделах названной Концепции, рассуждения ее разработчиков строятся, примерно, по такой модели: раз на практике появляются те или иные отношения, которые напрямую не предусмотрены в законодательстве, то, следовательно, необходимо быстро дополнить его соответствующим законоположением.

Однако, как представляется, для концептуального положения как элемента модели развития гражданского законодательства такой констатации вышеуказанных обстоятельств явно недостаточно. Необходимо, хотя бы кратко, показать гносеологический аспект данной проблематики: в чем заключается сущность (природа) возникшего явления, носит ли оно закономерный либо случайный характер для цивилистического правопорядка и, соответственно, необходимо ли и возможно ли регулировать его на законодательном уровне; в чем выражается его аксиологический (ценностный) аспект; какая в связи с этим может быть избрана наиболее оптимальная юридическая конструкция; какой социально-экономический, юридический и иной эффект может дать такое дополнение законодательства; достижение какой цели здесь преследуется и т. д., а не просто механически следовать за практикой, которая в ряде ситуаций может оказаться случайной либо даже некорректной, что уже, к сожалению, неоднократно имело место в нашей цивилистической действительности.

Во-вторых, важным элементом цивилистической модели является четкое определение предмета, его пределов и содержания перспективного гражданско-правового регулирования. Здесь существенное значение имеют корреляции как внутри гражданско-правовой системы между ее элементами, так и выходящие за ее пределы, – в связи с экономическими, социально-культурными, психологическими и иными явлениями, необходимостью их учета в моделируемом гражданском законодательстве.

В-третьих, безусловно, в цивилистической модели должны быть определены правовые, экономические и иные стимулы, юридические запреты и предписания, их соотношение и сочетание, которое должно строиться в пользу преобладания правонаделения для субъектов гражданского права, что позволит проанализировать возможные основные тенденции развития гражданского законодательства, его отдельных институтов, а также законодательных и иных нормативных правовых актов, их потенциальную эффективность.

В-четвертых, в гражданско-правовой модели обязательно должна содержаться также оценка значения международных общепризнанных принципов и норм международных договоров Российской Федерации, которые в соответствии с п. 1 ст. 7 Гражданского кодекса РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Это особенно важно при регулировании гражданских отношений с участием иностранного элемента, учитывая то, что в случае коллизии международных правовых регуляторов с нашим внутренним законодательством преимущественное значение имеют общепризнанные международные нормы и принципы.

В-пятых, моделирование в гражданско-правовой сфере, безусловно, охватывает деятельность участников гражданских правоотношений, особенно субъектов предпринимательства, их правовое положение, что обуславливает необходимость обеспечения комплекса правовых, организационных, экономических и иных мер и средств для достижения необходимых эффективных результатов.

В-шестых, важное значение как элемент цивилистического моделирования имеет анализ поведения субъектов гражданских правоотношений, причем как положительного (позитивного), так и негативного (девиантного), причин и обстоятельств, способствующих «отклонению» поведения лиц от нормы. И здесь цивилистическая наука крайне нуждается в разработке адекватных показателей, значений, позволяющих квалифицированно оценивать то или иное поведение субъекта как правильное (эффективное) либо, наоборот, как неверное (неэффективное) или нейтральное с тем, чтобы можно было осуществлять соответствующие корректирующие воздействия.

В-седьмых, серьезного внимания как элемент цивилистического моделирования заслуживает анализ рисков в гражданско-правовой сфере, особенно учитывая то, что для предпринимательской деятельности риск является ее неотъемлемым, атрибутивным признаком (свойством). При таких обстоятельствах должны быть предусмотрены более гибкие экономические, юридические и иные средства оптимального распределения рисков между соответствующими субъектами гражданских правоотношений, эффективные механизмы страхового возмещения убытков, возникающих вследствие наступления страховых случаев.

Таким образом, только комплексное использование правовых, экономических, организационных и иных средств регулирования гражданских отношений может способствовать разработке эффективных цивилистических моделей развития гражданского законодательства, его отдельных институтов, законодательных актов и выбору из них на основе оценки прогнозных данных и результатов аналитических научных исследований такого варианта решения, который был бы адекватен перспективным цивилистическим, экономическим, социально-культурным и иным потребностям общественного развития.

Вышеотмеченное формально дает основание сделать вывод о том, что природа таких моделей носит комплексный характер. Однако если к рассматриваемому явлению подойти с иных (неформальных) позиций – выявления функций и значения каждого из структурных элементов, образующих данную модель, – то при таких обстоятельствах можно и необходимо говорить о единой, цивилистической, природе моделей конструирования частноправовой действительности.

В обоснование такого вывода можно указать на то, что экономические, организационные, социально-культурные, психологические и иные инструменты как элементы цивилистической модели выполняют в рамках последней не самостоятельную, а лишь субсидиарную (вспомогательную) функцию, способствуя тому, чтобы разрабатываемая цивилистическая модель могла наиболее адекватно учитывать различные отношения в сфере частноправовой действительности, их специфические грани (стороны) в комплексном взаимодействии и взаимосвязи, тенденции их развития и т. д.

Основная же здесь роль, которой подчинены все иные функции, заключается в том, чтобы, используя синергетический эффект познания гражданско-правовой модели, ее структурных элементов и связей между ними как достаточно сложной социально-правовой системы, можно было осуществлять на научной основе перспективное конструирование цивилистической действительности.

Каковы же возможные объекты гражданско-правового моделирования? Очевидно, вряд ли есть необходимость и целесообразность в том, чтобы пытаться смоделировать какие-то конкретные гражданско-правовые действия, решения, отдельное гражданское правоотношение, отдельный юридический факт и т. п., поскольку таких моментов цивилистической действительности необозримое множество и к тому же правовое конструирование цивилистической, как и иной, социальной реальности – дело достаточно затратное в отношении материальных, временных, интеллектуальных и иных ресурсов. Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «специфика объектов правовых моделей заключается в их стратегическом значении для правотворчества и правоприменения и в высокой степени сложности» [24, с. 12].

С этих позиций в качестве объектов цивилистического моделирования могут выступать: а) реформирование гражданского законодательства в целом; б) реформирование гражданского законодательства в наиболее крупных и важнейших сферах частноправовой действительности – интеллектуальной деятельности, вещных прав; рынка ценных бумаг; поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных и муниципальных нужд; конкурентного законодательства в прогнозируемой динамике; общих положений об обязательствах и т. д.; в) совершенствование законодательства об отдельных гражданско-правовых институтах – залоге, кредите, расчетных правоотношениях, оказании услуг, защите прав и законных интересов потребителей и др.; г) развитие такого системообразующего, базового законодательного акта, как Гражданский кодекс РФ; д) развитие иных отдельных наиболее важных законов в цивилистической сфере – о защите прав потребителей; о несостоятельности (банкротстве) юридических и физических лиц; об ипотеке; о договоре долевого участия в строительстве жилых помещений; е) правовой мониторинг действия и эффективности реализации гражданского законодательства.

Названные и иные подобные объекты моделирования развития гражданского законодательства находят свое выражение в специфической юридической форме – концепция, программа, основные направления развития и другие документы, что придает им смысл и значение как важных юридических решений либо проектной основы для принятия таковых по конструированию гражданского законодательства, а также связанной с ним цивилистической действительности.

Важное значение для принятия таких решений могут иметь научные разработки: а) цивилистические теории, например в форме Концепции развития гражданского законодательства; б) доктрины развития частноправовой политики в Российской Федерации; в) концепции сочетания частноправовых и публично-правовых интересов в процессе гражданско-правового регулирования общественных отношений; г) обоснование новых гражданско-правовых институтов; иссле-

дование формирующихся комплексных межотраслевых нормативных образований; долгосрочные программы социально-экономического развития страны, например «Россия – 2020», и т. д.

Модели развития гражданского законодательства, наряду с некоторыми общими характерными для них формально-структурными моментами, отличаются большим с точки зрения их конкретного содержания разнообразием: цели и задачи моделирования; используемые для их достижения юридические и иные средства и методы; субъекты, участвующие в разработке моделей; процессы мониторинга эффективности их реализации и т. д. Так, например, модель развития законодательства в сфере интеллектуальных прав в конкретно-содержательном плане будет существенно отличаться от модели построения нового института законодательства о вещных правах, а также от моделирования перспективного корпоративного законодательства и т. д.

К цивилистическому моделированию нельзя подходить сугубо с позиций соблюдения существующих общих, типовых форм, процедур и стадий законотворчества, восприятия текстов законов лишь как системы знаков, содержащих определенную информацию; здесь необходимо учитывать динамику и системность гражданско-правового регулирования, корреляцию гражданско-правовых средств воздействия на общественные отношения с иными регуляторами – юридическими, экономическими, организационными, социально-культурными, философско-мировоззренческими, психологическими и другими факторами. Причем в связи с этим можно выделить две группы корреляций: а) причинно-следственные связи и зависимости, существующие внутри гражданско-правовой системы (между ее институтами и другими структурными элементами), и б) связи гражданско-правовых средств воздействия на общественные отношения с внешними – публично-правовыми регламентами, а также иными, неюридическими, социальными инструментами регулирования.

Только глубокое познание и учет названных и других явлений и процессов в их динамическом взаимодействии и взаимном влиянии может способствовать существенному повышению синергетического потенциала использования комплекса различных юридических и иных инструментов в процессе моделирования развития цивилистической действительности.

В юридической литературе в последнее время предлагаются меры по радикальному совершенствованию гражданского законодательства, что серьезным образом подрывает сложившиеся цивилистические традиции, связанные с пониманием важнейших цивилистических категорий, а также закономерностями развития гражданского законодательства. Так, Е. В. Богданов в исследовании, посвященном развитию гражданского права России, проявляет склонность к идее коллективной и общенародной собственности [4, с. 40–41], а также полагает, что гражданское право вследствие процессов социализации и гуманизации «не только становится более социализированным и гуманным, но и приобретает качества гражданского, но не частного права России: его нормы будут отражать интересы общества и личности как единой социосистемы, и потому оно будет поощрять отношения между членами общества на основе солидарности, а не индивидуализма...» [Там же, с. 48].

Признавая необходимость и полезность социализации и гуманизации права, в том числе частного права, вместе с тем трудно согласиться с теми способами, посредством которых должны осуществляться указанные процессы, когда частная собственность, по существу, заменяется «коллективной» (неудачный опыт которой в советский период наше общество уже имело), а гражданское как, в сущности, частное право утрачивает свою первоизданную частноправовую природу и превращается в некое право «социального обеспечения». Частный интерес как

мощный детерминант и стимул экономического развития таким образом серьезно деформируется и вытесняется интересами общества и личности как «единой социальности».

Вовсе не уничтожение частной собственности и замена ее на так называемую коллективную собственность, а сочетание идеи частной собственности с культурными кодами в сознании людей о справедливости, добросовестности и другими гуманистическими началами способно дать колоссальный синергетический эффект в процессе преобразования нынешней отечественной цивилистической социальной реальности.

Что касается конвергенции частного и публичного права, а следовательно, и соответствующих интересов, то здесь, прежде всего, необходимо определиться с семантическим смысловым значением указанной категории. Если ей придавать значение как форме взаимодействия, взаимопроникновения, сближения, гармонизации и т. п. частных и публичных интересов, о чем, собственно, и говорят многие авторы¹, то, думается, вполне можно рассуждать о конвергенции частного и публичного права и соответствующих интересов в указанном смысловом контексте.

Однако если интерпретировать категорию конвергенции частного и публичного права как процесс их слияния, отождествления, «опубличивания» частного права и т. п.², то с таким подходом согласиться не представляется возможным. В этом случае подсистемы частного и публичного права, по существу, уничтожаются, а вместо них предлагается некое качественно иное нормативное образование, отличающееся как от частного, так и от публичного права. Говоря о взаимодействии, взаимопроникновении и т. д. элементов частного и публичного права, вместе с тем следует иметь в виду, что при этом не должны совсем утрачиваться, полностью нивелироваться основные начала указанных подсистем права как те конститутивные признаки, лежащие в основе их различия.

Другим примером социально-проектной законотворческой деятельности, сопряженной с радикальными изменениями цивилистической онтологии, могут выступать обсуждаемые в настоящее время в научном сообществе правовые модели собственности. Как наиболее важные среди таких моделей можно выделить следующие конструкции права собственности.

1. Первая – элементарная модель права собственности, которая определяется нормами, предусматривающими содержание права собственности, основания (способы) его возникновения, порядок осуществления, способы защиты, прекращения права собственности. Данная модель – традиционная для отечественного цивилистического правосознания и правопорядка – определяет исходное правовое положение собственника, закрепляя за ним известную триаду правомочий, обуславливающих его возможность наиболее полного господства над вещью и свободного участия в гражданском обороте в качестве собственника соответствующего материального блага.

2. В «перестроечный» период была предпринята попытка внедрить в отечественный цивилистический правопорядок юридическую конструкцию «траста», которую в литературе именуют по-разному – «доверительная собственность», «модель разделенного права собственности». Первоначально идеи доверительного управления («доверительной собственности») были воплощены в проекте Закона РФ «О доверительном управлении», принятом в первом чтении 2 июня 1993 г., где доверительное управление мыслилось в виде одного из институтов обязательственного права. Но в связи с известными последовавшими событиями указанный законопроект не получил дальнейшего развития, однако идея «доверительной собственности» продолжала пленять умы некоторой части референтной группы, и

¹ См., напр.: [21, с. 115; 8, с. 21 и след.].

² Более подробно об этом см.: [8, с. 35].

24 декабря 1993 г. появился Указ Президента РФ «О доверительной собственности (трасте)», который начинался со слов: «Ввести в гражданское законодательство Российской Федерации институт доверительной собственности...» [20].

Сущность этой модели заключается в том, что она декларирует одновременное существование нескольких прав собственности на один и тот же объект, а также иерархию этих прав и обладающих ими субъектов (собственников).

Внедрение в отечественный цивилистический правовой порядок конструкции траста («доверительной собственности») могло вселить в правосознание научной общественности разобщенность, ее неприятие, а в практическом отношении повлечь серьезные противоречия в гражданском законодательстве, двойные стандарты в правовом регулировании отношений частной собственности, многочисленные судебные споры между субъектами данных правоотношений и т. д.

Попытка механически «пересадить» институт траста («доверительной собственности»), характерный для англосаксонской правовой семьи, на российскую отечественную правовую почву встретила решительные возражения ученых-цивилистов, которые были высказаны как до, так и после принятия названного указа Президента РФ. В условиях дуализма, присущего англо-американской системе права, конструкция «доверительной собственности» вполне соотнобразуется с общей моделью права собственности как абсолютного вещного права. Однако для российской системы права, тяготеющей к континентальной правовой семье, не знающей деления на общее право и право справедливости, названная конструкция, безусловно, является чужеродным элементом. По мысли известных разработчиков проекта части первой Гражданского кодекса РФ А. Л. Маковского и С. А. Хохлова, институт так называемой доверительной собственности (траста) несовместим с особенностями российской правовой системы [10, с. 23].

3. В качестве еще одной модели права собственности, которая артикулируется в автотерминантном правовом пространстве, выступает так называемая модель с отделившимся правом управления. Ее сущность «заключается в разделении права собственности на вещь и права управления вещью, т. е. в дихотомии: право собственности – право управления» [9, с. 40]. Приверженцы данной модели зачастую оперируют не понятием права собственности, а понятием собственности и, соответственно, терминологически противопоставляют не правовые конструкции – право собственности и право управления, а собственность и управление как экономические категории, что, как представляется, ведет к смешению правовых и экономических явлений.

Право управления вещью в рассматриваемой модели образует ее главный элемент, определяющий всю эту конструкцию в целом. Причем оно трактуется как однопорядковое явление с правом собственности, хотя в интерпретациях авторов имеются и некоторые особенности. В зависимости от этого право управления либо оказывается ближе к праву собственности, либо располагается дальше от него. Кроме того, одни авторы частично совмещают право собственности и право управления в отношении одного лица, другие разделяют их, а третьи противопоставляют друг другу³.

В связи с вышеотмеченным необходимо заметить, что рассматриваемая модель права собственности не соответствует в должной мере научным и культурным цивилистическим традициям и отражает практику англо-саксонской системы права, где собственность и управление ею могут быть, действительно, как совмещены в отношении одного и того же лица, так и «дистанцированы» друг от друга.

В соответствии с российским правовым порядком учредители (участники) коммерческих юридических лиц корпоративного типа не обладают правом собствен-

³ Более подробно см.: [9, с. 40–41].

ности в отношении имущества, переданного ими корпорации, а лишь приобретают долю в ее уставном капитале, которая может выражаться в виде определенного количества акций либо доли в праве в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и т. д. Поэтому с формально-юридических позиций здесь некорректно говорить о «разрыве» собственности и управления ею. И лишь в отдельных случаях, предусмотренных законом, собственность может быть «отделена» от управления ею. Так, по договору доверительного управления имуществом учредитель управления передает другой стороне – доверительному управляющему на определенный срок имущество в доверительное управление в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя). Причем согласно норме, закрепленной в абз. 2 п. 1 ст. 1012 ГК РФ, передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в правосознании людей, их культурно-правовых кодах такие понятия, как собственность, управление ею, тесно связаны с началами добросовестности, справедливости, разумности и т. д. и только в органическом сочетании с ними может быть достигнут синергетический эффект в процессе конструирования цивилистической социальной реальности, в том числе связанной с феноменами собственности и управления ею.

Говоря об отдельных, конкретных, моделях развития гражданского законодательства, теоретический и практический интерес представляет модель юридического лица, в том числе модель юридического лица публичного права. Как полагают В. М. Бартош и К. П. Болиев, «модель юридического лица – это конструкция, которая представляет собой результат наложения на организационно-правовую форму, в которой оно учреждено, его функционально-целевой формы» [2, с. 89].

Такое определение модели юридического лица, как представляется, вряд ли можно признать корректным.

Во-первых, если речь идет об общей модели юридического лица, то она определена в п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса РФ как организация, имеющая обособленное имущество и отвечающая им по своим обязательствам, наделенная возможностью от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Во-вторых, если же здесь имеются в виду модели юридического лица, взятые в ракурсе его возможной конкретной организационно-правовой формы – акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью и т. д., то такие модели также закреплены в Гражданском кодексе РФ (ст. 50 ГК РФ), ряде иных развивающих его законодательных актах, и, следовательно, вряд ли в связи с этим имеется необходимость проделывать столь «замысловатую» и сомнительной полезности операцию, скажем – «налагать» функционально-целевую форму акционерного общества на организационно-правовую форму этого же юридического лица (акционерного общества).

Общая модель юридического лица позволяет объединить различные по своей организационно-правовой форме юридические лица в рамках одной юридической конструкции (юридического лица) на том основании, что все эти социальные образования по своим конструктивным признакам отвечают требованиям, предъявляемым к юридическим лицам, в отличие от некоторых иных специфических структурных формирований, не являющихся таковыми, – филиалов, представительств и др.

Что же касается моделей юридического лица с точки зрения возможных его организационно-правовых форм, то с этих позиций в гражданском законодательстве РФ закреплены существенно различные конструктивные модели – хозяйственные общества (общество с ограниченной ответственностью, акционерное об-

щество), хозяйственные товарищества (полное товарищество, товарищество на вере), хозяйственные партнерства, государственные и муниципальные унитарные предприятия, общественные организации, ассоциации (союзы) и другие различающиеся по своей правовой форме, структуре, целям, функциям и т. д. социальные образования.

В юридической литературе в течение длительного времени подвергается дискуссии модель юридического лица публичного права. В свое время В. Е. Чиркин предложил определение юридического лица публичного права, которое, по мысли названного автора, представляет собой «признанное государством в этом качестве материальное и публично-правовое некоммерческое формирование, которое в различных организационно-правовых формах вправе ограничено участвовать в гражданско-правовых отношениях и которое участвует в публично-правовых отношениях в целях публичных интересов путем законного применения публичной власти, борьбы за нее, сотрудничества с ней, давления на нее, имеет имя, другие идентифицирующие признаки, обладает имуществом, правами и несет обязанности и юридическую ответственность за свои акты и действия» [25, с. 97].

Однако наряду со сторонниками модели юридического лица публичного права имеются и противники подобного реформирования российского законодательства. Так, Е. А. Суханов, аргументируя свою позицию об отсутствии необходимости использования в нашем отечественном правовом порядке указанной модели, обращает внимание на то, что существует ряд спорных вопросов в отношении статуса имущества такой категории юридических лиц, соотношения гражданской правосубъектности юридического лица публичного права и создавшего его государства, а также многообразия юридических лиц публичного права в различных государствах мира [22, с. 5 и след.; 9, с. 39].

Действительно, с точки зрения российской цивилистической традиции феномен юридического лица публичного права может восприниматься неоднозначно, ибо исторически категория юридического лица в отечественном правосознании мыслится как модель равноправного субъекта гражданских правоотношений, обладающего вполне определенным имущественным статусом, гражданской правосубъектностью, самостоятельно несущего ответственность по своим обязательствам и т. д.

Тем не менее, как полагает Н. Б. Крысенкова, в Российской Федерации де-факто уже применяется модель юридического лица публичного права, которая, однако, не нашла в настоящее время законодательного закрепления. Об этом свидетельствует то, что в России действует ряд государственных корпораций, учреждений, финансовых институтов, по роду своей деятельности реализующих государственные интересы: Агентство по страхованию вкладов, государственные корпорации «Ростехнологии», Российская академия наук, Центральный банк Российской Федерации и различные некоммерческие организации [9, с. 39].

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующее.

В настоящее время следует говорить о применении модели юридического лица публичного права уже не только де-факто, но и де-юре, поскольку принят и действует Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [15]. В соответствии с п. 1 ст. 2 названного закона публично-правовой компанией является унитарная некоммерческая организация, наделенная функциями и полномочиями публично-правового характера и осуществляющая свою деятельность в интересах государства и общества.

Кроме того, действует ряд законодательных актов, регулирующих порядок создания и деятельности, цели, функции различных государственных корпора-

ций⁴, их организационно-правовую форму и т. д. Так, согласно п. 1 ст. 7.1 Федерального закона о некоммерческих организациях государственная корпорация определяется как не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций [14].

Вместе с тем сегодняшнее российское законодательство о юридических лицах публичного права, как представляется, нуждается в совершенствовании, в том числе в устранении взаимно несогласованных, а также противоречивых моментов. Так, в соответствии с п. 1 ст. 7.1 Федерального закона о некоммерческих организациях имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации. Данное законоположение вряд ли можно признать корректным в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, государство, передавая определенное имущество государственной корпорации при ее учреждении, отнюдь при этом не утрачивает на него права собственности, поскольку здесь не происходит смены правового режима данного имущества и его собственника (госкорпорация – не частного типа организация). В случае ликвидации государственной корпорации имущество, находящееся в ее владении, подлежит возврату государству.

Во-вторых, если же мысленно представить, что право собственности на указанное имущество принадлежит одновременно и государству, и государственной корпорации, то такая конструкция, представляющая собой, по сути, модель разделенной собственности («траста»), используемая в странах англосаксонской группы, отсутствует в российском законодательстве. Попытки внедрения модели «траста» в российское законодательство у нас предпринимались в начале 90-х годов, однако, как известно, они не увенчались успехом.

В-третьих, анализ российского законодательства о государственных корпорациях дает основание сделать вывод о том, что право собственности на переданное государством имущество при учреждении госкорпорации принадлежит государству, а госкорпорация владеет таким имуществом на ином правовом режиме – праве оперативного управления.

В сравнительном плане представляет интерес некоторый зарубежный опыт использования конструкции юридического лица публичного права. Так, в западноевропейских странах к юридическим лицам публичного права относят муниципальные и региональные образования, а также некоторые публичные организации, выполняющие социальные функции⁵; их не следует смешивать с предпринимательскими публичными корпорациями (*publicly held business corporation*), некоторыми аналогами которых у нас являются публичные акционерные общества (ст. 97 ГК РФ). Последние, как представляется, хотя в их наименовании и употребляется прилагательное «публичное», не относятся к юридическим лицам публичного права, понимаемым в вышеуказанном смысловом значении, поскольку они являются коммерческими организациями, в основе создания которых лежит членство их учредителей (участников), и основной целью их деятельности не является осуществление публичных функций.

Что касается публично-правовых образований – Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, то данные формирования согласно нашему отечественному законодательству юридическими лицами не являются. Вместе с тем здесь необходимо обратить внимание на одну особенность: к публично-правовым образованиям применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законода-

⁴ См., напр.: [16; 13].

⁵ См. об этом также: [23, с. 111].

тельством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов (п. 2 ст. 124 ГК РФ).

Таким образом, к вышеназванным публично-правовым образованиям могут применяться соответствующие нормы о юридических лицах лишь тогда, когда такие публичные формирования вступают в гражданские правоотношения, причем если иное не вытекает из закона или из особенностей данных субъектов. С учетом этого вряд ли имеются основания относить указанные выше публично-правовые образования к юридическим лицам публичного права. Это особые, специфические субъекты права, которые в реальной действительности вступают в правоотношения различной отраслевой принадлежности – бюджетные, налоговые, социально-правовые, земельные, конституционно-правовые, гражданско-правовые и др.

Модель юридического лица публичного права используется также и в правовом порядке ряда стран Азии. Так, в Индии в соответствии с Законом о компаниях 2013 года все компании подразделяются на публичные и частные, а среди первых выделяется такая конструкция публичных учреждений, как публичные финансовые учреждения, к которым относятся: Государственная корпорация по страхованию жизни, Компания с ограниченной ответственностью по развитию финансовой инфраструктуры и ряд иных компаний, в отношении которых действуют специальные акты, перечень которых устанавливается Правительством Индии по согласованию с Резервным банком⁶.

С учетом вышеотмеченного можно выделить ряд следующих конституирующих признаков, характерных для модели юридического лица публичного права в российском правовом порядке.

1. Юридические лица публичного права – это некоммерческие организации, то есть не преследующие в качестве главной (основной) цели своей деятельности извлечение прибыли. Хотя государственные корпорации и могут осуществлять предпринимательскую деятельность (деятельность, главным образом направленную на получение прибыли), однако последняя носит ограниченный характер и должна служить достижению основной (некоммерческой) цели, ради которой они созданы, и соответствовать этой цели.

2. Основная цель юридических лиц публичного права – осуществление функций публичного характера: проведение государственной политики, оказание государственных услуг, управление государственным имуществом, обеспечение модернизации и инновационного развития экономики, реализация особо важных проектов и программ, контролирующая и иная общественно полезная деятельность, осуществляемая в интересах государства и общества.

3. Юридические лица публичного права являются организациями унитарного типа; их формирование не основано на членстве, а имущество не подразделяется на паи, доли в праве и т. п.

4. Названные юридические лица создаются Российской Федерацией в порядке и конкретной организационно-правовой форме, установленных законом.

5. Юридические лица публичного права используют закрепленное за ними имущество только для целей, установленных законом, предусматривающим их создание. Иначе говоря, они не вправе распоряжаться этим имуществом, отчуждать его, передавать в аренду, в залог и т. д. без разрешения собственника (государства).

6. Юридические лица публичного права обязаны ежегодно публиковать отчеты о своей деятельности в соответствии с законом, предусматривающим создание организации указанной модели.

⁶ См.: [26], а также [9, с. 38].

7. Юридические лица публичного права не отвечают по обязательствам Российской Федерации, а последняя не отвечает по обязательствам указанных организаций, если законом не предусмотрено иное.

Важное значение социально-проектное конструирование имеет и в других областях правовой реальности, в частности в культурно-образовательном цивилистическом пространстве. В университетах ряда европейских стран, а также в США осуществляется преподавание курсов, посвященных экономике права. Причем эффективность права, действие его норм нередко оценивается сугубо через призму экономических критериев. Так, по мысли М. И. Одинцовой, экономическая эффективность включает в себя две составляющие: цель, которую люди стремятся достичь, и ресурсы, которые обладают ценностью [17, с. 32]. Причем «справедливость и эффективность рассматриваются как противоположные понятия» [Там же, с. 41–42].

Думается, что изучение эффективности правовых норм и соответственно совершенствование законотворческого процесса должны осуществляться не в контексте противопоставления таких понятий, как справедливость и экономическая эффективность права, а, наоборот, в органической взаимосвязи и единстве указанных феноменов. Только в этом культурно-образовательном направлении можно ожидать синергетического эффекта от взаимодействия двух указанных и иных образовательных подходов.

В связи с отмеченным в порядке общего резюме можно сказать, что в процессе конструирования социальной реальности используются многие средства и способы воздействия на общественные отношения – законотворчество, интерпретация, правоприменение, правовое моделирование и другие, а также различные инструменты неюридического характера – социальные, экономические, культурно-мировоззренческие, организационные и т. д. И только адекватное и сочетанное использование всего многообразия указанных и иных средств, способов и инструментов может обеспечить синергетический эффект в процессе конструирования социальной реальности.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
2. Бартош В. М., Болиев К. П. О значении структуры юридической модели ассоциативной корпорации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 6.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
4. Богданов Е. В. Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы : монография / Е. В. Богданов, Д. Е. Богданов, Е. Е. Богданова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / под общ. ред. Б. Н. Бессонова. – М., 1998.
6. Гражданское право : учебник : в 3 т. – Т. 1. / С. С. Алексеев, И. З. Аюшеева, А. С. Васильев [и др.] ; под общ. ред. С. А. Степанова. – М., 2010.
7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. – М., 2009.
8. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
9. Крысенкова Н. Б. Институционально-отраслевые правовые модели // Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016.
10. Маковский А. Л., Хохлов С. А. Вступительная статья к ГК РФ. – М., 1995.

11. Малинова И. П. Синергетика: кодовые основания социального конструирования // Российский юридический журнал. – 2017. – № 2.
12. Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика. – М., 2014.
13. О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии» : федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
14. О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
15. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
16. О Российской корпорации нанотехнологий : федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
17. Одинцова М. И. Экономика права : учеб. пособие. – М., 2007.
18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – 13 декабря (№ 282).
19. Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016.
20. Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 1. – Ст. 6.
21. Становление российского частного права: проблемы и перспективы : материалы межрегиональной конференции // Правоведение. – 1995. – № 6.
22. Суханов Е. А. О концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. – 2010. – № 1.
23. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М., 2014.
24. Тихомиров Ю. А. Моделирование правовых явлений // Правовые модели и реальность : монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачёва и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016.
25. Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. – 2010. – № 6.
26. Companies Act (18 of 2013) August 29, 2013 // The Gazette of India (Extraordinary). – URL: <http://indiacode.nic.in/acts-in-pdf/182013.pdf>

Mikhail Nikolayevich Semyakin,
Doctor of Law, Professor, Head of Civil Law Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

The Construction of Social Reality in Private Law

The article deals with the civil law as the most important form to construct social reality. It also considers the civil law notion and peculiarities, their types and models, as well as the civil law modeling problems in particular fields of civil reality, namely – the modeling of legal entity constructions in public law, the institution of ownership rights.

Key words: civil law; private law regulation; social reality; social construction; law modeling; civil law model; legal hermeneutics; synergistic effect.

Роль национальных правозащитных институтов в защите прав ребенка в России

В статье рассматриваются понятие и назначение национальных правозащитных институтов, основные направления деятельности омбудсменов (в том числе детских омбудсменов), критерии эффективности работы уполномоченных.

Ключевые слова: национальные правозащитные институты; уполномоченные по правам человека и по правам ребенка; детский омбудсмен; Парижские принципы; защита прав ребенка; критерии эффективности.

Защита прав и свобод ребенка – это приоритетное направление деятельности институтов гражданского общества и социальной политики правового государства. Основные стандарты защиты прав ребенка определены международными договорами и программными документами ООН. Впервые дети как объект особой защиты и заботы были провозглашены во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 г. Позже Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация прав ребенка 1959 г., в которой государствам рекомендовалось направить свои силы и ресурсы на социальную защиту детей. В 1979 г., объявленном ООН Международным годом ребенка, началась подготовка проекта Конвенции о правах ребенка. Инициатором разработки проекта выступил Адам Лопатка (Польша), который и стал председателем рабочей группы по подготовке Конвенции. В течение 10 лет деятельность рабочей группы была направлена на развитие и продолжение идей и положений Декларации прав ребенка 1959 г., и в результате 20 ноября 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН) была принята Конвенция о правах ребенка. Она была открыта для подписания 26 января 1990 г., и в рекордно короткие сроки, уже 2 сентября 1990 г., вступила в силу (см.: [1, с. 169; 2, с. 8–9]).

Общие принципы Конвенции определяют приоритеты и направления развития национального законодательства по защите прав ребенка, деятельности национальных правозащитных институтов.

Стержень Конвенции, как справедливо отмечает А. Х. Абашидзе, составляют принцип недискриминации (ст. 2), принцип наилучшего обеспечения интересов детей (ст. 3), принцип, обеспечивающий право ребенка на жизнь, выживание и развитие (ст. 6), принцип уважения взглядов ребенка (ст. 12) [3, с. 192–193].

Новые вызовы правам человека конца XX – начала XXI в. потребовали внесения дополнений в Конвенцию о правах ребенка, которая, как верно отмечает Е. М. Павленко, представляет собой в настоящее время важнейший комплексный международный договор. Так, резолюцией ГА ООН от 25 мая 2000 года были приняты два факультативных протокола, в частности Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, и Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Кроме того, Конвенция была дополнена Факультативным протоколом, касающим-

* **Юлия Юрьевна Эльзенбах**, специалист по социальной работе ГБУ СОН Свердловской области «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Тугулымского района», магистрант 3-го курса юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

** **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

ся процедуры сообщений, принятым резолюцией ГА ООН от 19 декабря 2011 г. (см.: [8, с. 19]).

Наряду с Конвенцией о правах ребенка важные принципы и приоритеты защиты их прав закреплены в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г., в Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновление на национальном и международном уровнях от 3 декабря 1986 г. (ООН), в Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) от 14 декабря 1999 г., др.

Уровень защиты прав ребенка во многом зависит от взаимодействия и слаженной работы государственных органов (органов опеки и попечительства, судебных органов, прокуратуры, комиссий по делам несовершеннолетних), общественных организаций по защите прав ребенка, а также институтов уполномоченных по правам человека и уполномоченных по правам ребенка.

Институты уполномоченных (омбудсменов), а также комиссии по правам человека международное сообщество относит к национальным правозащитным учреждениям (далее – НПУ), которые призваны заниматься защитой и поощрением прав человека. При этом главная функция омбудсменов определяется как обеспечение справедливости и законности государственного управления (см.: [7, с. 9]).

Идея создания национальных учреждений, занимающихся защитой и поощрением прав человека, начала обсуждаться в 1946 г., когда Экономический и Социальный Совет (далее – ЭКОСОС) предложил государствам – членам ООН рассмотреть вопрос о «желательности учреждения информационных групп или местных комитетов по правам человека в пределах своих стран для сотрудничества с ними в развитии деятельности Комиссии по правам человека» [Там же, с. 3]. Позже, на протяжении многих лет, ЭКОСОС в резолюциях и рекомендациях предлагал правительствам поощрять и развивать создание и деятельность таких органов. На семинаре по национальным и местным учреждениям, занимающимся поощрением и защитой прав человека, организованным Комиссией по правам человека в 1978 г., были приняты руководящие принципы таких учреждений. Так, в них были определены следующие функции НПУ: 1) действие в качестве источника информации о правах человека для народа и правительства; 2) оказание помощи в просвещении общественности; 3) консультирование по вопросам прав человека, которые передаются НПУ правительством; 4) изучение и анализ состояния законодательства, судебных решений, административных распоряжений, др. [Там же, с. 4].

В Принципах, касающихся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижских принципах), приложении к резолюции ГА ООН от 20 декабря 1993 г., сущность и назначение национальных правозащитных учреждений или институтов (далее – НПУ или НПИ) была определена следующим образом: национальные правозащитные учреждения или институты – это: 1) специальные органы, созданные для обеспечения эффективного применения законов и положений, касающихся защиты прав человека; 2) органы, созданные правительством в соответствии с конституцией или согласно закону или постановлению, с конкретно определенными функциями по поощрению и защите прав человека; это основа национальных правозащитных систем (см.: [6, с. 21]). Они призваны быть связующим звеном между гражданским обществом и правительством.

В Российской Федерации национальные правозащитные институты (далее – НПИ) по правам ребенка представлены в виде омбудсмента и детского омбудсмента.

В настоящее время пост омбудсмена в России занимает Т. Н. Москалькова, пятый Уполномоченный по правам человека в РФ (далее – УПЧ в РФ). До нее пост омбудсмена занимали Сергей Ковалев, Олег Миронов, Владимир Лукин, Элла Памфилова. Каждый из уполномоченных имел приоритеты в деятельности, будучи посредником между государством и гражданами, поощрял и защищал права и свободы человека и гражданина, развивая новую для России конца XX – начала XXI в. теорию и практику защиты прав человека. Среди некоторых особенностей в приоритетах российских омбудсменов можно отметить, например, такие, как: 1) опора прежде всего на правозащитные оценки и ресурсы (С. А. Ковалев); 2) привлечение экспертного сообщества и создание Экспертного совета при УПЧ в РФ¹, создание сильного Аппарата УПЧ в РФ, подготовка большого числа аналитических материалов, специальных докладов, научных трудов, разработка предложений по дополнениям в международные стандарты по правам человека, создание отдела правового просвещения (прежде всего с целью правового просвещения школьников и студентов) (О. О. Миронов); 3) придание институту омбудсмена духа посредничества, формирование сильного Координационного совета уполномоченных, налаживание взаимодействия между обществом и государством силами В. П. Лукина; 4) особое внимание избирательным правам человека и гражданина, координация усилий омбудсменов по защите избирательных прав силами Э. А. Памфиловой. Пятый Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Н. Москалькова концентрирует свое внимание на правовом просвещении, совершенствовании российского законодательства и правоприменительной практике.

Почти на 12 лет позже начала работы института омбудсмена, в России появился пост уполномоченного по правам ребенка. В соответствии с Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г. «Об Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка» была утверждена должность детского омбудсмена.

Самым известным Уполномоченным по правам ребенка в России можно считать адвоката Павла Астахова, предшественником которого был Алексей Головань. П. А. Астахов занимал этот пост на протяжении семи лет и оставил его осе-

¹ Одному из авторов данной статьи (профессору С. И. Глушковой) посчастливилось работать в секции по образованию и просвещению в сфере прав человека в Экспертном совете при Уполномоченном по правам человека в РФ, в кругу уникальных и самоотверженных людей, с 2004-го по 2014 г. Среди направлений работы названной секции можно назвать такие, как разработка и издание учебников, учебных пособий, методических разработок по правам человека и по правам ребенка для школьников, студентов, аспирантов, преподавателей, широкого круга читателей; организация и проведение Школ прав человека, обучающих семинаров, круглых столов, мастер-классов, научных конференций и олимпиад по правам человека. В числе многих ярких и талантливых экспертов секции нужно назвать прежде всего тех, кого, к сожалению, уже нет с нами: в частности, профессора Феликса Михайловича Рудинского, основавшего первую кафедру прав человека еще в СССР и положившего начало созданию кафедр прав человека в современной России, автора фундаментальных трудов по правам человека, подготовившего целую плеяду специалистов по правам человека. Стоит вспомнить и Анатолия Яковлевича Азарова, основателя и руководителя Московской школы прав человека, инициатора и бесценного организатора Зимних и Летних школ прав человека для учителей, преподавателей, правозащитников и всех интересующихся правами человека; положившего начало созданию стратегий и программ по обучению и образованию в области прав человека. Светлая память и низкий поклон этим подвижникам прав человека, прежде всего усилиями которых создавалось и расширялось правозащитное сообщество, разрасталась плеяда экспертов по правам человека, начала формироваться наука прав человека в России. Несмотря на многочисленные негативные оценки состояния дел в сфере образования и просвещения в области прав человека, можно сказать, что ситуация в этой сфере в различных российских регионах в значительной степени неровная и нестабильная, но опыт правового просвещения и обучения правам человека, гражданского образования постепенно распространяется, развивается, и доступ к гуманитарным, правозащитным практикам открыт.

нию 2016 года. В настоящее время детским омбудсменом в нашей стране является А. Ю. Кузнецова.

Наряду с российскими омбудсменом и детским омбудсменом, большую роль в защите прав ребенка в крупных городах и сельской глубинке играют региональные уполномоченные. Основные принципы их деятельности – это независимость, беспристрастность, справедливость, доступность.

Несмотря на создание института специализированного уполномоченного (детского омбудсмена), в аппаратах уполномоченных по правам человека сохранились специалисты/отделы по защите прав ребенка. Так, Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Н. Москалькова в ежегодном докладе за 2016 г. отмечала следующие проблемы в сфере защиты прав детей, по которым работал аппарат омбудсмена: 1) нарушение жилищных прав, касающиеся сферы ЖКХ, а также обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; 2) проблемы в сфере социального обеспечения, касающиеся вопросов социального обеспечения, вопросов социальной и медицинской помощи детям, а также создания доступной среды для лиц с ограниченными возможностями, в том числе и несовершеннолетних; 3) проблемы нарушений прав лиц, отбывающих наказания, касающиеся вопросов положения детей и беременных женщин в местах лишения свободы; 4) проблемы образовательных прав, касающиеся недостаточности мест, прежде всего в дошкольных образовательных учреждениях [4].

Как справедливо отметила Т. Н. Москалькова, «государственные органы по-прежнему допускают в своей работе множество ошибок, в то время как российские граждане, в большинстве своем, не знают о механизмах защиты собственных прав» [Там же].

На основе этого вывода российского омбудсмена и анализа докладов региональных уполномоченных можно сделать вывод о том, что одним из важнейших направлений работы уполномоченных по правам человека и по правам ребенка в России является деятельность в качестве источника информации о правах человека для народа и правительства своей страны, что было первой позицией (не по номеру в списке, а по значению) в руководящих принципах работы национальных учреждений, провозглашенных в сентябре 1978 г. Комиссией по правам человека и ставших основой для Парижских принципов 1993 г.

Появление института детского омбудсмена изначально предполагало постепенное выведение из функционала Уполномоченного по правам ребенка в РФ и регионах РФ вопросов по защите прав ребенка. Однако взаимосвязь прав ребенка с целым рядом прав других лиц (родителей, семьи, участников образовательных отношений в школе, колледже, вузе и организациях дополнительного образования), включенность его в сферу оказания медицинских, образовательных и других услуг, не позволяет (что кажется вполне естественным) ограничить круг рассмотрения вопросов защиты прав и свобод ребенка только институтом детского омбудсмена.

Так, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова рассматривает жалобы и курирует следующие вопросы: 1) обращения, касающиеся защиты прав многодетных семей, несовершеннолетних беременных и матерей; 2) жалобы, поступающие от воспитанников детских домов-интернатов о применении к ним насилия, а также от родителей детей дошкольного возраста о предоставлении мест в детских садах на значительном удалении от места жительства (см.: [5, с. 80–86]).

За последние два года появились тенденции по устранению/ликвидации института уполномоченного по правам ребенка в регионах в связи с необходимостью сокращения расходов, из-за схожих задач в деятельности Уполномоченных по правам человека и уполномоченных по правам ребенка. Так, в Чувашии осе-

нию 2016 г. должность детского омбудсмана была ликвидирована в целях оптимизации бюджетных средств, но уже в начале 2017 г. этот институт был восстановлен после вмешательства федерального уполномоченного и членов Совета Федерации. В сентябре 2017 г. появилась информация о возможности упразднения института детского омбудсмана в Саратовской и Нижегородской областях.

Некоторые специалисты считают, что нужно избегать дублирования функций детского омбудсмана и Уполномоченного по правам человека. Однако такие тенденции неконструктивны. Напротив, другие специалисты справедливо выступают за разработку и принятие федерального закона «Об Уполномоченном по правам ребенка в РФ».

России нужна эффективная система соблюдения, обеспечения и защиты прав ребенка, система профилактики преступности несовершеннолетних, система четко взаимодействующих институтов и органов по защите прав ребенка на всех уровнях: федеральном и региональном, городском и сельском, школьном и вузовском, уровне среднего (школьного) и среднего профессионального образования, уровне основного и дополнительного образования, др.

Такие национальные правозащитные институты, как Уполномоченный по правам ребенка и Уполномоченный по правам человека, на уровне РФ и регионов РФ, должны сохраниться, более тесно взаимодействовать, разрабатывать совместные стратегии защиты прав и свобод ребенка как наиболее социально уязвимой группы в обществе и государстве.

Важным в настоящее время является поиск критериев эффективности деятельности уполномоченных – как по правам человека, так и по правам ребенка. Ценным в этом отношении может быть обобщение и анализ Парижских принципов – принципов, касающихся статуса и функционирования национальных учреждений, занимающихся защитой и поощрением прав человека. Так, согласно Парижским принципам, национальные правозащитные институты (прежде всего институты омбудсменов и детских омбудсменов) действуют наиболее эффективно, если они: 1) пользуются признанием общественности, гражданского общества; 2) являются доступными для всех; 3) рассматривают жалобы и принимают действенные меры в короткие сроки, с использованием простых и быстрых процедур; 4) обладают необходимыми ресурсами; 5) применяют системный подход к выявлению и решению проблем в сфере защиты прав человека; 6) обладают широкой юрисдикцией; 7) имеют широкий и свободный мандат по защите, развитию, продвижению и поощрению прав и свобод человека и гражданина.

Решение повседневных проблем, с которыми сталкивается человек, и в то же время выявление системных проблем, которые нарушают или ограничивают права целых групп, коллективов, объединений граждан, каждого отдельного человека, а также правовое просвещение – прежде всего эти три направления составляют работу уполномоченного по восстановлению нарушенных прав и свобод человека (в том числе ребенка), по профилактике подобных нарушений, по подготовке рекомендаций органам государственной власти и местного самоуправления по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Для развития и совершенствования институтов детских омбудсменов и Уполномоченных по правам человека в РФ и регионах РФ – в целях повышения роли и значения этих национальных правозащитных институтов – важно использовать критерии количественной и качественной эффективности, критерии доступности бесплатной правовой помощи для каждого человека и независимости уполномоченных от административного управления и бюрократического аппарата.

Литература

1. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. – М., 2003.
2. Глушкова С. И. Права ребенка: международные стандарты и Россия : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003.
3. Договорные органы по правам человека : учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РУДН, 2015.
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год от 17 мая 2017 г. // Российская газета. – 2017. – № 104.
5. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области: 2015 год. – Екатеринбург, 2016.
6. Национальные правозащитные учреждения: история, принципы, роль и функции // Права человека : серия материалов по вопросам профессиональной подготовки. – Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2012.
7. Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека. Изложение фактов № 19. Всемирная кампания за права человека. – Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2009.
8. Павленко Е. М. Международные стандарты прав ребенка: новеллы и практика реализации в России // Обеспечение и защита прав ребенка: международный опыт и российская практика : сб. научных статей по итогам круглого стола «Защита прав ребенка» (Москва, 16 октября 2015 года) / под общ. ред. Е. М. Павленко. – М. : Права человека, 2016.

Yulia Yurevna Elzenbakh,

Social Worker, State Budgetary Institution of Social Service in Sverdlovsk region «Youth Social Rehabilitation center of Tugulymsky district», 3rd year Master's Student of Law department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Sciences, the Head of Human Rights Chair, the Chairman of Centre for Human Rights & Legal Education at Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

The Role of National Human Rights Institutes in Protection of Child Rights in Russia

The article studies the definition and the purpose of national human rights institutes, main areas of ombudsman's activities (including child ombudsman's activity) and performance criteria of ombudsman.

Key words: national human rights institutes; commissioner for human rights; child ombudsman; Paris Principles; protection of child rights; performance criteria.

Сегодня все более актуальной становится проблема самостоятельности и качества диссертационных исследований. Диссертация – будь то кандидатская, а тем более докторская, – это передний край нашей науки, потому что в ней должны быть обоснованы концептуальность, научность, новизна, показаны соответствующий вклад в исследуемую область знаний и, по возможности, очевидная полезность для практики. В статье или даже в монографии автор всегда может легко уклониться от анализа тех проблем, которые у него недостаточно исследованы, неубедительно обоснованы или слабо проработаны. Диссертация же исключает напрочь такие «вольности», так как автор претендует на определенный статус в науке и должен доказать, что эти претензии имеют очень серьезные основания. Кроме того, к диссертации приковано внимание не только любого заинтересованного читателя, но еще и читателя, обремененного серьезной и важной государственной функцией – функцией подтверждения того, что представленный труд, на самом деле, может быть квалифицирован как «научное достижение» либо исследование, в котором «решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны»¹. По этим причинам анализ диссертации представляется интересным и плодотворным занятием. И мы посчитали своевременным печатать глубокие, серьезные отзывы и рецензии на наиболее интересные диссертационные работы.

¹ См.: Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 28.08.2017) «О порядке присуждения ученых степеней» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 01.10.2013. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> ; Собрание законодательства РФ. – 07.10.2013. – № 40 (ч. III). – Ст. 5074.

Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаренко «Правовое освоение в системе категорий теории права»¹

Избранная для исследования тема «Правовое освоение в системе категорий теории права» является актуальной потому, что, во-первых, работа с категориальным аппаратом любой науки, в том числе теории права и государства, является всегда необходимой и важной. Во-вторых, происходящие в нашей правовой жизни глубокие изменения и трансформации требуют соответствующих реакций и в научно-правовых формах осмысления этих изменений. По этой причине введение в категориальный аппарат юриспруденции новых понятий может принести новые знания, новые открытия и даже откровения. И, в-третьих, автор связывает проблему правового освоения с гуманитарными, человеческими ценностями и правами человека, осмысление и внедрение которых в нашу повседневность также является насущной, даже острой, проблемой нашей правовой российской действительности и делает данную работу особенно актуальной.

Заметим, что исследование категориального аппарата любой науки – занятие исключительно сложное, и научная общественность реагирует на предлагаемые в этом отношении новации чаще всего с недоверием и опаской. Требуется обычно немало времени, чтобы к новациям привыкнуть, осмыслить их и либо включить их в корпус научного знания как само собой разумеющееся знание, либо забыть о них навсегда и переключиться на какие-то иные проблемы. В любом случае внимательное прочтение работы Е. В. Пономаренко представляет для читателя немалую «интеллектуальную пользу», как любит время от времени произносить это словосочетание сам автор рецензируемой диссертации. Основные идеи последней очень умело и емко представлены диссертантом в автореферате, доступном для любого, желающего ознакомиться с основным содержанием данной работы². Предметом диссертационного исследования являются «философские, социально ориентированные, юридические направления правопознания человека и общества для формирования правосознания и создания интеллектуальных представлений о такой правовой системе, где бы в центре внимания был человек, его права и свободы; начало решения проблемы об отчуждении человека от форм жизнедеятельности в праве; формирование правопознания конкретного индивида – homo iuridicus; взаимосвязь, взаимодействие правового освоения с категориями теории права» (л.д. 11).

Е. В. Пономаренко поставила перед собой очень сложную, высокую и ответственную цель – провести теоретико-правовой анализ проблем правового освоения и на основе представленных в работе путей и способов правового познания, обоснования и рассмотрения правового освоения как одного из самостоятельных направлений развития правового знания в теории права ввести в последнюю новую категорию, «оттенив» уже существующие, близкие по содержанию понятия,

* **Алексей Павлович Семитко**, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция); декан юридического факультета, завкафедрой публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Пономаренко Е. В. Правовое освоение в системе категорий теории права : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2017. – 377 с.

² См.: http://www.usla.ru/ch.php?mid=708&cid=18&obid=4423&dissert_id=389&file=autoabstract. Защита состоялась 16 февраля 2018 года.

наметив новые направления научного исследования и вдохнув новую жизнь в весьма и весьма консервативный категориальный аппарат теории права и государства.

Диссертация Е. В. Пономаренко состоит из четырех глав, в каждой из которых она проделывает последовательно, шаг за шагом, мощное и поступательное-наступательное движение к решению поставленных ею в своем исследовании задач. Первая глава диссертации посвящена «теоретическим основам правового освоения», которые автор раскрывает последовательно через понятие правового освоения в объективном и субъективном смыслах, что вполне традиционно для нашей науки и должно быть в целом одобрено как верное и плодотворное направление исследования. Автор анализирует цели, задачи, принципы, функции, условия востребованности категории «правовое освоение» и одноименную концепцию, которую она вводит в теорию права. Структурно и логически такой подход представляется вполне приемлемым. Вторая и третья главы посвящены рассмотрению оснований возникновения правового освоения, процессу его дальнейшего саморазвития, его единству и общей характеристике многообразия форм процесса правового освоения. Некоторые из представленных в результате такого исследования достижений не вызывают возражений (например, тезис о многообразии форм процесса правового освоения), некоторые кажутся неожиданными, а некоторые вызывают ряд вопросов и возражений, которые будут сформулированы ниже. Наконец, последний раздел работы посвящен скрупулезному анализу места категории правового освоения в системе категорий теории права. Со многими положениями диссертации в целом можно вполне согласиться, в том числе: с анализом типов правопонимания самих по себе, с необходимостью гуманизации нашей правовой жизни и правовой системы, важностью и насущностью преодоления отчуждения человека от права, пониманием права как одухотворенной формы освоения мира, требованием формирования новой правовой культуры, с необходимостью персонифицировать человека в праве и т. д. Некоторые положения, тезисы и гипотезы диссертанта воспринимаются как яркие и весьма своевременные: утверждение человека как ценности для правовой системы, суровая и одновременно уместная критика современных правовых реалий России (о необходимости преобразования возможности в действительность и т. д.), требование исследовать правовые явления с самых различных точек зрения, позиций, подходов и т. д., а некоторые оказываются как бы в тени, ибо недостаточно проработаны, а потому вызывают определенное разочарование у читателя и почти всегда – желание дискутировать.

Если сформулировать последнее утверждение устоявшимся научным языком, то можно сказать, что, как и всякое творческое научное исследование, диссертация Е. В. Пономаренко содержит, по нашему мнению, ряд дискуссионных положений, а также тезисов, вызывающих вопросы и требующих дополнительной аргументации. К ним мы сейчас и переходим.

1. О системе категорий теории права. Автор изучает взаимодействие категории «правовое освоение» с категориями «правопознание» и «правосознание» (гл. 4, § 1, л.д. 231–245) и включает результаты этого рассмотрения в 6 и 7 пункты положений, выносимых на защиту (л.д. 23–25, с. 13–14 автореферата). Рассматривается в работе также взаимодействие правового освоения с категориями «правопонимание», «сущность права», «доктрина», «правопознавательный интерес» и с некоторыми другими в рамках названных либо тем или иным образом с ними связанных. Поскольку тема диссертации называется «Правовое освоение в системе категорий теории права», постольку в работе необходимо представить именно систему таковых, а затем (параллельно, например, или как-то иначе, хотя после-

довательность не имеет особого значения) показать и обосновать место «правового освоения» в этой системе.

Для утверждения научного статуса вводимой автором в теорию права новой категории следовало бы рассмотреть ее соотношение (взаимосвязь, взаимодействие и т. д.), прежде всего, с ключевыми категориями теории права – такими как, например, правовое регулирование, правовое воздействие, правовая активность, правотворчество, правообразование, правоприменение, реализация права, толкование права, функции и социальная ценность права, правовое поведение, правонарушение, юридическая ответственность и т. д. Набор категорий, образующих «систему категорий теории права», у каждого автора может в определенной мере отличаться (за исключением разве что общих для разных «наборов» центральных, системообразующих категорий теории права), но в любом случае требуется обоснование того, из каких элементов, по мнению автора, складывается указанная система. Вряд ли соискатель хотел сказать, что система категорий теории права исчерпывается только рассмотренными в диссертации категориями «правопознание» и «правосознание», «правопонимание», «сущность права», «доктрина», «правопознавательный интерес», «правовой интеллект», «интеллектуально-правовая воля» и некоторыми другими – либо в рамках названных, либо с ними связанных, место среди которых и должно быть определено для вводимой диссертантом в научный оборот новой категории «правовое освоение». Поскольку рассматриваемые в работе категории не образуют, по нашему мнению, систему категорий теории права и поскольку сам автор не пытается это обосновать, то попытка показать категорию «правовое освоение» в системе категорий теории права является по этой причине незавершенной.

2. О разграничении близких правовых категорий. В первой главе диссертации обосновывается правовое освоение в объективном и субъективном смыслах (первое и второе положения, выносимые на защиту). Правовое освоение в объективном смысле определяется как «совместная рациональная, активная деятельность людей по использованию правовых средств в преобразовании общества, государства и права» (л.д. 65), что представляет собой лишь немного видоизмененное определение правового регулирования, которое имеет широкое распространение в нашей юридической литературе. Сравним дефиницию автора с классическим определением правового регулирования, которое рассматривается как **осуществляемое при помощи системы правовых средств результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны и развития**³. В этих двух представленных выше дефинициях все существенные признаки взаимно перекрывают друг друга, даже если в ряде случаев они не указаны прямо: вместо «системы правовых средств» в классическом определении автор предлагает нам признак «использование правовых средств». Осуществлять результативное, нормативно-организационное, т. е. целенаправленное «воздействие на общественные отношения» можно лишь в процессе «совместной рациональной, активной деятельности людей», и этот последний признак, который предъявляет нам Е. В. Пономаренко, в классическом определении опускается как очевидный, а потому излишний (но он имеется там в скрытом виде тоже потому, что иное – просто невозможно). Наконец, цели упорядочения, охраны и развития общественных отношений автор меняет на весьма близкое по объему, но более торжественное «преобразование общества, государства и права». Особенно близки по значению термин «развитие» в классическом определении правового регулирования и термин «преобразование» в дефиниции правового освоения Е. В. Пономаренко. В итоге получается,

³ Алексеев С. С. Общая теория права : Курс в двух томах. – Т. 1. – М., 1981. – С. 289.

что если дефиниенсы (определяющие выражения, раскрывающие смысл определяемого имени либо устанавливающего значение термина – дефиниендума) совпадают, то, следовательно, совпадают и определяемые имена (дефиниендумы), т. е. «правовое регулирование» и «правовое освоение в объективном смысле» представляют собой практически одно и то же, так как они имеют одинаковые существенные признаки.

Мы ни в коем случае не отрицаем наличия каких-то нюансов, мелких деталей и прочих тонких отличий, которые здесь могут быть выявлены при более глубоком анализе названных выше категорий и потому должны были очень внимательно исследоваться диссертантом. Такую работу автору и необходимо было провести, однако, как уже говорилось выше, диссертант не стал рассматривать правовое освоение в рамках всей системы категорий теории права (в данном случае обосновывая отличие вводимой им категории от правового регулирования, если оно – это отличие – имеется, конечно), ограничившись только несколько родственными и близкими, а иногда почти синонимичными (как правовое познание) к правовому освоению понятиями.

Точно такое же пожелание мы можем высказать автору и по поводу категории «правовое освоение в субъективном смысле», которое, с точки зрения соискателя, «выражает активность человека как интеллектуально-волевого деятеля, способного к познанию права и правовых явлений и стремящегося к духовно-нравственным благам и общечеловеческим ценностям» (л.д. 75), а с нашей точки зрения, содержит отдельные признаки, которые можно найти в определениях правового познания и правовой активности. Вот с этими категориями и надо было «разводить» авторское понятие, чтобы показать его самостоятельный категориальный статус и место в упомянутой выше системе категорий теории права.

3. Логический и грамматический статус категории «правовое освоение». Язык есть средство для выражения мыслей, а мышление погружено в человеческую деятельность. Свобода изменять наш язык и наши мысли ограничена рамками нашей реальной жизнедеятельности. Мы пользуемся словами, а наука превращает некоторые из них в термины и категории. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова⁴ приводится глагол «освоить» с добавлением «что», показывающим, что этот глагол обозначает действие, переходящее на предмет, т. е. переходный глагол, и, следовательно, употребление его невозможно (не будет иметь смысла) без указания на то, *что осваивается*. Предлагаются некоторые примеры: освоить новые земли, освоить новое производство. Затем приводится имя существительное – «освоение» – и дается пример: освоение новой техники. Можно добавить и другие варианты употребления этого слова: освоение права, освоение иностранного языка, новых знаний, целины и т. д., и т. п. Но во всех случаях требуется указание на предмет освоения. Нам нужен субъект и предикат, чтобы получить хоть какой-то смысл. Если в приведенных выше примерах поменять местами слова и превратить подлежащее в определение (а иначе невозможно), то мы получим проблемы со смыслом высказывания, а именно: производственное освоение... (чего?), земельное освоение... (чего?), целинное освоение... (чего?), правовое освоение... (чего?) и т. д. В ряде случаев замена, по-видимому, невозможна (не ясно, что такое целинное или земельное освоение даже с добавлением «чего-то»), а там, где она возможна, всегда требуется указание на предмет освоения, иначе смысл высказывания будет отсутствовать. По этой причине употребление слова «освоение» как отдельно, так и с определением «правовое» (производственное, техническое и т. п.) требует обязательного указания на предмет такового: освоение права, освоение правовой действительности, освоение правовой культуры,

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 2007. – С. 322.

освоение правовых знаний, умений, навыков, компетенций, собственности и т. д., иначе смысл высказывания остается незавершенным (например, глава 1: «Теоретические основы правового освоения» требует дополнения: чего? Как и в иных случаях употребления анализируемого понятия «правовое освоение...»).

В этом отношении гораздо более логичным был анализ категории «правовое освоение действительности», которое Елена Витальевна Пономаренко проводила в своих ранних трудах, включая кандидатскую диссертацию на тему «Правовое освоение действительности: Понятие. Форма»⁵. Здесь же термин, которому автор хотел бы придать статус научной категории, оказывается логически незавершенным, так как предлагаемое в работе как термин словосочетание всегда требует уточнения: правовое освоение *чего именно?* В докторской диссертации говорится о правовом освоении права, правовом освоении правовых знаний, правовом освоении правовой культуры, отдельных фрагментов правовой действительности и т. д. Понятно, что термины эти не только неблагозвучны, но и тавтологичны (как, например, и подобные ему «экономическое освоение экономики», «политическое освоение политики» и т. д.). В таком случае для устранения тавтологии и придания смысла категориальному ряду разрабатываемой автором теории следовало бы каждый раз говорить об освоении чего именно идет речь: об освоении права, правовой культуры, правовых знаний, правовой действительности, разных фрагментов последней и т. д.

4. Об основаниях правового освоения. Во второй главе диссертации – «Правовое освоение: основания возникновения и процесс саморазвития» – Е. В. Пономаренко анализирует основания возникновения правового освоения, выделяя в качестве таковых правопознание и правопонимание (§ 1), юридический позитивизм и социологию права (§ 2), а также естественное право (§ 3 «Естественное право как основание возникновения правового освоения»). В тексте работы упоминается также легистское и либертарное правопонимание (л.д. 135). Последний параграф посвящен «динамике саморазвития правового освоения в теории права».

В данной главе работы, судя по оглавлению, ставится, прежде всего, очень важная и серьезная задача – показать основания возникновения правового освоения. Однако первый параграф, по словам самого же автора, посвящен исследованию «правопонимания как общей проблеме формирования и развития теории права» (с. 24 автореферата, л.д. 123–142), в том числе «историческому аспекту понимания» (л.д. 126–127), «истории понимания как метода познания», которая складывалась из двух традиций – аналитической и герменевтической (л.д. 128), а также тому, что «смысл и осмысление приобретают статус правовой категории» (л.д. 130). И вывод первого параграфа (его последний абзац) касается не заявленной в названии проблемы («Пропознание и правопонимание как основания возникновения правового освоения»), а посвящен всецело определению правопонимания самому по себе без рассмотрения и уточнения того, каким образом оно выполняет функцию основания правового освоения: «Таким образом, правопонимание в контексте работы следует рассматривать как мыслительные, умственные операции по обработке правовой информации для формирования правового интеллекта, интеллектуально-правовой воли и правопознавательного интереса» (л.д. 141–142).

Далее автор изучает различные типы правопонимания как основания возникновения правового освоения, смещая, как и в предыдущем случае, акцент на характеристику типов правопонимания самих по себе, а не на анализ их как оснований изучаемой категории. Так, автор уделяет немало внимания рассмотрению традиционного определения права в рамках позитивистского подхода, который

⁵ Пономаренко Е. В. Правовое освоение действительности: Понятие. Форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 1994.

сложился в советской юридической науке (л.д. 145–146). Затем раскрывает признаки права – его классово-волевой характер (л.д. 146–147), нормативность (л.д. 147–148), а также цитирует дважды (л.д. 146 и 149) известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется условиями жизни вашего класса». В итоге этого исследования автор верно отмечает, что «для юридического позитивизма главным является то, что право рассматривается как продукт государственной власти. Познание и понимание права как продукта государственной власти приводит к отчуждению человека от форм жизнедеятельности в праве, правовой системе, власти, собственности» (л.д. 150). И, наконец, в выводе появляется категория «правовое освоение» с указанием на то, что она связана с выводом об отчуждении человека от права: «Юридический позитивизм как основание возникновения правового освоения связан с выводом об отчуждении человека от права и правовой системы и ставит перед правовым освоением задачу – решить проблему отчуждения, усовершенствовать и преобразовать человека в правовой системе» (л.д. 152). Указание на «связь» не очень проясняет гипотезу автора, заявленную в названии главы и названии соответствующего параграфа, так как, во-первых, все в мире связано друг с другом в той или иной мере, а во-вторых, наличие связи не исчерпывает проблемы основания, ибо первая (связь) есть лишь очень отдаленная характеристика второго (основания) и требует дальнейших исследований.

По причине столь подробного изучения юридического позитивизма, а затем анализа в таком же точно ключе и других типов правопонимания оказался не до конца проясненным вопрос о самих основаниях правового освоения, а также о том, что если разные типы правопонимания, т. е. принципиально разные правовые картины мира, являются основанием возникновения правового освоения, то, видимо, и результаты последнего должны быть в разных случаях разными. Однако о тех или иных результатах правового освоения, имеющего разные основания, автор ничего не говорит.

Кроме того, если все эти принципиально разные правовые картины мира выступают основанием правового освоения одновременно, то как логически это возможно? Видимо, здесь могло бы выручить интегративное правопонимание, однако автор не упоминает о нем в тексте работы.

Е. В. Пономаренко совершенно верно указывает, что для более основательного изучения «феномена правового освоения в правопознании и правопонимании необходимо исследовать правовые явления, понятия, процессы с самых различных взглядов, позиций, подходов. Чем разнообразней будут направления исследований, чем обширнее их методология, тем больше вероятность при анализе и синтезе результатов получить и освоить действительно новое и интересное правовое знание» (л.д. 122–123). Однако разные подходы к изучаемому феномену, разные сочетания методов, «обширность методологии», с одной стороны, и анализ оснований изучаемого в диссертации феномена «правовое освоение» – с другой, это не одно и то же. Основание отдельной научной теории – гораздо более объемное и многослойное, многоуровневое понятие, чем совокупность подходов, методов и направлений исследования. В любом случае следовало бы показать, как разные подходы, взгляды, позиции и методы оттеняют разные аспекты категории «правовое освоение». Автор же сместил основной акцент на изучение самих по себе типов правопонимания. При этом в ряде случаев в качестве основания правового освоения предлагаются «мыслительные, умственные операции по обработке правовой информации для формирования правового интеллекта, интеллектуально-правовой воли и правопознавательного интереса» (л.д. 173–174), т. е. мы видим гносеологический ракурс зрения, а в ряде случаев предлагаются онтологиче-

ские основания, т. е. отдельные фрагменты правовой реальности, например естественное право, которое рассматривается в работе не только как подход к правопониманию, т. е. соответствующий взгляд, угол зрения, но и как совокупность неотчуждаемых естественных прав человека, а также их источников: «естественное право как основание возникновения правового освоения связано с идеей естественного права, основными неотчуждаемыми правами и свободами и источниками естественного права» (л.д. 163).

Все-таки если у правового освоения – разные основания, то и результат должен быть, по-видимому, разным: позитивисты осваивают одну часть правовой реальности и по-своему, а представители социологической юриспруденции и юснатурализма – другие ее компоненты и тоже по-своему, т. е. совсем иначе, чем юридические позитивисты, и по-разному в сравнении их друг с другом. Если в качестве основания брать само естественное право как совокупность общих абстрактных принципов свободы, равенства, справедливости, уважения человеческого достоинства и других «основных неотчуждаемых прав и свобод» человека, а также их источников, то тогда и результаты освоения будут, несомненно, разные. Очевидно, что и субъекты этого последнего (процесса правового освоения) будут тоже не одинаковыми, так как научным подходом владеют только носители доктрины, а элементы стихийного естественного права присутствуют в разной мере в различных социальных пространственных и временных границах. В первом случае круг субъектов – очень узок (и бывают они порой очень «далеки от народа»), а все остальные (включая ряд законодателей и некоторых практиков, о которых поговорим далее) не участвуют в процессе правового освоения (поскольку и если они не имеют такого основания), а во втором – это только те социальные слои (и в то историческое время), среди которых (и когда) распространены естественно-правовые требования и представления (о субъектах правового освоения выскажусь далее). Когда же эти представления не распространены в социуме и в правовой культуре, то говорить о правовом освоении, по-видимому, не приходится, так как у него нет необходимого основания. В любом случае результаты правового освоения не могут быть одинаковыми. Это и надо было бы автору обсудить, обдумать и обосновать либо обосновать противоположный вывод, если автор считает иначе, ибо в имеющемся варианте диссертационного текста вопрос об основаниях, которые оказываются столь разными, остается не до конца проясненным.

5. О логике выделения оснований правового освоения. Е. В. Пономаренко отмечает, что «процесс правового освоения – это динамичная, рациональная, интеллектуальная активность и самостоятельная форма жизнедеятельности конкретного индивида и общества по правопознанию...» (л.д. 21, 194), и, таким образом, процесс правового освоения в какой-то мере совпадает с правовым познанием, а точнее, является его формой – формой правопознания. Возникает вопрос: каким образом тогда форма может быть основанием возникновения самого процесса (формой которого она является), ведь автор рассматривает правопознание как «основание возникновения правового освоения» (§ 1 главы 2 называется «Правопознание и правопонимание как основания возникновения правового освоения»)?

6. О некоторых классификациях правового освоения. В третьей главе «Общая характеристика многообразия форм и единство процесса правового освоения» автор анализирует большой спектр проблем, и в частности указывает на таких субъектов правового освоения, как «ученый, законодатель, практик» (л.д. 313 и пункт 5 положений, выносимых на защиту). «Простой» человек, таким образом, оказывается «отлучен» от столь важного процесса правового освоения, о котором пишет Е. В. Пономаренко. Однако это противоречит практически всем остальным положениям работы соискателя, так как повсюду речь идет о человеке

вообще, о конкретном индивиде, а не только об «ученом, законодателе, практике». Например, во введении отмечается, что «категория “правовое освоение” позволяет индивидуализировать, персонифицировать человека в теории права, в системе ее категорий, исследовать человека как ценность во всем многообразии человеческой деятельности» (л.д. 6–7). В первой главе отмечается, что «под человеком следует понимать конкретного индивида, так как он по своим объективным качествам способен преодолеть обезличенное и отчужденное существование. Под конкретным индивидом в контексте исследования следует понимать реального действительного индивида – деятеля интеллектуально-волевого характера, лицо, реализующее правовые качества в окружающем пространстве, признающее собственную человеческую оригинальность, способное к осознанию правового бытия (правовой интеллект) и устремленное к свободе интеллектуально-правовой воли как нравственной добродетели» (л.д. 52). Наконец, и в Заключении автор пишет про индивида вообще (л.д. 308). Либо во всех перечисленных случаях человек, индивид – это только «ученый, законодатель, практик», а всем остальным напрочь отказано в «правовом освоении», либо предложенная в работе классификация субъектов правового освоения не является полной.

По геополитическим основаниям автор выделяет «российскую, европейскую, американскую формы правового освоения» (л.д. 313 и пункт 5 положений, выносимых на защиту). Не совсем понятно, почему отсутствуют такие формы правового освоения, как китайская, с японской ветвью (дальневосточная в этом узком смысле), африканская, мусульманская и другие правовые и геополитические регионы, в которых функционируют оригинальные семьи правовых систем. В то же самое время американская форма, если буквально следовать наименованию, включает в себя и североамериканскую (США и Канада), и южноамериканскую формы правового освоения (все остальные страны и регионы Америки). Неужели здесь нет никакого различия, или правовое освоение – столь абстрактная категория, что вполне включает в себя столь разные правовые ареалы? Если для данных регионов это именно так, тогда хотелось бы увидеть признаки, по которым автор выделяет предложенные им в работе три формы правового освоения.

7. Об изменении предмета исследования. В параграфах 4.2, 4.3 и 4.4 четвертой главы автор ставит задачу показать сущностно-правовой, доктринально-правовой и интеллектуально-волевой аспекты взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права. Поставленная исследовательская задача в таком ракурсе, безусловно, сложна и интересна. Однако на деле во втором параграфе проводится анализ сущности права как таковой. При этом ни в первом аспекте сущности (л.д. 249), ни во втором (л.д. 252), ни в выводе о «сущности современного российского права» в целом (л.д. 252) категория «правовое освоение» даже не упоминается. Последнее представляется вполне логичным, так как если категория правовое освоение не входит ни в один из аспектов сущности права, то нет ей места и в сущности права вообще (правда, сначала автор говорил о сущности права вообще, а выводы привел почему-то лишь в отношении «сущности современного российского права»). Но тогда не совсем понятно, каково же соотношение исследуемых категорий, как они взаимосвязаны и как взаимодействуют друг с другом.

В следующем параграфе (4.3), посвященном доктринально-правовому аспекту взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права, основной акцент переносится на изучение того, что такое правовая доктрина сама по себе и какова ее роль в юридической науке и практике, а именно: на изучение «правовой доктрины в теории права как одной из форм реализации правовой политики России» (л.д. 253) и как «особой формы теоретической концепции», которая «гарантирует трансформацию фундаментальных положений

теории в практическую плоскость» (л.д. 253–254), и т. д. Указанные проблемы, без всякого сомнения, представляют для нашей науки непреходящую ценность, однако остается неисследованным вопрос о доктринально-правовом аспекте соотношения категории «правовое освоение» с другими категориями теории права. Кроме того, в названии параграфа («Доктринально-правовой аспект взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права») термин «категории» (теории права) приводится во множественном числе, а на деле данный фрагмент работы посвящен изучению одной лишь категории «правовая доктрина», а также ее роли в теории права и на практике (то же самое можно сказать и в отношении предыдущего параграфа: слово «категориями» в названии дается во множественном числе, а все внимание автора приковано к анализу одной лишь категории «сущность права», взятой самой по себе).

В данном параграфе (4.3) автор посвящает немало страниц также необходимости введения в теорию права и путем воплощения в правовую практику «новой правовой доктрины “современный правовой гуманизм”» (л.д. 257–263). Полностью разделяю пафос и научные подходы автора к данной доктрине, а также то, что внедрение указанной доктрины в нашу жизнь – насущная проблема российской правовой действительности, однако взаимодействие правовой доктрины в целом и новой гуманистической правовой доктрины в частности с правовым освоением оказалось вновь недостаточно проясненным. И даже вывод данного параграфа посвящен не правовому освоению, как заявлено в его названии, а новой правовой доктрине самой по себе (приведу последний абзац данного параграфа): «Таким образом, роль новой правовой доктрины должны (опечатка у автора: следует читать: должна. – А. С.) проявиться в том, что она создаст понятия и конструкции, которые будут использовать юристы-практики, законотворческие органы и т. д. Именно данная доктрина сможет выработать приемы и методы установления, толкования и реализации норм действующего законодательства на основе духовно-нравственных благ и общечеловеческих ценностей» (л.д. 262–263). Последнее утверждение само по себе не вызывает никаких возражений, и поэтому мы полностью согласны с автором исследования в отношении роли новой правовой доктрины в нашей правовой системе.

Необходимо особенно подчеркнуть, что в анализируемом параграфе (4.3) имеются очень серьезные попытки автора показать значение категории «правовое освоение» в процессе правового возрождения России. Так, Е. В. Пономаренко пишет, что «правовое освоение непосредственно связано и оказывает влияние на ценности цивилизации и культуры на современном этапе развития Российского государства и права, позволяет формировать в рамках правовой системы идеи правового гуманизма и правовой аксиологии» (л.д. 256). И далее (пр процитируем полностью состоящий из двух предложений абзац): «Воплощение правовой доктрины “современного правового гуманизма” в правовую систему существует пока в качестве правового возможного. Органично требуют от исследователей обоснования, введения в научный оборот такой категории, как “правовое освоение”» (л.д. 257–258). Первое утверждение является, с нашей точки зрения, совершенно верным, своевременным и весьма критичным по отношению к существующей в России правовой действительности: да, доктрина «современного правового гуманизма» существует у нас пока, к сожалению, лишь в качестве правового возможного, а вот второе утверждение (в плане оснований перехода от возможности к действительности) вызывает сомнение, а именно: вряд ли одно только обоснование и введение в научный оборот категории «правовое освоение», на чем упорно настаивает автор, позволит перевести доктрину «современного правового гуманизма» из возможности в действительность.

Следующий фрагмент (протицируем весь абзац полностью) также показывает неразрывную связь правовой доктрины и правового освоения: «Таким образом, правовая доктрина “современного правового гуманизма” должна прирастить и наполнить новым содержанием теорию права. Правовое освоение осуществляет преобразования правовой информации, правовых идей в правовое знание, отображает эти идеи в правосознании конкретных индивидов» (л.д. 261). В следующем же абзаце автор отмечает: «В этом смысле, правовое освоение будет способствовать правопознанию и формированию новой правовой доктрины в правосознании конкретного индивида... Правовое освоение сформирует правовую доктрину в правосознании конкретного индивида и сможет преобразовать правового возможного (опечатка у автора: следует, видимо, читать «правовое возможное». – А. С.) в правовое должное» (Там же). И наконец: «Правовое освоение в правосознании правопознающего человека должно сформировать новую правовую доктрину, определить модели правотворческой и правоприменительной деятельности» (л.д. 262). Не могу не выразить своего самого полного согласия с тем, что все это необходимо делать. Однако указание только на то, что правовое освоение «должно» сформировать новую правовую доктрину не является, с моей точки зрения, достаточным для того, чтобы воплотить возможность в действительность. Хотелось бы увидеть механизмы, процедуры, какие-то их закономерности, а также субъектов и многие другие операциональные и «технологические» элементы, которые позволили бы решить поставленные автором действительно очень серьезные и актуальные задачи российской правовой реальности.

Параграф четвертый главы 4 «Интеллектуально-волевой аспект взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права» имеет аналогичные плюсы и минусы, поскольку в тексте рассматривается не заявленный в названии аспект взаимосвязи и взаимодействия правового освоения с категориями теории права и даже не какое-то иное их соотношение, а сами по себе правовой интеллект, его классификация («правовой интеллект человека ученого – юриста и человека юриста – профессионала, правовой интеллект человека – обывателя» (л.д. 265)), импульсы возникновения правового интеллекта, интеллектуально-правовая воля, правопознавательный интерес, его виды (частноправовой и публично-правовой), процесс его (интереса) формирования, правосознание человека, исключительно важные обязанности последнего в исследуемой сфере («человек обязан испытывать интеллектуальную необходимость в праве для себя и общества» (Там же)) и т. д., и т. п. или, как кратко определяет предмет своего исследования автор, «правосознание человека как правовой интеллект, сформированный при помощи правопознавательного интереса и воспроизводящий его интеллектуально-правовую волю» (л.д. 264). Соответственно и вывод параграфа посвящен правосознанию: «Таким образом, в интеллектуальном значении необходимо рассматривать правосознание человека как правовой интеллект, сформированный при помощи правопознавательного интереса и воспроизводящий его интеллектуально-правовую волю» (л.д. 269). Далее говорится о формировании правового интеллекта и правопознавательном интересе человека и нет никакого упоминания о категории «правовое освоение».

Высказанные пожелания, возражения, замечания носят исключительно дискуссионный характер и ни в коем случае не претендуют на истину в последней инстанции. Столь новое по своим целям, задачам и содержанию исследование не может не вызывать массы вопросов и закономерного желания получить на них убедительные ответы, а также услышать дополнительные разъяснения, новые аргументы и т. д. со стороны диссертанта – Е. В. Пономаренко, работа которой имеет, тем не менее, немало весьма положительных характеристик, и поэтому выска-

занные возражения не отрицают бесспорной научной ценности и новизны предлагаемого диссертационного исследования.

Следует отметить, что стиль изложения – очень строгий, классический. Иногда встречаются отдельные пафосные, эмоциональные фрагменты, которые вполне уместны, контекстуальны, и поскольку автор никогда ими не злоупотребляет, постольку они нисколько не нарушают академическую ткань повествования, присутствующую диссертационному тексту в целом. Более того, они, скорее всего, показывают необычайную увлеченность автора исследуемой проблематикой и желанием Елены Витальевны поскорее расставить все точки над «и» как в современной российской теории права, так и в мировой правовой современности в целом.

Основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту, были опубликованы в почти 80 источниках, включая три монографии, 24 статьи в журналах, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени, а также ряд статей на иностранных языках. Судя по самой первой публикации на данную тему (1989 год), можно сказать, что автор посвятил исследованию около 30 лет. Список использованной автором литературы составил 405 источников, включая публикации на иностранных языках.

Наиболее яркой положительной характеристикой данной диссертации является ее абсолютная и бесспорная новизна: такие работы встречаются крайне редко в нашей, да и мировой, правовой науке, так как попытка столь мощного прорыва вперед – занятие весьма рискованное и исключительно опасное: слишком большой отрыв от традиции может привести к тому, что автор останется непонятым, отвергнутым и (или) раскритикованным по самым разным основаниям. Е. В. Пonomarenko смело смотрит указанной опасности прямо в лицо и неоднократно предупреждает читателя, что она использует «нетрадиционный научный аппарат» (л.д. 29, 306, 321). Автор убежден в своей правоте, увлечен исследованием, и его работа может быть названа уникальной по этим и ряду других оснований. Поэтому данная работа в большей степени, чем какие-то другие, требует времени на то, чтобы основательно над ней поразмышлять. Возможно, что через какой-то срок высказанные автором идеи и предложения покажутся юридической общественности само собой разумеющимися, а возможно, будут отвергнуты. Время покажет.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Law, Senior Research Scholar of RAS, Professor,
the Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Visiting Professor of Paris-Quest University (France);
Dean of Legal Department, Head of Public Law Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Academic Review on E. V. Ponomarenko's Doctoral Thesis
for Doctor of Jurisprudence Degree
"Legal Development in Categories of the Theory of Law"**

|| ФИЛОСОФИЯ

Метод культурной практики и проблема культурологической интерпретации актуального искусства в современной эстетике²

Автор рассматривает метод культурных практик (П. Бурдьё) как метод анализа социального функционирования практик актуального искусства и как возможный метод культурологической интерпретации современного арт-проекта. Культурологическая интерпретация практик актуального искусства изучается на примере экспертных высказываний по делу группы художников «Pussy Riot». Автор приходит к выводу, что этот метод эффективен только в том случае, если в круг интерпретации арт-проекта включается объемный социокультурный контекст понимания поля актуального искусства.

Ключевые слова: П. Бурдьё; метод культурной практики; поле актуального искусства; активизм; арт-проект; актуальная художественная практика.

Одной из основных проблем современной эстетики является проблема метода обоснования художественности и ее культурной самооценности в поле актуального искусства. Эта проблема имеет свою историю, и сегодня она обострилась, потому что современное искусство находится в состоянии конкурентной борьбы за общественное влияние с другими полями социокультурных практик: полем власти и полем веры прежде всего. В этой ситуации эстетика приобретает новый статус – статус теоретико-концептуального защитника современного искусства. И научный эстетический метод интерпретации актуального искусства должен быть методом упреждения судебных претензий к художественным проектам со стороны политических, религиозных или других общественных институций.

Метод культурной практики, разработанный П. Бурдьё, представляется наиболее продуктивным в эстетической ситуации, сложившейся вокруг актуального искусства. Основные идеи этого метода П. Бурдьё были изложены в работе «Социальное пространство: поля и практики. Поле литературы». Развитие метода П. Бурдьё применительно к анализу социокультурных практик агентов поля искусства можно найти в трудах выдающихся современных представителей французской социологической школы Н. Сапиро, П. Болтански и Л. Тевено. В европейской эстетике сложилось понимание специфики актуального искусства, отказавшегося от производства художественного произведения и перешедшего к самооценной и самоцельной художественной деятельности (арт-практике/art practice), результатом которой является открытый и процессуальный, перформативный арт-проект. Примеры такого понимания актуального искусства мы встречаем в концепциях В. В. Бычкова, В. Вельша, С. Росинской и других. Мы рассматриваем концепт практики и его содержание в трудах П. Бурдьё, а также в комментирующих и уточняющих его взгляды сочинениях В. Волкова, О. Хархордина, Н. Шматко.

Плодотворность разработанной П. Бурдьё методологии полей и практик была им убедительно продемонстрирована в анализе целого ряда сложных социокультурных явлений (от права до науки и литературы, от экономики до эстетического вкуса). Для нас также существенно, что эта методология у Бурдьё связана с пониманием неразрывной органической связи социального и культурного, или обще-

* **Маргарита Юрьевна Гудова**, д-р культурологии, доцент, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

E-mail: MargGoodova@gmail.com

¹ Статья выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 17-29-09136/18.

ства и культуры, т. е. с представлениями именно о социокультурном характере коллективного существования и активности людей во всех сферах жизни [9]. Социальное маркирует систему связей и отношений между людьми, а также между людьми и вещами, а культурное – это способ существования (воспроизводства и развития), определяющий качество и смысл этой системы, а также отдельных ее элементов и взаимосвязей [12, с. 153]. Все это и дает основания применить методологию Бурдьё для анализа актуальных художественных практик как феномена культуры. Преимущество данной методологии, на наш взгляд, состоит в том, что она обладает мощным потенциалом воссоздания и систематизации фактов эмпирического наблюдения за исследуемым явлением и предлагает надежный и плодотворный инструментальный системного описания наблюдаемого явления. Она позволяет выявить, как устроено исследуемое явление, как оно реально существует и изменяется во времени и, главное, как оно порождается агентами – участниками процесса. Вместо поиска ответа на вопрос «что это такое?», на первый план выходит поиск ответов на другие вопросы: «зачем оно?», «каким образом оно участвует в изменении реальности?», «какие привычные действия людей репрезентированы в этих действиях?».

Первым принципиальным положением концепции П. Бурдьё, признаваемым нами в качестве методологического, является определение практики: «Практика – это изменение социального мира, производимое агентом» [15]. Данное определение практики фиксирует, во-первых, момент процессуальности исследуемого явления – «изменение мира», во-вторых – момент качественных трансформаций, в третьих – появление нового культурного деятеля – агента культурной практики. Агент культурной практики отличается тем, что он «действует в своих интересах» и «наделен собственным опытом, памятью, навыками и воображением» [13, с. 183]. Однако он действует в окружающей среде, в поле, которое также отличается свойствами активности и обратного влияния на агента. Агент практики – это, следовательно, тот человек или институция, кто непосредственно осуществляет практику, т. е. (в нашем случае) практикует художественную деятельность в актуальных социокультурных обстоятельствах своей жизни, а также активно продвигает эту практику в системе культуры. Агент практики делает это осознанно и целеустремленно, но степень активности, ее вектор «задаются» созданными культурой и объективными для агента условиями существования поля его специфической деятельности, в нашем случае – поля актуального искусства.

Второе принципиальное положение, используемое в качестве методологической установки, – это другое определение практики, данное П. Бурдьё, где ученый уточняет: «Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем встречается в социальном мире» [15]. Это определение позволяет, во-первых, инвентаризировать все то, что современный художник как социальный агент делает в культуре; во-вторых, описать те разнородные социокультурные явления и процессы, которые определяют деятельность агента актуального искусства в современной культуре, и, в-третьих, выявить те явления и процессы, которые порождаются деятельностью агента актуального искусства в культуре, включающей в себя подсистемы и элементы, отвечающие за прорывное развитие, и подсистемы и элементы, отвечающие за стабилизацию и консервацию наличного состояния культуры и общества и тяготеющие к ретроградному движению в истории культуры. Понимание практики П. Бурдьё позволяет учитывать многообразие социокультурных обстоятельств осуществления практики и признавать их в качестве условий, формирующих поле осуществления практики.

В. Волков, развивая идеи П. Бурдьё, предложил методику анализа социокультурных практик и полей, которую мы применяем к анализу поля и практик актуального искусства [8]. Первая процедура данной методики – это описание социо-

культурных условий, которые определяют практику актуального искусства. Данные условия П. Бурдые определяет как *социокультурный фон*, на котором осуществляется практика. В этой связи для нас важно разработанное школой Бурдые понятие «*фоновых практик*», так как благодаря его использованию анализ актуальных художественных практик обретает дополнительный объем: арт-проект осуществляется не только внутри автономной подсистемы специализированного культурного пространства, он взаимодействует, испытывая сильное влияние, с другими культурными практиками, неизбежно соседствующими с художественными. Вторая процедура данной методики – это *описание агента актуальной арт-практики*, его внутренней программы, снаряжения и операциональных навыков, языка, на котором он описывает свою практику. Третья процедура – это *выявление изменений, произведенных агентом актуальной художественной практики*: в отношении самого художника, ценностей, которые формируются у агента в процессе практики и идентичности агента практики, языка описания практики и практических операциональных навыков агента. К результатам изменений, производимых агентом арт-практики в культуре, относятся, в частности и прежде всего, трансформации социально-коммуникативной и социально-организующей подсистемы культуры.

У П. Бурдые практика по определению множественна. Если социокультурная практика – это все то, что практикуют агенты, то практики так же множественны, как агенты и способы их действий в пространстве культуры. Отсюда актуальное искусство как сложная система в методологии культурных практик предстает не как одна, единственная и единая, культурная практика, а как *множество художественных практик*, осуществляемых разными агентами, организованных при помощи различных институций, использующих исторически разнородные технологии художественного творчества и преследующих разные цели в будущем.

В. Волков, развивая методологические идеи П. Бурдые, предлагает исследовать практики в двух аспектах: *синхроническом и диахроническом* [8]. В синхроническом аспекте оба ученых предлагают описывать практику с точки зрения используемого в данной практике снаряжения, приобретаемых в процессе практики операциональных навыков, а также формируемых агентом практики ценностей и идентичностей. В диахроническом аспекте они предлагают анализировать практику с точки зрения того, как называются на разных этапах истории элементы снаряжения, как реконфигурируются операциональные навыки и структура действия агента практики, каким образом и что именно заимствуется из *сопутствующих, конкурирующих и поддерживающих практик*. Такой алгоритм позволяет обозначить *параметры* сравнения различных художественных практик, такие как практические задачи, снаряжение, операциональные навыки, ценности и идентичности, и осуществить системное описание этих практик от технико-технологических и информационно-программных до аксиологических параметров.

Используя теорию практик в качестве основного метода, систематизирующего разнообразный и разрозненный эмпирически материал об определенной художественной практике или арт-проекте, мы в то же время осознаем: в том, что принцип практик «стоит на позициях радикального эмпиризма» и «не объясняет, а интерпретирует», заключаются не только достоинства, но и существенные недостатки этого принципа. Как пишет В. Вахштайн, главным недостатком принципа практик является его ограниченность сферой повседневности, которая позволяет говорить только о повседневно-сущем, но не позволяет говорить о смыслах и значениях [7, с. 65], что замыкает анализ художественных практик в данной методологии представлениями о повседневности за пределами трансцендентного. Не менее важное обстоятельство, которое тоже следует учитывать: эмпиризм методологии практик, т. е. ее «замкнутость» на «непосредственной данности» конкретных

культурных фактов, определяет недостаточность данного подхода для видения, объяснения и интерпретации культуры как целого и арт-проекта в контексте этого фундаментально значимого для него целого, – что и составляет специфическую цель культурологического исследования. Между тем эмпиризм, как принципиальная установка теории практик, может быть компенсирован сосредоточением внимания не только на снаряжении, используемом в ходе арт-практики, но и на символично-аксиологическом значении использования тех или иных элементов снаряжения или культурной программы арт-проекта, описанием той художественно-эстетической традиции, к которой принадлежат те или иные предметы или концепты, используемые художниками в качестве программных и служебно-символических одновременно.

Между тем еще несколько положений теории социальных полей П. Бурдьё будут для нас важны. Первым положением, определяющим отношения в сфере искусства, является идея об автономии и гетерономии социального функционирования искусства. Второе положение, которое очень важно в ситуации актуального искусства, – это идея о художнике, который является защитником границ поля искусства. Третье положение касается художественной практики как проявления общественных отношений между художниками [6]. В качестве первой и эмоциональной реакции на высказанные П. Бурдьё положения нужно признать, что поле искусства беззащитно и гетерономно в современной культурной ситуации.

Метод культурных практик, как никакой другой, полезен для понимания специфических отношений между областью искусства, политики и религии. У всех полей есть свои правила, ценности и законы. Когда агенты одного поля вторгаются в другие поля, они нарушают правила и ценности и производят социальные скандалы. Предшественники современных художников в 1990–2000-х годах размышляли об искусстве в категориях автономии. Художники актуального искусства признают новое социальное положение, которое заключается в консолидации полей политики и религий и в восстановлении ситуации гетерономии, характерной для советского этапа развития поля искусства в России.

Идея об увеличивающемся числе влиятельных полей вокруг области искусства позволяет заметить, что теперь социальные отношения между многочисленными социокультурными полями определяются не только политическим, религиозным или экономическими полями, но и областью виртуальности, которую образуют Интернет, социальные сети, блоги и форумы. Этот факт усиливает внешнее давление в области искусства и ослабляет социальные позиции художников внутри этого поля. Мы можем видеть этот двусторонний процесс на примере множества арт-проектов группы «Война», арт-группы «Pussy Riot» и других. Метод культурных практик позволяет эстетической теории перейти от схоластической теории искусства к радикальному эмпиризму для глубокой культурологической интерпретации и грамотной судебной защиты художественных практик. Этот поворот должен содержать более подробное описание совокупности действий, процедур, операций, категорий, понятий, дискурсов, репрезентаций и манифестаций в процессе художественной практики. Исследователь идентифицирует привычную специфику различий в деталях художественных практик в истории искусства и в истории культуры и обнаруживает их генеалогию, пересечения, заимствования и эволюцию.

С другой стороны, художественная практика – это процесс трансформации общественной жизни с помощью агентской художественной практики. Художественная практика выполняет социально-преобразующую функцию: переоценивает социальную ценность агентов и адептов, изменяет личностную идентичность агентов и адептов и трансформирует институты художественной практики. Агент

художественной практики – это человек или коллектив, которые действуют в унисон со своим опытом, воображением, интенциями.

В качестве одного из показательных примеров использования метода практик в современной российской эстетике, когда он позволил обозначить художественную традицию, историко-культурный контекст создания произведения и адекватно интерпретировать смысл послания, мы предлагаем обратиться к культурологической интерпретации художественной практики арт-группы «Pussy Riot» на примере панк-молебна в соборе Иисуса Христа Спасителя в 2012 году [1] и последующей дискуссии ведущих экспертов современного российского эстетического сообщества вокруг этого события на сайте журнала «Арт-Хроника» [2–4]. Сразу скажем, что судебное фиаско потерпел не метод и не эксперты, пытавшиеся его реализовать в своих репликах, а художественный активизм в целом, поскольку агенты практики отказались от статуса «художников» и от признания их практики «искусством» и приняли на себя статус хулиганов и политических оппонентов. Рассмотрим эту заранее обреченную на поражение борьбу, поскольку изначально не учитывались фоновые условия существования поля искусства: молодым художникам поле искусства изнутри представлялось автономным, в то время как оно существует в пространстве множественных пересекающихся полей.

Известный российский эксперт, автор книги об акционизме А. Ковалев очень точно описал противоречивую ситуацию, когда художникам, находящимся внутри поля искусства, оно представляется автономным, а всем, кто находится вне его, поле искусства представляется зависимым от множества других социокультурных полей: «защищая ту или иную акцию как произведение искусства, мы тем самым нивелируем саму возможность политического высказывания. Художникам все можно, но при этом слушать бормотание этих юродивых никто не будет» [4]. Это высказывание ясно противопоставляет добытое тысячелетиями разнообразных художественных практик и опосредующей и разъясняющей практики арт-критики, право художника на независимый художественный жест и право тех, кому он предназначен, расценить его, вписав в любое другое поле: умственного и психического здоровья, еретизма любого свойства или хулиганства.

Напротив, мы пытаемся интерпретировать художественный проект, рассматривая его на фоне художественных практик, существовавших в истории культуры. Чтобы защитить проект панк-арта в методологии художественной практики, мы должны последовательно рассмотреть: сначала – следование традиции/традициям, затем – аспекты новизны внутри арт-практики и, наконец, – трансформацию социальности вокруг поля арт-практики.

Местом обитания Бога, куда человек приходит для молитвы, является Храм. В проекте группы «Pussy Riot» была панк-молитва в кафедральном Храме Христа Спасителя в Москве. У этого собора сложная история и очень специфические функции, но он остается тем местом, где люди могут надеяться на встречу с Богом и на то, что обращение к нему будет услышано. Место проведения панк-молебна было неслучайным, знаковым и символичным. Кроме того, время панк-молитвы тоже было тщательно продуманным. Карнавальные (Масленичные) недели в истории христианской церкви традиционно были периодами шутовских и скоморошских праздников, таких как Праздник входа Ослы в Храм, Праздник Короля дураков, и многих других [5]. И панк-молитва тоже была карнавальным действием, каких в истории культуры, в том числе и русской, было великое множество. Средневековая идея пародийной молитвы служила укреплению веры через осмеяние избытка или недостатка собственного религиозного рвения в ежегодных карнавальных праздниках. Со времен Средних веков известны пародийные молитвы, такие как «Литургия пьяниц», «Литургия игроков», «Исповедь осла», «Проповедь свиньи» и другие. Как писал Д. С. Лихачев, такие пародии не явля-

лись признаками антирелигиозных или антицерковных взглядов средневековых людей, они существовали в пространстве всеобщей религиозности. «В древнерусском смехе есть одно загадочное обстоятельство: непонятно, каким образом в Древней Руси могли в таких широких масштабах терпеть пародии на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки и т. п. Считать всю эту обильную литературу просто антирелигиозной и антицерковной мне кажется не очень правильным. Люди Древней Руси в массе своей были, как известно, в достаточной степени религиозными, а речь идет именно о массовом явлении. К тому же большинство этих пародий создавалось в среде мелких клириков. <...> Мы можем найти пародии на церковные песнопения и на молитвы, даже на такую священнейшую, как “Отче наш”. И нет никаких указаний на то, что эти произведения запрещались. Напротив, некоторые снабжались предисловиями к “благочестивому читателю”» [14]. Чаше всего они были проявлением особого, корпоративно-карнавального «благоговейного смеха духовенства», и такие пародийные богослужения никогда не были подавляемыми Церковью или царем в Древней Руси. Богоматерь традиционно является ходатаем за всех людей перед Богом и помощником во всех жизненно важных вопросах, и Богоматерь была целевым адресатом и в панк-молитве «Pussy Riot». Другой традиционный элемент карнавалов (масленичных, пасхальных или рождественских) праздников – использование карнавальной маски и карнавального платья. Певцы «Pussy Riot» были одеты в красочные маски, известные как балаклавы, короткие цветные яркие платья и колготки. Красочность и яркость карнавалов масок и нарядов усилили празднично-пародийную специфику панк-молитвы. Все было сделано в традициях народной смеховой культуры Средних веков, но не только в этой одной культурной традиции.

Одна из серьезных проблем современной русской культуры заключается в противостоянии православной церковной культуры и светской атеистической культуры. И православная церковная культура сегодня переживает нелегкие времена, поскольку уже много лет пытается восстановить прерванную годами советской атеистической идеологии культурную традицию. И процесс десекуляризации и рехристианизации современного русского общества не является ни быстрым, ни успешным в современном открытом, космополитичном, многоконфессиональном и поликультурном обществе. М. Эпштейн назвал современное состояние православной веры в России пост-атеизмом, или бедной религией. Эта вера, по его мнению, лишена непрерывной длительной истории Русской Церкви с IX до XX века и наследования средневековых традиций, многие из которых сегодня оказались забытыми: карнавалы праздники, пародийные молитвы и культура антиклерикального смеха [17].

В другую традицию художественных практик вписывает панк-молебен Борис Гройс, философ и куратор. Он обратил внимание на такую привычную форму современной арт-практики, как музыкальное видео, и на то, что религиозные образы очень часто и выразительно дополняют инструментальный и вокальный ряд музыкального видео. Б. Гройс ссылается на музыкальное видео «Like a Prayer» Мадонны: «Что же касается самого клипа, то он сделан в хорошо известной и уже ставшей привычной традиции использования религиозных образов в контексте видеоклипа. Вспомним, как пример, «Like a Prayer» Мадонны. Так что любые разговоры о святотатстве или хулиганстве кажутся мне совершенно неуместными и даже абсурдными. Речь идет о музыкальной видео-художественной практике, которая в современной культуре стала почти нормативной». Он дополняет, что религиозные образы в рок-музыке и хард-роке – обычная и нормальная практика. Говорить, что музыкальное видео может быть преступлением, – абсурдно, сказал он [4].

Интерпретация культурных практик предполагает сосредоточенность не только на различных моментах развития традиций, но и на открытии новых аспектов уже известной художественной практики. В панк-молитве «Pussy Riot» появился новый текст песни. В то время как традиционно верующие просят Деву Марию о помощи, заступничестве и любви, арт-группа «Pussy Riot» пыталась привлечь Богородицу на сторону протестующей оппозиции и исполнила моление Девы о России, Путине и феминизме, в котором художники призвали Деву Марию стать на позиции защитников феминизма и активизма. Идеи протеста были выражены не столько в вербальном тексте, сколько в следовании стилю панк в музыке и визуальном образе. Вся история панк-рока связана с социальным протестом, облаченным в форму искусства, поэтому понятно стремление художников использовать панк-стиль в таком активистском проекте. А. Осмоловский сказал об этой ситуации: «Это бунт цвета, а цвет, конечно, не имеет человеческих имен. Они обогатили имаджинарий современной контркультуры... Эти цветные платья отсылают именно к постживописной абстракции – одному из этапных направлений в искусстве XX века» [4].

Панк-молитва «Pussy Riot» была попыткой переосмыслить социальную ценность агентов и адептов не только поля веры, но и самого поля актуального искусства. Музыкантами было продемонстрировано антиклерикальное поведение в знаменитом центре консервативного религиозного сознания, и, давая оценку реакции охранников и служителей храма на панк-молебен, Елена Деготь, известный русский искусствовед и куратор, заявила, что в неадекватной реакции на художественную практику она видит «византийский вариант исламского фундаментализма с его обожествлением власти, законами шариата и презрением к женщине» [Там же].

Несмотря на арест музыкантов арт-группы, суд и последующее заключение под стражу, арт-критики расценивают этот арт-проект как успешный. Успех этого критического художественного действия арт-критики видят в запуске процесса изменения идентичности самих агентов арт-практики: от идентичности карнавальных молящихся просителей перед Девой Марией до идентичности активистов политического искусства. Елена Деготь, предложила следующие критерии художественной успешности: «внезапность; смелость, самоотверженность, освободительный импульс, ясность концепции, критическая точность, вскрытие болевой точки всего общества, эффективное стимулирование общественной и политической дискуссии. А также выразительный колорит, фактура, силуэт и узнаваемый творческий почерк» [Там же].

Авторитетные искусствоведы, перформансисты и арт-критики В. Мизиано и О. Аронсон результат проекта увидели в том, что арт-группа «Pussy Riot» переосмыслила цель искусства. В практике «Pussy Riot» главенствовала цель проявления гражданской позиции: они отказались от позиции бескорыстного эстетического созерцания и перешли на позицию критики социальной реальности. О. Аронсон подчеркнул, что девушки из арт-группы «Pussy Riot» не видели в своих действиях художественной практики и не видели себя художниками. Они заявили, что не будут участвовать в жизни процветающего и комфортного современного искусства, обслуживающего общество потребления. Они служили художественной критике политических и религиозных фундаментальных сил [Там же]. Тем самым художники из арт-группы отказались защищать границы поля искусства, потому что искусство активизма и искусство гламура – два разных искусства. Если искусство гламура зависимо, прежде всего, от поля бизнеса, то поле искусства активизма вступает в тесное взаимодействие с властными фигурами всех социокультурных полей, критически осмысленных в их творчестве.

Другим важным аспектом реализации в современном мире художественной практики является активное взаимодействие поля искусства и поля технологий создания виртуальной реальности. Несмотря на согласие с социально-критическим пафосом арт-проекта группы «Pussy Riot», художник и искусствовед А. Жилев написал, что активистская музыкальная панк-практика под влиянием законов медиакommunikаций в поле Интернета превратилась если не в поп-музыку, то в поп-критику: «Как это бывает с видео-художниками, иногда границы жанров дают о себе знать, и в какой-то момент происходит переход в сторону кино. С критическим попом может произойти то же самое. И, по большому счету, с *Pussy Riot*, находящимися в авангарде этого процесса, подобное уже происходит. Критический поп превращается в поп-критику. <...> Неотрефлектированная медиапопулярность в качестве основной цели медиаакционизма помещает его в один ряд с глобальной фабрикой звезд. Если «Война» грешила революционным постисторическим формализмом, когда будущее не столь важно, как интенсивное настоящее, то *Pussy Riot* грешит поп-формализмом, когда самоцелью становится количество просмотров. В этом смысле неожиданно вновь возникает вопрос о превращении сферы современного искусства в разновидность высокотехнологичного шоу-бизнеса». Социальные эффекты от воздействия панк-молитвы заменены подсчетами показов «Pussy Riot» в Интернете [10]. Именно популярность видео-панк-молитвы в Интернете сделала ее опасной в глазах агентов и адептов поля власти и веры и заставила их посмотреть на это видео как на хулиганское политическое и антиклерикальное действие. В этом случае ярко проявилась власть поля медиа, когда популярность видео в Интернете меняет социальную значимость актуальной художественной практики и судьбы ее агентов, которые набирают популярность в качестве панк-группы, но осуждаются обществом и Церковью как хулиганы. Популярность арт-проекта в Интернете (поле медиа) делает поле искусства еще более гетерономным и зависимым от других областей, таких как поле власти, права и веры.

В результате анализа экспертных мнений, высказанных на страницах журнала «Арт-Хроника», мы видим, что метод культурных практик позволяет интерпретировать искусство в эстетическом, этическом и культурном контекстах. Этот метод раскрывает искусство, укорененное в культуре, сфокусированное на культуре как предмете художественного познания и рефлексии [11], и показывает, как окружающие области религии и власти взаимодействуют с областью искусства в таких ситуациях.

Основная проблема для группы экспертов, культурологически и эстетически интерпретирующих арт-практику группы «Pussy Riot», заключалась в том, что судом не были рассмотрены и не были выявлены различия между оригинальной записью панк-молитвы и видео, специально подготовленным художниками для демонстрации в Интернете; проделанный экспертный анализ не был заслушан судом, были проигнорированы многочисленные события в мире русского и мирового искусства в защиту членов художественной группы «Pussy Riot», в том числе выступления таких знаковых защитников автономности поля актуального искусства, как Мадонна, Йоко Оно, Пол Маккартни, Элтон Джон и многие другие. Британский актер и писатель Стивен Фрай призвал 4,6 млн подписчиков своего микроблога поддержать «Pussy Riot». Предъявленные судом обвинения были основаны на правовом анализе и оценке действий художников как хулиганского поведения, оскверняющего храм и оскорбляющего чувства верующих [2; 3].

Эти обвинения носили правовой характер, а не характер эстетических претензий к искусству плохого качества. Для теории практик это означает, что судебный процесс над участниками арт-группы «Pussy Riot» не рассматривал панк-молебен в поле искусства, а исключительно в области права. Это было подтверждением

сложной гетерономности актуального искусства, пересекающегося своим полем с полями права, власти, веры, коммуникации и коммерции и многими другими.

В области культурологической интерпретации актуальных художественных практик необходим постоянный диалог экспертов и общества о природе современного искусства и укорененности актуальных арт-практик в истории культуры и истории искусства. Только в этом случае общество будет готово выслушать мнение профессионалов и судить о современных художественных практиках, исходя из признания сложных соотношений автономности/гетерономности поля искусства по отношению к другим социокультурным полям, и только в случае научной убедительности и обоснованности доводы экспертов имеют шанс быть услышанными и принятыми во внимание.

Литература

1. Pussy Riot: A Punk Prayer (2013) – Official Trailer. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=grEBLskpDWQ> (дата обращения: 07.07.2015).
2. Pussy Riot: что говорят и пишут. Ч. 1 // Арт-Хроника. – URL: <http://artchronika.ru/blog/pussy-riot-press/> (дата обращения: 13.02.2018).
3. Pussy Riot: что говорят и пишут. Ч. 2 // Арт-Хроника. – URL: <http://artchronika.ru/blog/pussy-riot-press-2/> (дата обращения: 13.02.2018).
4. Pussy Riot: что говорят и пишут. Ч. 3 // Арт-Хроника. – URL: <http://artchronika.ru/blog/pussy-riot-press-3/> (дата обращения: 13.02.2018).
5. Бахтин М. М. Роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и народная смеховая культура в Средние века и Возрождение [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/index.php (дата обращения: 13.02.2018).
6. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики: Поле литературы. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. – С. 365–472.
7. Вахштайн В. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 1. – С. 65. – URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211851839/8_1_5.pdf (дата обращения: 01.09.2015).
8. Волков В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. – 1997. – № 6. – С. 9–23.
9. Гудова М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра наук : 24.00.01 / Гудова Маргарита Юрьевна. – Екатеринбург : УрФУ, 2015.
10. Жилев А. Критический поп // Арт-Хроника. – URL: <http://artchronika.ru/blog/19824> (дата обращения: 13.02.2018).
11. Закс Л. А. Искусство после «Морфологии искусства»: арт-объекты и культуроцентризм // Studia Culturae. – 2017. – № 3 (33). – С. 92–107.
12. Закс Л. А. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы : сб. научных статей / ред.-сост. Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург, 2013. – С. 153.
13. Круглова Т. А. Практики повседневности // Культурологическое измерение феномена повседневности : монография / под общ. ред. Т. А. Кругловой, Н. П. Коноваловой. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – С. 183.
14. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С. Смеховой мир Древней Руси. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=199194&p=1> (дата обращения: 13.02.2018).
15. Шматко Н. Пути к практической теории практик [Электронный ресурс]. – URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki> (дата обращения: 01.09.2015).
16. Эксперты о Pussy Riot // Арт-Хроника. – URL: <http://artchronika.ru/themes/эксперты-о-pussy-riot/> (дата обращения: 13.02.2018).
17. Эпштейн М. Пост-атеизм или бедная религия // Октябрь. – 1996. – С. 52–73.

Margarita Yurievna Gudova,

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,
Professor at the Department of the History of Philosophy,
Philosophical Anthropology, Aesthetics and the Theory of Culture,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**Method of Cultural Practice and the Problem of Cultural Interpretation
of the Actual Art in Contemporary Aesthetics**

The author considers the method of cultural practices (P. Bourdieu) as a method for analyzing the social functioning of contemporary art practices and as a possible method for interpreting the contemporary art project in the field of Cultural Studies. Cultural Studies interpretation of the contemporary art practices is researched using the example of expert statements on the case of the group of artists Pussy Riot. The author comes to the conclusion that this method is effective only if the voluminous socio-cultural context of understanding the field of contemporary art is included in the scope of the interpretation of the art project.

Key words: P. Bourdieu; method of cultural practice; the field of contemporary art; activism; art project; contemporary art practice.

Культурно-исторические начала городской культуры

В статье анализируются особенности средневековой бюргерской культуры как основы для формирования городской культуры эпохи модерна, прослеживается преемственность характерных качеств и свойств европейского бюргера и русского мещанина в типичных чертах и стиле жизни горожанина начала XX века. Отмечается, что западноевропейский бюргер и купец обладали такими свойствами, как смекалистость, рисковость, практичность, хитрость, лукавство, арифметическая ментальность, рачительность и рациональность, находящие выражение не только в профессиональных вопросах, но и в способе организации быта. Мещанин консервативен, аполитичен, рационален, расчетлив, бережлив, понимает ценность труда и не приемлет пустого расточительства. Несмотря на обилие недавних крестьян в мещанской среде и формирование особой народной городской культуры, жизнь в городе все же накладывала отпечаток на быт и взгляды мещанства. Исследователи же городской культуры конца XIX – начала XX века в качестве типичных черт горожанина называют рассудочность, рациональность, главенство денежных отношений, отчужденность. Проведенный анализ позволяет утверждать, что эти качества горожанина не появились внезапно, а стали плодом эволюции средневековой городской культуры.

Ключевые слова: город; городская культура; бюргер; мещанство.

Городская культура – это подсистема, или часть, универсального культурного пространства, организованная определенным образом и сформировавшаяся на основе специфического образа жизни урбанистических поселений, особой системы ценностей, характерной для жителей города и отличной от ценностей населения других территорий.

В рамках социальной философии и антропологии первой половины XX века исследователи отмечали характерные для своей эпохи особенности жизни в городах: повышенную нервность, рассудочность, рациональность, блазированность, отчужденность и отдаленность городских жителей [6], равнодушие, безэмоциональность, высокий уровень агрессии, главенство денежных отношений [9]. Казалось бы, удивительная трансформация, внезапно произошедшая со вчерашним крестьянином (горожане начала XX века – чаще всего горожане в первом поколении), ведь сельский житель характеризуется прямо противоположными чертами: персонификацией взаимоотношений, развитым социальным контролем, высокой ролью чувственно-эмоциональных элементов и проч. [8, с. 42–46]. Но справедливо ли считать такую трансформацию внезапной и рассматривать ее исключительно как плод общества эпохи модерна?

Городская культура не родилась внезапно и мгновенно, а эволюционировала вместе с развитием человеческого общества и такой формы его объединения, как города. У исследователей нет единого мнения относительно того, с какого периода времени можно отсчитывать историю городов и какой исторический тип поселения можно называть городским в полном смысле этого слова.

Так, например, М. С. Каган, рассматривая эволюцию типов культуры, отмечает, что из доисторического бытия первоначально были сформированы три типа культуры: культура скотоводческих племен, культура земледельческих народов, культура древних греков и римлян. Особенностью последней являлось развитое

* **Ольга Юрьевна Голомидова**, преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: o-minina@mail.ru

ремесленное производство, развившееся в рамках особых городов-государств (полисов), отличных от городских поселений Востока. Именно греческий полис «направил развитие культуры по иному руслу, открыв человечеству неограниченные возможности прогресса» [7]. Город нуждался в трезвом и рациональном знании, распространении письменности, новой системе образования и демократической организации общественной жизни. Эпоха феодализма принесла новые изменения: превращение культуры в систему субкультур. В этой системе особая роль выпала культуре средневекового города, или бюргерской культуре, так как именно в ней зародился грядущий (ренессансный) тип культуры, «ибо потребности и интересы складывавшегося в городе нового социального слоя – “класса горожан”, как называл его Ф. Энгельс, порождали особые психологию и идеологию» [Там же]. В данном случае М. С. Каган выражает распространенную точку зрения, которая видит истоки городской культуры в европейском Средневековье.

Культура неотделима от своего носителя – человека, в данном случае горожанина. Основными жителями средневековых европейских городов были бюргеры (от нем. корня «бург» – крепость, город, замок). Вследствие того что города стали центрами торговли, в том числе внешней, горожане отличались большей степенью информированности, широким кругозором. «Узкий прагматизм жизненных установок средневекового бюргера» [Там же] был обусловлен тем, что сам город был проникнут духом практицизма, а идеалы и ценности городского быта задавались конкретным содержанием повседневности. Не случайно основным субъектом этого города Вебер называл горожанина как *homo oeconomicus* [2, с. 426].

Первое время города оставались под управлением феодалов, поэтому правовое положение жителей городов было фактически приравнено к положению остальной массы феодально-зависимых людей. Однако примерно с XII века на территории Франции началась активная кампания по освобождению городов от власти сеньоров и борьбе за самоуправление, в результате чего городская община постепенно стала субъектом права. И хотя «города не были открытым вызовом феодализму, но в контексте негативно-скандального отношения к новизне, свойственного средневековью, они воспринимались как явление необычное, как некая новая реальность» [10, с. 190]. Соответственно и самоощущение горожан стало совсем иным, а это в итоге приводило к формированию новых социальных слоев, что оказало огромное влияние на дальнейшую культурную эволюцию, становление системы образования, усиление светских элементов во всех сферах жизни городского общества.

Средневековая городская община знаменует слияние идеи античного полиса (с определяющим его статусом гражданина как существа политического) с идеей христианской общности как братства (с определяющим его статусом христианина). Отличительная черта средневекового города – постепенное выделение экономического статуса отдельного бюргера в качестве определяющего признака, по которому он может быть включен в городскую общину [Там же, с. 193]. В целом рациональное и практичное отношение к жизни, расчет и накопительство были характерными чертами бюргерского общества. Это сильно отличало их от импульсивных, презревших накопительство и труд рыцарей. Принцип «Мой дом – моя крепость» также родом из Средневековья. Бюргер должен был иметь дом (в нем же могла находиться мастерская или лавка) и хозяйку дома, причем отношения с женой во многом основывались на экономической необходимости и целесообразности, а не на духовном начале.

Говорить о специфике мировоззренческих представлений, религиозно-нравственных качеств средневекового бюргера довольно сложно, так как «внутренняя природа индивида, структура его сознания и способ поведения носили социально-корпоративный характер, личностные и индивидуальные его проявления

определялись набором статусных ролей. Статус был неотделим от личности его носителя» [10, с. 203]. Моральные установки горожанина, его ценности и идеалы определялись корпоративной принадлежностью, любое отклонение от норм группы жестоко осуждалось, к тому же «для корпорации Средних веков характерна религиозная сакрализация собственных норм» [Там же]. Таким образом, можно сказать, что достоинство горожанина виделось в ограничении индивидуального мнения и воли, ориентации на волю корпорации и старших в ней, индивидуальность же не ощущалась как насущная потребность. Тем не менее отдельные сведения не только о корпоративных, но и о личных ценностных установках средневековых горожан мы можем получить в художественных произведениях того периода.

Различные сферы городской жизни – повседневный быт ремесленников, феодалов, духовенства, торговцев – находили свое воплощение в средневековой гравиюре и литературе. В частности, средневековые поэты отмечали трудолюбие, практичность, пронырливость, жизнелюбие, хитрость, лукавство горожан. Так как в городской среде могли сталкиваться абсолютно различные стили жизни – духовенство, рыцарство и горожане, – то сюжеты, построенные на этой конфронтации, также находили отражение в городском искусстве, которое могло приобретать карнавальным и пародийным характер [4]. Народные баллады, песни и прочие жанры городской литературы того периода отражают картину, часто противоположную идеализированному представлению о жизни христианина-горожанина, показывая, что в реальности он представлял собой смышленного и даже плутоватого человека, который, служа сильным мира сего, отнюдь не забывал и о своих интересах [10, с. 218]. Таким образом, рачительность, рациональное ведение хозяйства, деловая мораль – всё это были неотъемлемые качества средневекового горожанина. Можно сказать, что город был колыбелью рационализма, так как даже забота о спасении души или благотворительные меры горожанина, забота о благоустройстве города носили, скорее, характер холодного расчета – предполагали возможность «договорных» отношений с Богом [Там же, с. 210]. Однако в позднем Средневековье взгляды горожан несколько трансформируются, в частности меняется отношение к труду: из способа смирения плоти и искупления первородного греха он превращается в средство обеспечения собственного существования [Там же, с. 217].

Наряду с бюргерами в состав городского населения входили купцы, «осевшие» в своих конторах и предоставившие право заниматься активной деятельностью своим многочисленным агентам. Своеобразный культурологический анализ фигуры средневекового купца производит А. Я. Гуревич, отмечая, что картина мира купца отличалась от таковой у других слоев феодального общества, а специфика деятельности формировала иные ценностные ориентиры.

Отношение к купцам в раннем Средневековье было весьма противоречивым, особенно осуждались те, кто занимались ростовщичеством, так как алчность считалась самым отвратительным из пороков. Стремление к накопительству также противоречило и идеалам аристократии, публично расточавшей свои богатства. Однако в более поздние времена происходит некоторая переоценка христианских ценностей, в чем, по словам А. Гуревича, «обнаруживается скрытое влияние новой этики труда и собственности, складывающейся в городе» [5]. Новый тип людей, занимавшихся торговлей и формировавшихся в русле этой новой этики, отличался предприимчивостью, энергичностью, рискованностью, сметкой, но вместе с тем эгоизмом и беззащитностью. Без этих качеств купец просто не способен был преодолевать опасности и невзгоды во время своих путешествий по суше и по воде. Когда же купцы окончательно осели в своих городских факториях и стали вести дела преимущественно через агентов и по переписке, то среди них резко

повысилась ценность образования. При этом именно в новой городской школе, в отличие от церковной, знания приобретались с практическими, прикладными целями, формируя «арифметическую ментальность» [5]. Как результат, в некоторых немецких городах могло быть до половины людей с университетским образованием. Именно в домах купцов и обеспеченных бюргеров, т. е. горожан, начинают появляться книги. Трудолюбие, упорство, усердие, принцип умеренности становятся главными характеристиками позднесредневекового купечества. В то же самое время в эпоху Возрождения человек отличался двойственностью: «он сочетал культуру с коммерцией, религиозность с рациональностью, благочестие с аморальностью», т. е. нельзя не упомянуть об эгоизме и цинично-инструментальном отношении к другим людям, склонности «видеть самые различные стороны действительности сквозь призму счета и расчета» [Там же]. Кстати, именно деловые горожане XIV–XV вв. впервые всерьез задумываются о ценности времени и необходимости его точного измерения.

Как на Западе утверждающаяся картина мира в городском сообществе была обусловлена ценностными ориентирами бюргерства, так в нашей стране она формировалась под влиянием мещанской культуры. Русский мещанин во многом напоминал средневекового европейского бюргера – конкретен, деловит, ценит здравый смысл и комфорт жизни. Поначалу понятие «мещане» объединяло сословие, которое было представлено мелкими торговцами и ремесленниками, потом же оно обросло дополнительными – нередко негативными – смыслами и ассоциациями. Само слово «мещанин» имеет польский корень, переводимый как «город», таким образом оно изначально определяло городское сословие, «среднего рода жителей», имевших определенные права и свободы. Однако к концу XVIII века так и не было сформулировано окончательное определение мещанства: под этим словом могли подразумевать как жителя города вообще, так и представителя отдельной социальной группы, позднее для первого случая стало использоваться определение «городской обыватель» [1]. Понятие же мещанина со временем трансформировалось в обозначение человека с узким кругозором, ограниченного, сосредоточенного исключительно на своих интересах, вульгарного во вкусах. Если отбросить негативные коннотации, то по сути мещанином можно назвать добропорядочного и законопослушного городского жителя, рачительного, знающего цену деньгам, зарабатываемым собственным трудом, ценящего стабильность и комфорт.

Несмотря на то что мещанин представлял собой человека утилитарного, рационального, трезвого, расчетливого, бережливого, старательного, понимающего ценность труда и не приемлющего пустое расточительство, богатство и слава не являлись для него главной целью; довольно распространенной в среде мещанства была практика благотворительности. Сопутствующими чертами его жизненных установок были консерватизм и аполитичность, в некотором смысле пассивность. Так, по мнению некоторых исследователей, «в системе ценностей, присущей российскому мещанству, не было таких черт, свойственных представителям городских слоев Запада, как расчет на собственные силы, отказ от социального иждивенчества и государственного патернализма, развитая трудовая этика, опора на полноценное самоуправление, терпимость» [3, с. 163].

Так как среди мещан было значительное количество крестьян, перебравшихся в города на заработки, чтобы стать мелкими торговцами, обслугой, мастерскими и ремесленниками, то мещанская культура представляла собой синтез элементов культур городской и деревенской, т. е. главные различия между крестьянами и мещанами до середины XIX века лежали не в духовной, а в материальной плоскости (отличия в одежде, жилище и т. п.). Причем чем меньше был город, тем больше сглаживались эти различия. В таких городах, к примеру, традиционными раз-

влечениями оставались кулачные бои, вечерки и посиделки, гадания и т. д. Литература и воспоминания жителей той эпохи свидетельствуют о серьезном дефиците досуговых практик в небольших провинциальных городах. Для мужской части мещанства был характерен отдых в питейных заведениях, для женщин в основном он был представлен соседскими чаепитиями. Важно, правда, отметить, что «городская жизнь диктовала свои формы потребления алкоголя, приспособливая пьянство к ритму города и завода» [3, с. 142].

Одной из самых главных ценностей для мещанина (как и для европейского бюргера) был его дом, которому старались придать как можно более «городской» вид, отличавший его от крестьянской избы, по крайней мере те, кто могли себе это позволить. Если купец главной своей целью ставил получение прибыли и увеличение капитала, то для мещанина труд обеспечивал, скорее, возможность для выживания. Это роднило трудовую этику мещан с крестьянской, притом что у горожан к крестьянству все же было пренебрежительное отношение, как нередко презрительным оно становилось и к физическому труду. Что характерно, в отличие от европейского бюргерства, в среде мещанства (по крайней мере, сибирского) была не особенно велика ценность образования [Там же, с. 150]. Однако во второй половине XIX века под влиянием культуры столиц и крупных городов (на Урале и в Сибири не последнюю роль в этом сыграли ссыльные) меняется городская ментальность, хотя по-прежнему «культура средних слоев (мещане, ремесленники) представляла в это время сложный конгломерат элементов традиционной крестьянской и новой городской культуры» [Там же, с. 151]. Их взаимодействие выливалось в формирование нового типа культуры – народной городской. К рубежу XIX–XX веков значительно расширяется спектр возможностей для проведения досуга, а быстрая урбанизация способствовала социальным и культурным преобразованиям, выразившимся в формировании массовой культуры. «Несмотря на нововведения, изменения происходили медленно, во-первых, вследствие инерции, свойственной всем традиционным идеалам и установкам сознания, а во-вторых, вследствие постоянной миграции в города крестьян, несших с собой традиционные нормы» [Там же, с. 156].

Мы приходим к выводу, что уже в рамках европейской средневековой культуры оформляются некоторые особенности городского существования, положившие начало тем специфическим чертам городской культуры, которые наиболее ярко проявились в эпоху модерна. Особенности средневековой городской культуры (более ярко проявившимися в позднем Средневековье) стали антицерковная вольнолюбивая направленность, разнообразие городской жизни, противопоставляемое монотонности и замкнутости жизни сельской общины. Данное разнообразие отчасти было обусловлено многообразием занятий в городах – тут были представлены мелкие торговцы и купцы, ремесленники и другие профессиональные разряды. Типичный представитель средневековой городской культуры – активный, смекалистый и предприимчивый человек, не занимающийся крестьянским трудом, обладающий должной степенью хитрости и расчетливости, стремящийся к образованию и саморазвитию. Таким образом, и в западноевропейской, и в отечественной культуре представляется возможность проследить эволюцию городской ментальности, объясняющую особенности восприятия городской культуры исследователями эпохи модерна.

Литература

1. Бессонова Т. В. Возникновение и развитие понятия «мещане» в России в XVIII–XIX веках // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-ponyatiya-meschane-v-rossii-v-xviii-xix-vekah>
2. Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
3. Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2004. – 206 с. – URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/mechane/3_2.html
4. Грушевицкая Т. Г., Садохин А. П. Культурология : учебник. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 201 с. – URL: <http://www.rulit.me/books/kulturologiya-uchebnik-download-free-364426.html>
5. Гуревич А. Средневековый купец // Одиссей-1990. Личность и общество. – М., 1990. – С. 97–131. – URL: http://krotov.info/lib_sec/04_g/ur/evich_04.htm
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3–4 (34). – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>
7. Каган М. С. Философия культуры : учеб. пособие. – СПб., 1996. – 415 с. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1770715>
8. Коган Л. Н. Социология культуры : учеб. пособие. – Екатеринбург : УрГУ, 1992. – 120 с.
9. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Фет А. И. Сборник переводов. – Sweden : Philosophical arkiv, 2016. – 633 с. – URL: http://aifet.com/books/transl_v1_Lorenz.pdf
10. Фан И. Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. – Екатеринбург : УрО РАН, 2006. – 316 с. – URL: http://www.ifp.uran.ru/netcat_files/multifile/789/Fan_2_3.pdf

Olga Yurievna Golomidova,

Lecturer at Hospitality Service and Hotel Management Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Cultural and Historical Sources of Urban Culture

The article analyzes the characteristics of medieval burgher culture as a basis for the formation of modern urban culture, traces the continuity of qualities and properties of European burgher and Russian petty bourgeois in the typical features and lifestyle of early twentieth century citizen. It is noted that a Western European burgher and a merchant possessed such qualities as quickness, risk, practicality, subtlety, deceit, arithmetical mentality, prudence and rationality, which can be found not only in professional matters but also in the life organization. A petty bourgeois is conservative, apolitical, rational, prudent, and thrifty, he understands the value of labor and does not accept wasting money. Despite the large number of recent peasants in the petty bourgeois society and specific folk urban culture formation, city life still left an imprint on the life and views of petty bourgeoisie. The researchers of urban culture of the late XIX – early XX century called the rationality, the primacy of monetary relations, estrangement as a typical features of citizen. The analysis shows that these qualities of the citizen did not appear suddenly, but became the result of the evolution of medieval urban culture.

Key words: city; urban culture; Burger; petty bourgeoisie.

Социально-культурные практики как способ сохранения и развития народного искусства: философско-культурологический анализ

В статье предпринята попытка философско-культурологического анализа социально-культурных практик, способных оказывать влияние на сохранение, развитие и актуализацию народного искусства. Автор рассматривает музейные и галерейные практики, ярмарочную деятельность, а также практики туризма и кураторства как способ сохранения народного творчества.

Ключевые слова: социально-культурные практики; народное искусство; социально-культурные институты.

Сегодня довольно много говорится о необходимости сохранения народного искусства. Идет ли речь о патриотизме и воспитании молодого поколения, о необходимости брендинга территорий, или о развитии туризма, о культурной идентификации, или о важности сохранения культуры малых народов – так или иначе, всплывает тема народного творчества, народных художественных промыслов. Действительно, культурные отличия и самобытность всегда являлись объединяющим началом различных людских общностей, а изделия народных художественных промыслов, выражая специфику той или иной культуры, становились не просто ее символами, но тем, что являлось основой приобщения к истории родного края, к его культуре, к тому, что является основой культурной самоидентификации людей. Однако возникают закономерные вопросы: за счет чего возможно сохранение народного творчества? и как в современном унифицированном мире, наполненном изделиями массового производства, сделать востребованным народное искусство? Ответить на эти вопросы нельзя без обращения к современным социально-культурным практикам.

На сегодняшний день в науке существует несколько подходов к осмыслению практик как философско-культурологической категории. Социальная философия рассматривает практики в качестве всего многообразия «способов реализации человеческого бытия в различных формах закрепления, воспроизводства и развития человеческого опыта, процесс перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условия их жизни, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения» [5, с. 369]. Связывая различные аспекты как индивидуальной, так и совместной жизни людей, практики выявляют проблемы социального существования, являясь неким «специфическим механизмом» в эволюции человека.

Возможно отождествление понятия «практика» и со сферой материального производства (производство вещей), и с трудом. В этом случае практика представляется как заинтересованная, «заряженная» потребностями и человеческими эмоциями, нравственными и эстетическими предпочтениями деятельность.

А. Макинтайр определяет «практики» в качестве последовательной и сложной формы «социально учрежденной кооперативной человеческой деятельности», которая производит блага, дающие некое преимущество той или иной человеческой общности. В соответствии с его концепцией «кладка кирпича – это не практика, а

* Ольга Владимировна Крутеева, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: kruteevaolga@mail.ru

архитектура – практика. Посадка овощей – это не практика, а фермерство – практика» [6, с. 255–256].

Согласно О. В. Хархордину и В. В. Волкову, «практики “раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории» [3, с. 22], являясь не просто фоном общественной жизни, но активным творческим действием. Кроме того, каждая культура вырабатывает свою конфигурацию практик, благодаря чему и проявляется феномен каждого отдельного народа («русскость» у русских, «немецкость» у немцев и т. д.) [Там же, с. 177].

П. Бурдые связывает практики с понятием «габитус», который представляет собой «ансамбль интериоризированных социальных отношений». Являясь их порождающим началом, габитус «позволяет производить бесконечно большое число практик, к тому же относительно непредсказуемых <...> и вместе с тем ограниченных в своем разнообразии» [2, с. 108]. То есть, с одной стороны, габитус производит практики, при этом не допуская их простого механического воспроизводства, но, с другой стороны, он является «каркасом», который ограничивает появление чего-то абсолютно нового. В данном случае мы можем говорить об определенной инвариантности практик, присущих тем или иным социальным общностям.

Однако в рамках данной статьи нам необходимо рассмотреть не практики вообще, а те, которые направлены на сохранение и актуализацию культурного богатства, представленного народным искусством. И речь здесь пойдет о практиках социально-культурных, т. е. связанных, прежде всего, с деятельностью по сохранению, актуализации и передаче культурных ценностей, а также по приобщению к ним отдельного человека и общества в целом. Данное понятие включает в себя взаимосвязь «духовных и социальных факторов функционирования общества и перехода к новым качественным параметрам социокультурной системы» [4]. Это созидательная, творческая деятельность, «адаптивный механизм», который позволяет человеку встроиться в контекст культурных и социальных процессов. В ходе таких практик человек производит, потребляет и тиражирует культурные ценности, в результате чего и происходит создание «вторичной среды обитания». «Эта среда, которая и есть, собственно, не что иное, как культура, должна постоянно воспроизводиться, поддерживаться и регулироваться» [7, с. 44], благодаря чему происходит не только сохранение человеческого общества, но и его развитие, выход на новый культурный уровень.

Объединяясь между собой, взаимодействуя и видоизменяясь, в какой-то момент практики образуют некую упорядоченную форму, складываются в более или менее стабильную структуру, которая по своей сути является социально-культурным институтом. Каждый такой институт, в свою очередь, выполняет определенные социокультурные функции, важные для той или иной людской общности. Со временем, несмотря на свою относительную устойчивость, институты способны видоизменяться, становясь порождающим началом новых практик, которые в будущем способны перейти в новое качество. Можно сказать, что социально-культурный институт есть некая структура, обеспечивающая поддержание общности людей, объединенных между собой определенными практиками. Артефакты и символический капитал, который накапливается в результате функционирования данного образования, со временем начинает не только видоизменять практики, но и влиять на культурные процессы. Именно символический капитал является основой признания самобытности отдельных культур, приводит к повышению их значимости, а также становится тем, через что возможна культурная самоидентификация людей.

В зависимости от своей функции социально-культурные институты могут принимать самые различные формы. Так, необходимость сохранения и аккумуляции культурной памяти, ее передачи будущим поколениям явилась порождающим началом возникновения музея, в основе деятельности которого лежит приобретение, хранение, исследование, популяризация и экспонирование материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей человека. Музей производит отбор предметов, которые необходимо передать будущим поколениям, определяя в какой-то мере культуру будущего, а также творческий характер процессов интерпретации этих предметов. Именно благодаря музеям происходит консервация предметов, превращение их в некую «клеточку культурной памяти». И если мы говорим о народном искусстве (народных художественных промыслах), то музей не просто сохраняет изделия народного творчества в неизменном виде, он в данном случае служит основой идентификации жителей, выполняет воспитательные функции, передает богатство народной повседневной культуры потомкам. Музеи народной культуры «становятся хранителями “гения места”, создают культурную географию региона» [9].

Как уже говорилось выше, практики, закрепленные социально-культурным институтом, со временем способны переходить в новое качество. И если практики коллекционирования и меценатства дали рождение музею, то музейные практики, в свою очередь, послужили началом появления практик галерейных. Но если музей – хранитель культуры, не обязанный вводить в повседневную жизнь сохраняемые им артефакты, то галереи имеют другое назначение.

Галереи современного искусства – некий культурный феномен, который соединил в себе и коммерческую, и социокультурную функцию. Это пространство, формирующее представление о современном искусстве, институт, который обеспечивает движение актуальных культурных ценностей в жизнь людей. Галерейная практика является, по словам П. Бурдые, «рынком символических благ». Во многом благодаря галереям происходит появление новых талантливых мастеров, необычных художественных техник, открываются новые направления в искусстве, возрождаются и переосмысливаются забытые художественные промыслы и традиции народного творчества.

Здесь важно отметить, что современные промыслы существенно изменились. Если раньше определяющей выступала их утилитарная функция (изделия широко использовались в быту), то в современном мире многие из них становятся ближе к искусству. Так, изделия художественнойковки сегодня могут выступать не только как утилитарные объекты (кованая садовая и парковая мебель, решетки, объекты городского пространства и др.), а как дизайнерские вещи и предметы интерьера (например, кованые яблоки уральского кузнеца А. Лысякова). То же можно сказать и о росписи, и о резьбе по дереву, и о керамике. Став предметами декоративно-прикладного искусства, эти изделия становятся объектами галерейных практик, а через их трансформацию происходит не просто актуализация народного творчества, но и приращение культурного капитала.

Говоря о сохранении народного искусства, нельзя не упомянуть о выставочных практиках, без которых невозможно существование ни музеев, ни галерей.

Современная выставка – особое пространство, точка соединения прошлого и настоящего, место, где даже знакомые экспонаты, разместившись определенным образом и в определенном контексте, открываются посетителю в новом ракурсе, наполняются новыми смыслами. Для народного искусства (народных художественных промыслов) выставка становится «художественным текстом», который уводит зрителя по «заданному маршруту», рождая новое понимание репрезентуемых изделий. Выстроенная определенным образом, выставка «оживляет» изделия

народного творчества, актуализирует как изделия прошлых времен, так и работы современных мастеров-ремесленников.

В тесном взаимодействии с музейными, галерейными и выставочными практиками находится кураторство, которое в современном мире, с его информационной перенасыщенностью, «отвечает на вопрос, как нам жить в эпоху, где главные трудности – в переизбытке всего» [1, с. 21]. Именно кураторство способно не просто высветить то или иное культурное событие, но стать связующим звеном между автором и его зрителем. Куратор в данном контексте – соавтор в особом пространстве выставки, а кураторские практики – самоценная деятельность, направленная на создание «новых форм жизни» [8, с. 54]. И если мы говорим о народном искусстве, то куратор, с его особым взглядом на мир, способен актуализировать, дать новую жизнь и музейному экспонату, и предмету современного искусства, и изделию народного художественного промысла.

Рассматривая вопросы сохранения и развития народного искусства, важно отметить, что стимулом развития художественных промыслов всегда была торговля (ведь промысел – это изначально все то, что связано с получением прибыли). И здесь уместно обратиться к формату выставки-ярмарки, который может включать в себя и выставочную деятельность, и просветительскую работу, и непосредственно торговлю. Кроме того, ярмарки, как ничто другое, способствуют культурному обмену, являясь неким каналом коммуникации. Во многом благодаря ярмаркам, в художественных промыслах появляются новые для определенного региона, заимствованные стили, формы, рисунки, начинают использоваться необычные материалы и приемы работы.

Конечно, рассмотренные социально-культурные практики не исчерпывают всего спектра практик, влияющих на сохранение и развитие народного искусства. Нелишним будет упомянуть и рекламную деятельность, и public relations, и, конечно же, туризм. Именно практики туризма, как ничто другое, способны ввести народное искусство в современную жизнь. Это может происходить и через трансформацию изделий народных художественных промыслов в аутентичный сувенир, и через конструирование особых пространств, включающих в себя музеи, галереи и выставки. Народное искусство может стать основой событийного туризма (организация ярмарок и фестивалей народного искусства), культурно-исторического и этнотуризма (посещение старых производств и мест бытования промыслов). Оно может войти в пространство через использование в интерьерах гостиниц и ресторанов, в стилистике оформления деловых мероприятий. Принимая разные формы, туристские практики «достаю» из глубины культурной памяти образы, события, памятные места. И здесь даже поверхностное восприятие будет «волшебной палочкой» возрождения интереса к культуре народа, страны или отдельного региона. Расширяя границы нашего мира, усиливая коммуникативные связи, обогащая наш культурный потенциал, туризм становится одним из мощных средств актуализации культурного наследия, представленного народным искусством.

Таким образом, можно констатировать, что социально-культурные практики, принимающие различные формы, закрепленные в тех или иных социально-культурных институтах, создают ту культурную среду, которая и актуализирует народное творчество, делает его живым и востребованным в современном мире.

Литература

1. Баскар М. Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 360 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М. : Институт экспертной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. – 562 с.
3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
4. Иванов К. П. Деятельность и мышление в философско-методологическом анализе социокультурной практики. Социальные процессы и институты [Электронный ресурс]. – URL: <http://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/19-2012-3-18/65-deyatelnost-i-myshlenie-v-filosofsko-metodologicheskom-analize-sotsiokulturnoj-praktiki>
5. Кемеров В. Е. Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая Книга, 2006. – 624 с.
6. Макинтайр А. После добродетели: исследование теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 384 с.
7. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М. : ОГИ, 1999. – 208 с.
8. Мизиано В. Пять лекций о кураторстве. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 232 с.
9. Мясникова Л. А. Музейная практика как форма культурной памяти и наследования [Электронный ресурс] // Дискуссия : политематический журнал научных публикаций. – 2015. – № 9. – URL: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=1446>

Olga Vladimirovna Kruteyeva,

Post-graduate student of Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Sociocultural Practices as a Way to Preserve and Stimulate the Folk Arts: Philosophical and Cultural Analysis

The article attempts to present philosophical and cultural analysis of sociocultural practices that can influence the preservation, development and actualization of folk art. The author considers museum and gallery practices, fair activities and tourism and curatorial practices as a way of preserving the folk arts.

Key words: Social and cultural practices; folk art; socio-cultural institutions.

Феномен моды: роль классических концепций в современности

Мода как один из самых сложных и изменчивых феноменов культуры требует постоянного переосмысления. Очевидно, что характер современной моды не может оставаться таким же, каким он был в конце XIX – начале XX в. В цифровую эпоху, когда важнейшую роль играют новые технологии и медиа, происходят существенные изменения, отражающиеся в моде. В данной статье проанализированы основные положения классовых концепций моды Г. Зиммеля и Т. Веблена с точки зрения их актуальности в современном мире.

Ключевые слова: мода; феномен моды; вестиментарная мода; классовые концепции моды; одежда; теория «просачивания»; стиль, субкультуры.

Феномен моды – один из наиболее значимых и неоднозначных феноменов современности. В постиндустриальном обществе – обществе массового потребления происходит переосмысление феномена моды. Одни исследователи говорят об элитарном характере моды, другие о демократизации, кто-то подчеркивает всеохватность, тотальность современной моды, другие заявляют об утрате модой былых позиций и, фактически, о смерти моды. Несомненно, понимание моды меняется, так же как меняются и смыслы современности, не случайно моду называют зеркалом эпохи. Что же собой представляет современная мода? Можно ли понять ее характер, опираясь на классические концепции, сформулированные еще в XIX в.? Или же произошедшие в моде трансформации требуют абсолютно нового подхода?

В рамках данной статьи мы проанализируем классические концепции Г. Зиммеля и Т. Веблена, основным критерием которых выступает классовый характер моды. Нам представляется интересным рассмотреть данные работы и понять, как сильно изменилась мода сегодняшнего дня и не переросла ли она в совершенно иное явление, нежели мода XIX – начала XX в.

Говоря о моде, отметим, что это понятие у большинства людей ассоциируется с костюмом, с определенной манерой одеваться, господствующей в течение некоторого отрезка времени. Несомненно, такая трактовка очень узка, так как современная мода пронизывает весь образ жизни человека: мы можем говорить о модных тенденциях в сфере кино, музыки, танца, модными становятся те или иные слова, а также повседневные предметы, стиль жизни, сценарии поведения. Этот феномен настолько масштабен, что сложно выделить такую сферу жизни, которая не была бы подвержена влиянию моды. Однако именно вестиментарной моде, т. е. моде в области одежды, посвящены труды первых исследователей этого феномена. Это не случайно: одежда непосредственно связана с человеческим телом, она создается для человеческого тела, являясь его постоянным спутником на протяжении всей жизни, одежда моделирует и интерпретирует тело, «создавая специфические телесные конструкции, а также соответствующие культурные представления и модели поведения» [7], поэтому интерес к ней не ослабевает на протяжении веков. Но стоит сказать, что характер распространения моды, ее проявления неодинаковы в различных временных веках. Если изначально движение моды можно было объяснить теорией «просачивания» вниз, т. е. от высших

* Татьяна Леонидовна Трушина, – аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: biruk-nafania@mail.ru

сословий к низшим, то сегодня, в эпоху информационную, эпоху цифровую, ситуация меняется, усложняется, и однозначно описать современную моду довольно сложно. Обращаясь к классическим теориям, мы хотим выявить те свойства, признаки и механизмы распространения моды, которые утратили свой смысл, перейдя в другую временную веху, и те, которые остаются актуальными и сегодня.

Одними из первых исследователей феномена моды являются Георг Зиммель (1858–1918) и Торстейн Веблен (1857–1929) – авторы теории «просачивания» вниз. Основаны они на классовом различии, так как изначально мода демонстрировала социальный статус, уровень благосостояния. Следуя теории Г. Зиммеля, основные мысли которой изложены в эссе «Мода», опубликованном в 1905 г., мода создается в высших сословиях и постепенно перенимается низшими, т. е. «просачивается» вниз, теряя свою новизну и становясь в итоге массовой. Это заставляет высшие сословия вновь создавать другую моду, желая продемонстрировать социальную дистанцию. «Поэтому мода означает, с одной стороны, присоединение к равным по положению, единство характеризуемого ею круга и именно этим объединение этой группы от ниже ее стоящих, определение их как не принадлежащих к ней. Связывать и разъединять» [5, с. 269] – основные функции моды по Зиммелю. Автор считает, что мода необходима обществу для удовлетворения не столько эстетических, сколько социальных или психологических потребностей, иначе сложно объяснить появление абсолютно нефункциональных и нецелесообразных форм одежды. Одно из важнейших свойств моды, по Зиммелю, – это возможность приобщиться к коллективу, с одной стороны, встать в уже кем-то проложенную колею и не сходить с этого пути, что освобождает индивида от ответственности за совершенный выбор, оправдывает его вкус; с другой же – возможность выделиться, продемонстрировать свою индивидуальность. «Мода – не что иное, как одна из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию» [Там же, с. 268]. Такой феномен, как мода, по Зиммелю, возможен только в классовом обществе, где «мода находит себе применение лишь в высших сословиях. Как только ее начинают перенимать низшие сословия, тем самым переходя поставленную высшими сословиями границу, <...> высшие сословия сразу же отказываются от данной моды и принимают новую, которая позволяет им вновь дифференцироваться от широких масс» [Там же, с. 271]. Чем быстрее мода перенимается «низшими», тем быстрее создается новая, а сам модный объект удешевляется, а потому становится доступным всем тем, кто ранее не мог им обладать. Следовательно, развитие моды постоянно ускоряется. Наблюдая за жизнью горожан, автор приходит к мысли, что большие города становятся питательной почвой для моды, именно там виден процесс быстрого принятия и такого же быстрого отказа от новых форм и явлений. Также автор отмечает, что мода не может быть принята абсолютно всеми, ей следует лишь определенная часть людей, в то время как остальные только стремятся к ней. В этом заключается сущность моды. «Как только мода полностью принята, т. е. как только то, что первоначально делали только некоторые, теперь действительно совершается всеми без исключения <...> это больше не называют модой. Каждое дальнейшее распространение моды ведет к ее концу, так как уничтожает различие» [Там же, с. 274]. Зиммель подчеркивал быстротечный характер моды, который особенно привлекателен для людей. Новое явление можно назвать модой тогда, когда есть уверенность в его быстром исчезновении, а потому мода «есть одновременно бытие и небытие, находится всегда на водоразделе между прошлым и будущим и, пока она в расцвете, дает нам такое сильное чувство настоящего, как немногие другие явления» [Там же, с. 275]. Таковы основные идеи классовой концепции моды по Зиммелю.

Т. Веблен, как и Г. Зиммель, придерживался концепции классового происхождения моды. Свой взгляд на появление и распространение моды Веблен изложил в книге «Теория праздного класса: экономическое исследование интуиций» (1899). Согласно его теории, мода присуща обществам, где четко выражена иерархия, а одна из основных функций моды – демонстрация статуса и материального положения. Одним из важнейших правил в моде автор считает принцип «демонстративного расточительства». В качестве второго правила признается принцип «демонстративной праздности». Также Веблен говорит и о третьем правиле, не уступающем по важности первым двум. Помимо неудобства и дороговизны одежды, одновременно с этим она должна быть современной. Веблен считает, что скрытая, неявная функция моды заключается в том, чтобы обеспечивать уважение и почет. Книга Веблена вышла в конце XIX в., и именно из контекста складывающейся в это время ситуации в США исследователь формирует свою теорию происхождения моды. Если в Европе конца XIX в. аристократия выделялась в большей степени присущими ей культурой и этикетом, то в Америке наблюдалась другая ситуация. Сформировавшийся богатый слой населения, «праздный слой», не отличался высокой культурой, а потому прибегал к показному образу жизни, с целью демонстрации своего статуса. «Свои каноны образа жизни буржуазия пытается навязать всему обществу, всем его слоям. Орудия идеологического воздействия – средства рекламы, массовой информации – принадлежат буржуазии, а буржуазная система ценностей обладает высокой проникающей способностью» [3, с. 53]. Веблен, как и Зиммель, считал, что именно городская среда, городской образ жизни способствуют появлению новой моды. «В тех условиях, где норма демонстративного расточительства заявляет о себе менее властно, чем в больших современных городах с высокой культурой, относительно подвижное и богатое население которых задает сегодня тон в вопросах моды, – там вырабатываются постоянные стили одежды, которые будут выдерживать испытание временем» [Там же, с. 183]. Важно, чтобы одежда представителя буржуазии демонстрировала его непричастность ни к какому виду производительного труда, была дорогой и подчеркнуто нефункциональной. Отмечая абсолютную бесполезность и малую эстетичность модной одежды, Веблен показывает, что же влияет на постоянную смену и обновление модной одежды. «Мнимая полезность модных деталей одежды является, однако, столь очевидным притворством, а их фактическая бесполезность вскоре заставляет нас так прямо обратить на себя внимание, что становится нестерпимой, и тогда мы прибегаем к новому стилю. Однако новый стиль должен подчиниться требованию почтенной расточительности и бесполезности, которая становится вскоре так же ненавистна, как бесполезность стиля-предшественника» [Там же, с. 186]. Законодателями моды, по Веблену, являются те, кто находится выше по социальной лестнице. Механизм движения моды происходит в результате погони низших слоев за престижным, но чуждым им уровнем потребления, который демонстрируется высшими слоями. Когда модные образцы расходятся в низших слоях населения, они теряют функцию подчеркивать статус владельца, что приводит к новому поиску символов, а следовательно, к смене моды. Таким образом концепция моды, по Веблену, строится на желании продемонстрировать обществу высокое материальное положение конкретного слоя этого общества.

Рассмотрев основные моменты классических концепций, попробуем наложить описанные принципы появления и распространения моды на сегодняшний день. Несомненно, те перемены, которые характеризуют современность, не могли не отразиться в моде – одной из самых значимых составляющих культуры. Современное общество – это общество массового потребления, это общество развитых коммуникационных процессов и технологий. Это общество цифровое, где вирту-

альная жизнь, жизнь иллюзорная, идет параллельно с реальностью. Поэтому абсолютно естественно говорить и о трансформации моды как о сложном феномене, отражающем все значимые явления, происходящие в мире.

Обе концепции построены на классовом неравенстве. Нужно сказать, что сегодня нет такого явного расслоения общества, однако невозможно говорить и об абсолютном равенстве, а потому стремление подражать высшим слоям все же остается. Важно, что сегодня это не единственный механизм распространения моды, а лишь один из вариантов. Современная мода невероятно усложнилась, что связано, в первую очередь, с изменением социокультурного контекста, в котором мы пребываем. Мода сегодня плюральна, и часто задается не богатыми и известными персонами, а, например, блогерами, которые стали популярны, воспользовавшись возможностями цифровой эпохи, да и просто обычными людьми, для которых улица становится своеобразным подиумом, где они могут продемонстрировать собственный вкус. Пройдя определенный цикл, который состоял из стилистической новации, ее распространения и затем постепенного спада предложенной тенденции, в моде оставался один определенный стиль, который царил на протяжении сезона, а затем сменялся другим, что наблюдали исследователи XIX – начала XX в. Современность же, как отмечает Сьюзан Винсент, характеризуется множеством модных циклов. «Эта разная пульсация накладывается друг на друга, соревнуется друг с другом и пытается приковать к себе внимание. И модные циклы скорее принадлежат субкультурам, а не демонстрируют какой-то унитарный лук» [4]. Если в прошлом была конкретная стилистическая составляющая, которая определяла эпоху, то сегодня этого нет. Мы не наблюдаем единого стиля, но есть множество вариантов, которые задаются различными игроками модного пространства одновременно. Система от-кутюр сегодня делит занятое пространство и сферу влияния с дизайнерами-самоучками, которые завоевывают признание через социальные сети и другие медийные каналы.

Веблен, как и Зиммель, подчеркивает зарождение моды в крупных городах. Это утверждение справедливо и сегодня, несмотря на то что в век развитых коммуникационных технологий, казалось бы, не остается мест, куда не попадает информация, но все же центры моды, как и раньше, располагаются в столицах и городах с развитой инфраструктурой и высокой культурной составляющей.

Функции моды связывать и разъединять, о чем говорит Г. Зиммель, актуальны и сегодня, хоть и начинают звучать по-другому. Сегодня, выбирая определенный бренд, мы демонстрируем свою причастность к конкретной группе людей (объединенной, возможно, одной возрастной категорией, схожими интересами, предпочтениями или образом жизни), что, в свою очередь, показывает отстранение от других социальных групп. Демонстрация классового неравенства уходит в прошлое, о чем, к примеру, говорит и стиль нормкор, который стирает границы между богатыми и бедными и провозглашает торжество простоты и удобства. Сегодня мы видим, как состоятельные известные люди выбирают масс-маркеты, отличающиеся своей ценовой доступностью, а потому не самым высоким качеством ткани и исполнения. Например, шведская кронпринцесса Виктория для повседневных и торжественных мероприятий выбирает одежду марки H&M. Всё больше состоятельных людей отходит от демонстративного расточительства, показного шика, которые имели место несколько десятков лет назад. Сегодня наблюдается обратная тенденция, богатые уделяют гораздо меньше времени, средств и сил созданию своего образа и часто выбирают максимально простой стиль. Но отметим, что это лишь одна из множества тенденций.

Многие современные исследователи приписывают моде эгалитарный характер, что в корне противоречит рассмотренным классовым концепциям, и если мы посмотрим на существующую ситуацию, когда модные трендовые модели появ-

ляются в масс-маркетах практически сразу после выхода новой коллекции на подиумы, то, действительно, можно сказать, что мода стала доступной всем. Еще более важный момент в производстве моды сегодня заключается в том, что те идеи, которые сегодня воплощаются дизайнерами, часто черпаются из уличной моды, из моды субкультур. Это ли не демократия?! В дизайнерских коллаборациях с масс-маркетами мы также можем усмотреть элемент демократизации моды, но ряд исследователей заявляет об обратном. «Именно идея интеграции, согласно которой лучше иметь больше клиентов, чем меньше, заставляет дизайнеров вроде Нарцисо Родригеса создавать одежду и для первой леди США, и для клиентов сети Lindex» [2, с. 71]. Поэтому говорить однозначно о смене характера моды сегодня опять же нельзя, мы вновь видим здесь вариативность, свойственную современной моде.

Подчеркиваемая Зиммелем возможность, которую дает мода, приобщиться к коллективу и в то же время продемонстрировать свою индивидуальность, сегодня так же актуальна, как и сто лет назад. Есть те, кто копирует представленные модные образы в магазинах, в соцсетях или других источниках, а есть те, кто задает тон. Если мы посмотрим на уличный стиль, то поймем, что эти люди, демонстрируя свойственные им смелость и креатив, не пытаются на кого-то походить. «Субкультурные группы создают визуальные идентичности, которые отражают их идеалы, и противопоставляют их остальным – как мейнстриму, так и другим современным субкультурам» [1, с. 24]. При этом мы понимаем, что далеко не все рискнут копировать этот незаурядный образ. Большинство же придерживается проверенных форм, линий, силуэтов и цветовых решений. Зиммель отмечал, что мода перестает быть модой, когда в нее облачается большинство. Следовательно, мода только тогда актуальна, когда она лишь будоражит воображение, когда это самое большинство желает ею обладать. Учитывая новые скорости, сегодня нам все сложнее зафиксировать тот временной отрезок, когда тенденция еще остается актуальной, а, например, в 70-х годах XX в. это еще было возможно. Видимо, единственная возможность следовать моде – создавать ее! Идти в ногу с быстро текущим временем или даже опережать его.

Из века в век роль моды, роль одежды в нашей жизни остается невероятно значимой, так как несет определенные смыслы, раскрывает идентичность, означает культурный статус человека. «Одежда принадлежит к числу культурных универсалий, и в любой культуре нормой считается одетое тело» [7, с. 67]. Рассмотрев классические концепции Т. Веблена и Г. Зиммеля, мы приходим к выводу, что феномен моды хоть и усложнился, трансформировался, но все же остается тем же явлением, о котором писали авторы данных трудов. Многие изложенные аспекты в наши дни утратили свой смысл и перестали работать в современном обществе, многие же основополагающие умозаключения актуальны и сегодня, а потому есть смысл опираться на них в дальнейшем, более глубоком исследовании феномена моды.

Литература

1. Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке / пер. с англ. Е. Кашищевой, А. Красниковой. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 176 с.
2. Арнтцен М. Г. Дресс-код. Голая правда о моде. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 200 с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Г. Сорокиной. – М. : Прогресс, 1984. – 442 с.
4. Винсент С. Мода и юмор: стратегии, теории и практики : конференция журнала «Теория моды» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wonderzine.com/wonderzine/style/stylenews/222733-fashion-and-humour>
5. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М. : Юрист, 1996. – 607 с.

6. Капкан М. В. Культура повседневности : учеб. пособие / М. В. Капкан ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с.

7. Лебедева Н. Время больших перемен: эволюция образа тела и костюма в сценическом танце XX века [Электронный ресурс] // Теория моды. – 2017. – № 44. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8702>

Tatiana Leonidovna Trushina,

Post-graduate Student, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

The Phenomenon of Fashion: the Role of Classical Concepts in Modern Times

Fashion as one of the most complex and volatile cultural phenomena requires constant rethinking. The character of modern fashion cannot remain the same as it was in the late XIX – early XX centuries. New technologies and media play the most important role in the digital age and it is reflected in modern fashion. This article analyzes the main provisions of the class concepts of fashion by G. Simmel and T. Veblen in terms of their relevance in the modern world.

Key words: fashion; phenomenon of fashion; vestimentary fashion; the class concept of fashion; clothes; the theory of «trickle-down»; style, subculture.

Памяти Сергея Васильевича Голынца (1939–2018)

20 февраля 2018 г. ушел из жизни Сергей Васильевич Голынец, талантливый искусствовед, профессор Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Гуманитарного университета, действительный член Российской академии художеств, член редакционного совета журнала «Вестник Гуманитарного университета».

С. В. Голынец был одним из ведущих исследователей творчества русских художников рубежа XIX–XX веков, прежде всего входивших в объединение «Мир искусства», сотрудничавших с С. П. Дягилевым. Занимался Голынец и изобразительным искусством Урала (Невьянская икона, современные художники, такие как, например, Г. Метелев, Г. Мосин, Г. Райшев). И все же наиболее известны и стали классическими

его книги и статьи о творчестве И. Я. Билибина и Л. С. Бакста. Сергей Васильевич участвовал в организации крупных выставок этих художников, был соавтором солидных каталогов. Совсем недавно вышла новая большая монография Сергея Васильевича о Льве Баксте, вобравшая огромный фактический материал, весь многолетний опыт работы-диалога автора с творчеством и жизнью Бакста и их новое видение, подсказанное контекстом двадцать первого века. Сергей Васильевич удивительно органично умел соединять непреходящие в своей истине и правде позиции прошлого и новый опыт, был открыт новизне в жизни и искусстве, но никогда не порывал с бэкграундом великой духовной и художественной культуры человечества и нашей страны. В этом смысле он уже сейчас с полным основанием может быть назван классиком искусствоведения. Его работы – в золотом фонде отечественного искусствознания.

С. В. Голынец был замечательным преподавателем, лектором. Всю жизнь проработал на кафедре истории искусств УрГУ-УрФУ, которой заведовал многие годы. А когда в созданном Гуманитарном университете заработал факультет истории культуры, С. В. сразу стал его профессором. Его лекции об изобразительном искусстве Серебряного века пользовались большой популярностью у студентов этого факультета. Позже С. В. Голынец стал научным сотрудником нашего вуза, продолжая выступать с лекциями и организованными им музейными экскурсиями перед студентами факультета современного танца.

Трудно смириться с уходом такого человека, как Сергей Васильевич. Он был настоящим русским интеллигентом, т. е. не только высокообразованным человеком и вечным тружеником, но и одухотворенной, тонко чувствующей «состояние мира» и внутренний мир других людей, глубоко порядочной личностью. Был нетерпим к неправде и злу. Но душевно терпим, деликатен к людским слабостям, чуток к нуждам и проблемам своих коллег, товарищей, родных.

Он страстно, упоительно любил жизнь, умел получать наслаждение от любого ее доброго и прекрасного проявления. Он умел и любил быть веселым, жизнерадостным, праздничным – и в этом проявлялась его внутренняя свобода, высота его духа, его осмысленное и последовательное «благоговение перед жизнью» (формула Альберта Швейцера).

Замечательные труды Сергея Васильевича Голынца, его воплощенный в учениках: студентах, аспирантах, последователях талант и опыт, его яркий, светлый и человечный образ, его веселое жизнелюбие и обаяние, нравственное благородство и красота остаются с нами. Спасибо Вам, дорогой Сергей Васильевич!

*Л. А. Закс,
ректор Гуманитарного университета,
доктор философских наук, профессор*

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- На русском и английском языках приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 15 февраля

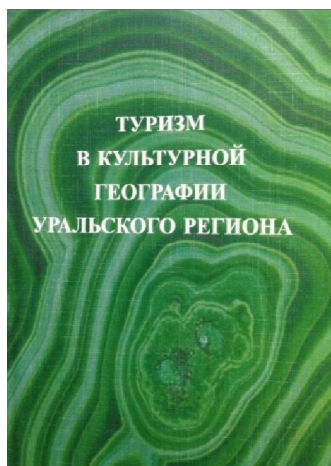
№ 2 – до 15 мая

№ 3 – до 15 августа

№ 4 – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

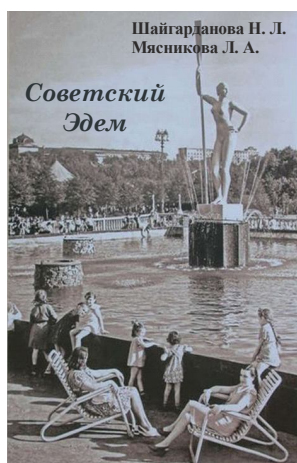

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

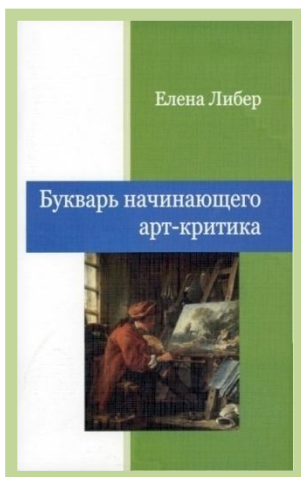

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

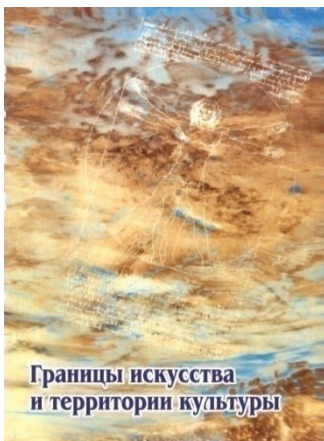

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

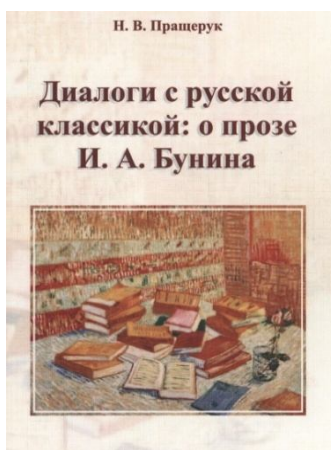
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

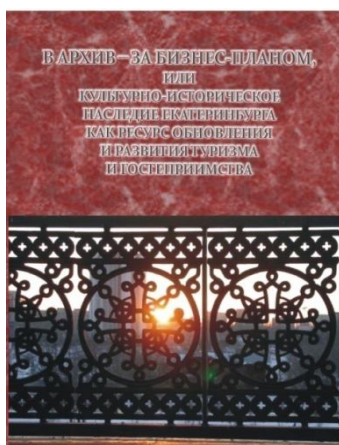
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

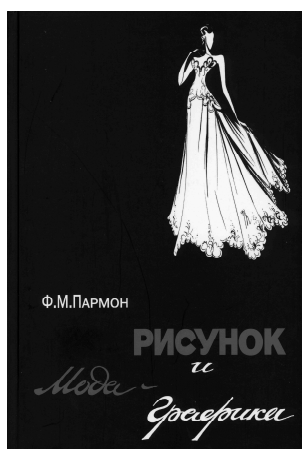

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2017/18 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,6 года по очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 22 места
Заочная форма – 15 мест
- Экономика (38.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 9 мест
Заочная форма – 9 мест
- Юриспруденция (40.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 19 мест
Заочная форма – 23 места

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма – с 1 июня по 24 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 25 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 25 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 01.06.2018 г. по 14.09.2018 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2018. № 1 (20)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать **06.03.2018**.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 7,44
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3